

Пенитенциарная психология в России: состояние и перспективы развития

В. М. Поздняков

Известный отечественный психолог К. К. Платонов любил повторять: «Каждой науке что-то дано, а что-то задано». Проведенные историческое и компаративное исследования (В. М. Поздняков, 1998, 2000) позволяют констатировать, что на современном этапе развития отечественной пенитенциарной психологии в силу дисциплинарно-научной эволюции и «вызовов XXI столетия» крайне актуальным является интеграция юридико-психологического знания, а также усиление взаимосвязи между ее теоретической, методической и психопрактической составляющими.

В публикациях ведущих пенитенциарных психологов (В. Г. Деев, М. Г. Дебольский, В. Ф. Пирожков, А. И. Ушатиков, А. Н. Сухов, Д. В. Сочивко и др.) отчасти раскрыты содержательные трансформации и формообразующие инновации в данной отрасли юридической психологии, связанные с ростом востребованности ее достижений при совершенствовании уголовно-исполнительного законодательства и реформе уголовно-исполнительной системы России, расширении ведомственной системы профессиональной подготовки специалистов психологов и создании в ФСИН России полноценной психологической службы. Однако, наряду с выявлением актуальности и нового в пенитенциарной психологии, сегодня для ее конструктивного развития как науки и сферы психопрактики представляется важным отразить

имеющийся потенциал и влияние на его актуализацию в перспективе различных факторов.

В качестве **узловых детерминант развития современной пенитенциарной психологии** можно выделить: **1) социокультурные; 2) дисциплинарно-отраслевые (научно-прикладные); 3) субъектные.** Рассмотрим их сущность и влияние подробнее.

Изменения в России, происходившие в последнее пятнадцатилетие, актуализировали выход на методологию «неклассической психологии», где «главным принципом является осознанное вмешательство в жизнь» (А. Г. Асмолов, 2002). В связи с этим необходим мониторинг становления и развития в профессиональном пенитенциарном сообществе психологической культуры. Это обусловлено тем, что здесь до настоящего времени происходит слепая ассимиляция зарубежных концептуальных моделей и психотехнических средств, причем не лучших образцов, а ставших лишь ситуативно доступными. На это влияет и активное издание в России книг по поп-психологии, парапсихологии и религиозно-медитативным психотехническим системам, знакомство с которыми, как отмечено В. Н. Дружининым (1999), может создавать у психологов неадекватные ценностно-смысловые ориентиры. Чтобы профилактировать их возникновение, представляется актуальным отразить суть складывающейся сегодня

ня в России «культурадигмы» (С. Ю. Степанов, 1999) и раскрыть ее влияние на развитие психологического обеспечения деятельности пенитенциарных учреждений.

Проведенный в культурадигмическом ракурсе методолого-концептуальный анализ позволил обосновать важность **опоры при дальнейшем развитии пенитенциарной психологии не только на постулаты доминировавшей объектно-деятельностной методологии, но и на идеи субъектно-соучаствующего подхода**, активно развивавшегося отечественными учеными в дореволюционный период и реализованными А. С. Макаренко в 1920-30-е годы в виде эффективной педтехнологии перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей.

Суть субъектно-соучаствующего подхода состоит в полноценном учете социокультурных оснований со-участной (даже в условиях мест лишения свободы) жизнедеятельности людей, а также развитии у отбывающих наказания просоциальной субъектной активности. При опоре **в развитии пенитенциарной, да и других отраслей юридической психологии** на указанный подход следует **руководствоваться следующими методологическими принципами:**

1. *Принцип системности в изучении и интерпретации юридико-психологических явлений.* Он ориентирует на анализ юридико-психологических явлений одновременно в структурном, функциональном и генетическом аспектах со вскрытием их целостной детерминации, механизмов и наблюдаемых сверхаддитивных эффектов (закономерностей).

2. *Принцип процессуально-акторного развития правосознания.* Он отражает факт двойственности становления человеческой индивидуальности, где одна сторона («внутренняя») базируется на закономерностях и механизмах индивидуации, а другая («внешняя») - на правовой социализации. В связи с тем, что психика человека как открытая функциональная система в силу процессуальности функционирования способна порождать новые содержания (причем в контексте как позитивной, так и негативной правовой ответственности), требуется создавать специальные условия для выработки фиксированных установок, которые бы ограничивали поведение рамками существующих правовых норм.

3. *Принцип субъектности правовой активности.* Он выражает гуманистический взгляд на восприятие взрослого человека в качестве субъекта правоотношений и требует изучения доминирующего у него уровня ценностных ориентаций (эгоцентрического, группоцентрического, просоциального или духовного), предопределяющих особенности отношения к существующей правовой реальности и инновациям в законодательстве, а также ориентиры в дальнейшем развитии как субъекта правовой активности.

4. *Принцип инструментальной соотнесенности при комплексном подходе к решению психопрактических задач.* Он ориентирует на поиск адекватного онтологическому уровню изучаемой и/или преобразуемой юридико-психологической реальности методического инструментария и обеспечение его комплексирования (трансметодичности) при решении психологами практи-

ческих задач в правовой сфере, чтобы в итоге целостно учитывать взаимосвязь всех влияющих явлений и управлять их взаимодействием на основе применения психотехнических средств.

5. *Принцип позитивности воздействий при личностной и групповой трансформации.* Его безусловная реализация связана с тем, что крайне необходимо, т.к. юридическому психологу обычно приходится работать с людьми, которые находятся в стрессогенном состоянии, а также являясь асоциальными личностями, имеют негативные установки по отношению к правоохранительным органам. Он означает центрированность психолога на положительном опыте клиентов или просоциальных основаниях групповой динамики. При этом реализации при взаимодействии с клиентами установка на со-участие, с задействованием имеющихся позитивных личностных и групповых ресурсов способствует повышению у них жизненной энергии и сплоченности, самоактуализации при преодолении внутриличностных кризисов и реализации просоциального поведения при неблагоприятных внешних условиях.

В качестве дисциплинарно-отраслевых детерминант, предопределяющих тенденции развития отечественной пенитенциарной психологии, выступают факторы внутри- и междисциплинарного характера, которые ведут к ее дальнейшей как дифференциации, так и интеграции. О роли разноплановых влияний наглядно свидетельствуют защищенные в 2001 - 2006 гг. диссертации: при росте количества кандидатских и докторских исследований соответственно в 3,5 и в 1,5 раза, по сравнению с 1990-ми гг., их тематика расширилась, но не

столь значительно. Как позитивное отметим, что в качестве новых кластеров исследования выступила проблематика в области юридико-экстремальной психологии, психологического обеспечения исправления новых категорий осужденных (с пожизненным наказанием, ВИЧ-инфицированных и др.), психолого-управленческого воздействия на персонал на различных этапах его профстановления и карьеры. В тоже время беспокоит, что в разработках пенитенциарных психологов концептуально-теоретическая интеграция знания и создание комплексного психотехнического инструментария осуществлялись в недостаточной мере.

Для преодоления указанных узких мест и конструктивного развития пенитенциарной психологии представляется актуальным: 1) провести упорядочение дисциплинарного поля пенитенциарной психологии, т.е. определение ее новых границ как дисциплинарной системы, чтобы в итоге обеспечить гармоничное развитие всех структурных составляющих (теоретической, методической, психопрактической); 2) осуществить категориальную рефлексию, чтобы способствовать адекватной психологизации в правотворчестве и правовом регулировании; 3) шире вести разработку оригинального психотехнического инструментария, а не только адаптировать достижения из других отраслей отечественной психологии, а также зарубежной пенитенциарной психопрактики.

Субъектная детерминанта в развитии пенитенциарной психологии, к сожалению, проявляется в такой неблагоприятной тенденции, как отставание качественной характеристики психоло-

гических кадров от показателей их количественного роста. Изучение **практики функционирования психологической службы и деятельности психологов в ФСИН России** позволяет считать, что здесь актуальным является решение в перспективе **трех групп разноплоскостных проблем: 1) содержательно-предметной, 2) институциональной, 3) социально-ментальной.**

Среди проблем содержательно-предметного плана актуальным является изучение путей повышения престижности службы и снижения текучести кадров УИС России. В этой связи востребована разработка научно обоснованной концепции изучения и управления личностно-профессиональным ростом и карьерой различных категорий сотрудников. Для успешной реализации диагностико-прогностической функции актуальным является: 1) создание социально-психологической типологии личности сотрудников, т.к. использование дифференциаций персонала, обоснованных по общим профессионально-деятельностным критериям, не позволяет учесть специфику прохождения правоохранительной службы и влияния корпоративной культуры; 2) адаптация созданных и разработка новых средств диагностики и прогноза и, прежде всего, методик, предназначенных для изучения интегральных личностных особенностей и предпосылок к профессиональным деструкциям.

Эффективность реализации психологами психоконсультативной помощи и психокоррекционной работы остается низкой по ряду причин. Во-первых, психологи-практики из-за недостаточной профессионально-методической

подготовленности или вообще отказываются от проведения данной работы, или у некоторых из них вырабатывается позиция, что с помощью какого-нибудь одного метода или психотехнологии воздействия (например, гештальттерапии, НЛП, психодрамы, «роджерианского интервью» и т.п.) можно успешно решать все проблемы по оказанию психологической помощи. Во-вторых, трудно решаются вопросы добровольности участия их клиентов (осужденных или сотрудников) в психокоррекционных мероприятиях, в том числе из-за боязни, что выявленные психологические проблемы могут получить огласку и повлечь за собой негативные последствия. В этой связи представляется актуальным продолжить совершенствование нормативной правовой базы, касающейся реализации психопрактики в ФСИН России, в том числе по регламентации привлечения к оказанию психологических услуг гражданских специалистов.

Во второй группе проблем психопрактики - институционального плана - в качестве узловых выступают вопросы повышения должностного статуса психологов, а также оптимизации их оргместа внутри учреждений УИС России. Ведь до сих пор в отношении роли психологов в структуре учреждений, как свидетельствуют результаты бесед с руководством, существуют весьма разноплановые мнения. Так, некоторые руководители считают, что психологи должны быть «прикомандированы» к управленческому аппарату, чтобы оперативно подключаться к решению узловых общеорганизационных проблем. Определенная часть руководителей видит смысл деятельности психологов в

том, чтобы они целенаправленно проводили психологическую подготовку, а также предупредительно-профилактическую и психокоррекционную работу с сотрудниками - представителями различных групп риска (побывавшими в экстремальных ситуациях, имеющими значительную профдеформацию и др.). Еще одна часть руководителей в качестве основной задачи, которую должны решать психологи, рассматривает психологическое обеспечение исправительной работы с различными категориями осужденных, в том числе в рамках форм целевой психологической помощи, а также в виде кризис-интервенций. Наконец, ряд руководителей заявляют, что психологи - это такие же офицеры, как и другие категории сотрудников, а поэтому должны в полной мере привлекаться к участию во всех текущих мероприятиях учреждения.

Приведенные примеры разногласия мнений среди руководителей органов и учреждений УИС России свидетельствуют, что пока не проведена в жизнь оптимальная модель функционирования психологической службы. Учитывая, что при дальнейшем институциональном развитии психологической службы (как и при реализации других инноваций в «закрытых» организациях), возможно возникновение барьеров непонимания и противодействия, актуальным является соблюдение общих правил эффективного внедрения нововведений: информирования, превентивной оценки, инициативы снизу, индивидуальной компенсации и др.

В плоскости *третьей группы проблем* - социально-ментального плана - наиболее актуальными являются те, которые связаны, с одной сто-

роны, с перестройкой профессионального сознания личного состава в духе обсуждаемого проекта федерального закона о государственной правоохранительной службе, а с другой - участием и психологов в целенаправленном изменении негативного отношения в обществе (во многом под влиянием современных СМИ) как в целом к системе УИС России, так и к деятельности сотрудников ее отдельных служб.

На уровне житейского сознания часто считают, что введение в состав организации новых категорий специалистов автоматически со временем приведет к изменению организационной культуры и появлению новой ментальности у персонала. Однако при стихийном протекании данного процесса он часто носит затяжной и остро конфликтный характер. Поэтому требуется обеспечить систематический мониторинг общественного мнения и учет его результатов при совершенствовании профессиональной деятельности сотрудников УИС России, а также целенаправленно реализовывать формы и методы пропаганды нового положительного имиджа сотрудников ФСИН России. При этом перестройка профессионального мировоззрения у сотрудников должна вестись в аспекте усвоения ими установок и образцов поведения, соответствующих как международным стандартам обращения с осужденными, так и требованиям к сотрудникам государственной правоохранительной службы. Представляется, что в реализации указанных и других проблем социально-ментального плана психологи должны и могут внести весомый вклад, т.к. им всегда приходится реализовывать одновременно и социально-диспетчерс-

кую функцию в процессах социального управления.

Если с учетом тенденций, предопределяющих развитие в нашей стране и за рубежом психологического обеспечения правоохранительной деятельности, осуществить **прогноз перспектив развития психологической службы в УИС России**, представляется возможным указать проявления следующих закономерностей:

- **Демистификация деятельности психологов.** Восприятие и отношение к профессиональной деятельности психологов среди личного состава будут становиться все более адекватными, причем и не априорно завышенными, когда считают сферой их ответственности все «болевые точки» учреждения, и не скептически зауженными, когда предоставляется возможность реализовывать лишь парциальные функции. Адекватность будет возрастать на основе роста у личного состава психологической компетентности, причем как в рамках расширяющейся психологической подготовки, так и через изменение мировоззрения на основе повседневных контактов с психологами.

- **Дифференциация областей профессиональной деятельности и специализация психологов.** Статус психологической службы будет возрастать

по мере дальнейшего количественного и качественного ее роста, при одновременной специализации сотрудников и дифференциации ее структуры с выделением новых структурных подразделений.

- **Институализация психологической службы в пространстве ведомства и психологов в рамках профессиональных ассоциаций.** По аналогии с тенденциями развития психологических служб за рубежом, а также в России в других отраслях, ее институализация в структуре ФСИН будет выражаться как в повышении организационного статуса (возможно, за счет подчинения ее структурных подразделений напрямую руководству), так и в создании на уровне ведомства соответствующих научно-исследовательского и учебно-методического органов. Возникшая профессиональная ассоциация пенитенциарных психологов будет консолидированно входить в состав общероссийских и международных объединений психологов (РПО, Европейское бюро юридических психологов и пр.), а конкретные пенитенциарные психологи будут стремиться аккредитоваться в профобъединениях предметной специализации (например, в союзах психодиагностов, психоконсультантов, психотерапевтов и т.д.).

Образ человека как архетип

Ю. М. Антонян

Исследование образа человека в качестве архетипа предполагает всесторонний учет того, что в разных культурах этот образ наполнялся разным содержанием. Иными словами, отношение человека к самому себе зависит от множества переходящих внешних обстоятельств, а, главное, от внутренней логики развития представлений о самом себе и достигнутых на этом пути стадий.

Необходимо также различать образы человека: в религии и богословии; в обыденном (групповом и общественном) сознании; в искусстве и литературе; в науке. Представления о самом себе различны в среде рабов и аристократов, крестьян и воинов, рабочих и предпринимателей и т.д. До наступления эпохи Возрождения религиозно-богословское отношение к человеку было господствующим, оно подчиняло себе обыденное сознание и то, чем наполнялись его образы в литературе и искусстве. Конечно, были бунтари и вольнодумцы вроде Иова и Экклезиаста, но это были единицы, хотя и оставившие гигантские следы. Естественно, что освобождение от религии шло очень медленно и даже сейчас в самых цивилизованных странах соответствующие представления нельзя считать полностью секуляризованными. Особенно сильны религиозные факторы в этическом и эстетическом восприятии человека и совсем не исключено, что такое их воздействие сохранится навечно. Вместе с тем, постоянное присутствие религии в представлениях о

человеке особенно подчеркивает архетипический характер его образа.

Конструирование образа человека с полным на то основанием можно называть едва ли не самым главным познавательным процессом во всей истории человечества, причем начиная с самых её истоков. Проблема всегда сводилась к тому, что он собой представляет, в чем смысл его жизни, насколько он в ней свободен и каковы его действительные возможности. С ослаблением религиозного давления представления о возможностях о перспективах будут неизменно расширяться, если, конечно, он вновь не поставит над собой небесных или каких-нибудь иных повелителей. Но как бы то ни было, образ человека относится к числу самых древних и вечных архетипов.

Нет никакой необходимости описывать и объяснять, какое место занимает человек в психологии, психиатрии, криминологии и других науках. Это достаточно хорошо известно, как, в частности и то, какой фрагмент этой глобальной проблемы решает каждая из них. Однако можно отметить следующие тенденции:

1) человек как объект научного познания исключительно многомерен и сложен, он принципиально не сводим ни к одному из возможных измерений. Поэтому проблема человека в науке однозначно носит междисциплинарный характер, хотя и происходит неизбежная интеграция теоретических, методологических и методических усилий;

2) происходит антропоцентрализа-

ция наук, отведение человеку все более важного места в каждой из них, хотя в некоторых (например, в философии, психологии, психиатрии, социологии) он всегда представлял собой ведущее звено;

3] возрастает роль естествознания в системе наук о человеке, а также точных наук с их техническими и математическими возможностями;

4] проблема человека включает в себя не только личность, но и организм (религия тоже уделяет огромное внимание телу, но всегда в соотношении с душой и духом, отдавая предпочтение последним]. В связи с этим важное значение приобретают медицина, биология и некоторые другие научные дисциплины, занятия соматическими исследованиями;

5] уже давно предпринимаются попытки создать единую науку о человеке - антропологию, что не может не закончиться неудачей в силу неохватности всех человеческих проблем. Философия, казалось бы, могла взять на себя эту ношу, но она способна решать лишь общие вопросы человекознания.

Но об этом мечтал Б. Г. Ананьев, считая, что потребность в едином фундаментальном учении о человеке остро ощущается в различных областях общественной практики. Основу общей теории человека должна составлять философия, для которой он - великая, вечная и универсальная проблема¹. В то же время он признавал, что в связи с важными сдвигами, выдвигающими проблему человека в центр современной науки, существенно изменяется положение психологии в общей системе научного познания. Психология ста-

новится важным орудием связи между всеми средствами познания человека, объединения различных разделов естествознания и общественных наук в новом синтетическом человекознании².

Думается, что психологии принадлежит не менее важная роль в объединении усилий различных наук в деле познания человека, чем философии. Несомненным преимуществом психологии является конкретность и доказательность её концепций. По ряду проблем достаточно сложно провести четкую грань между психологией и философией в познании человека.

Такой глобальный научный интерес к человеку подчеркивает архетипичность его образа, который не только вечен, но и столь многогранен. Как продукт научного познания образ человека включает в себя неограниченный творческий потенциал, обусловленность поведения чрезвычайно сложными внутренними субъективными и внешними социальными явлениями и процессами через их постоянное и тесное переплетение на всех этапах жизни индивида, незыблемость индивидуальных факторов, обуславливающих мировосприятие и отношение к своему «я».

Научный образ человека оказывает влияние на общежитийские и религиозные представления о нем, но не определяющее, гораздо больше на художественные, особенно на художественную литературу, живопись и скульптуру. Так, известно воздействие психоанализа на художественное творчество. Общежитийское и религиозное сознание являются наиболее устойчивыми и консервативными, здесь перемены происходят очень медленно. Общежитийское

(обыденное) сознание тесно увязано с художественным, но в основном на уровне массовой культуры, а не элитного, интеллектуального искусства. Именно обыденное сознание совместно с маскультом готовят такие архетипы, как отец (мудрый старец), мать, юноша, герой, женщина (жена), чужой и т.д. То, что здесь приготавливает маскульт, в точности соответствует ожиданиям человека толпы, и сами деятели маскультулы выходят из толпы, поэтому практически невозможно отделить маскультовые архетипы от общежитских, причем названные образы пронизывают, конечно, всю историю человечества. Так, на смену Персею и Аяксу вполне логично пришли киногерои Шварценегера и Сталоне, отцом (мудрым старцем) стали тоталитарные вожди типа Ленина, Гитлера или Сталина и многие другие более мелкие фюреры; конечно, в роли отца вполне успешно продолжают выступать прежние, так сказать, настоящие боги.

Архетип женщины был и остается весьма многослойным, он включает в себя женщину-мать, богородицу, богиню - заступницу людей, коварную женщину (женщину-вамп), невесту и т.д. Современная художественная литература и театр, но, в первую очередь, кино прочно вписали эти и другие архетипы в обыденное сознание, они, как и раньше, продолжают выступать в качестве его неотъемлемой части.

Бесконечное количество статуй, бюстов и живописных полотен с изображениями Ленина, а в прошлом и Сталина, других нацистских и большевистских вождей и бонз, китайских и северокорейских коммунистических заправил, скульптурные и живописные изображе-

ния героических предков, мускулистых рабочих, работниц и солдат без тени интеллекта, равно как и помпезные, официозные «идеологические» здания и сооружения - все это архетипическое маскультное искусство самого низкого качества. Того же пошива все образы в творчестве поп-див мужского и женского рода в России и за рубежом.

Среди художественных образов образ человека можно назвать самым важным; даже когда создаются образы природы или животных, в них все равно явно пробивается отношение к ним человека, иными словами, его образ. Художественный образ личности предполагает его типологизацию, он всегда носит собирательный, обобщенный характер. Ему, как и всякому образу, присущи объективность, проявляющаяся в его отношениях со всеми другими объектами, его место среди них, и субъективность, которая заключается, в первую очередь, в отношении к самому себе и весь внутренний мир личности.

Языковой образ предмета отличен от художественного образа. Языковой образ представляет собой перцептивную реакцию не на предметы или понятия как таковые, но на их языковое воплощение - на те выражения, которые наличествуют в языковом опыте говорящего субъекта³. Е. Б. Яковенко понимает под **языковым образом** предмета в рамках определенного произведения или произведений, дискурса, языковой картины мира совокупность языковых средств, создающую сумму представлений о предмете в заданных пределах⁴.

В тоталитарных представлениях образ человека это лишь лишенное воли

ничтожество, особенно в сравнении с грозными и величественными вождями и героями, которым он просто обязан подчиняться. Это живо воссоздает древние рабовладельческие деспотии, свидетельствуя о возврате коллективной Тени. Нетоталитарных обществ, в том числе переходных, еще не антропоцентрических, в мире немало, к ним относится и Россия. Здесь человек уже не пешка, но еще не полностью тот гражданин, права которого гарантированы и прочно защищены, чье мнение весомо и от голоса которого зависит государство и власть. Такому его статусу соответствует наполнение архетипа.

В целом оценивая движение архетипа человека за всю его историю, можно осторожно предположить, что он постепенно освобождается от психолого-идеологических пут, сначала религиозных, затем тоталитарных (политических, государственно-патерналистских]. Но это совсем не означает, что он не создает себе каких-нибудь новых или что к нему не возвратится какой-нибудь из них.

Как и у любого другого архетипа, у архетипа человека путь отнюдь не прямолинейный. Мы не можем точно предугадать, как он будет развиваться, какие формы обретет и что на него будет влиять в далекой перспективе, да и сама внутренняя логика его развития ясна не до конца. Тем не менее любые суждения о его динамике должны высказываться не наугад, а всегда быть основаны на определенном знании о нем - его истории, природе, субъективных механизмах во взаимодействии с внешней для него социальной и природной средой, закономерностях развития и его стадиях. Одним словом, это долж-

ны быть научные представления, следовательно, достоверные и эмпирически проверяемые.

В. В. Зеленский считает, что теория личности, принятая в архетипической психологии, существенно отличается от других господствующих в европейской психологии взглядов на личность. Первая аксиома этой теории опирается на последние результаты юнговской теории комплексов, согласно которой каждая личность множественна по своей сути. Множественная личность - это сколок общечеловеческих качеств в их естественном состоянии.

По этому же вопросу Д. Хиллман пишет: «В ряде других культур эти множественные личности имеют имена, местонахождение, энергии, функции, голоса, ангельские и животные формы и даже теоретические формулировки как различные виды души. В нашей культуре множественность личности рассматривается либо как психиатрическое отклонение, либо - и это в лучшем случае - как неинтегрированные интроекции или парциальные личности. Психиатрический страх перед множественной личностью свидетельствует об идентификации личности с парциальной способностью, а именно с «эго», которое в свою очередь, разыгрывает на психологическом уровне двухтысячелетнюю монотеистическую традицию, превозносящую единство в ущерб множественности»⁵.

Поскольку архетипы носят предсуществующий характер, конкретной личностью они приобретаются вместе с сознанием, интериоризацией социальных норм и ценностей. Это такие компоненты психики личности, как мать, герой, мудрый старец и т.д., но они неподвласт-

тны «я», если понимать под этим названием осознаваемый центр человека. Осознание таких архетипических фигур представляет собой чрезвычайно сложную деятельность, противоречия с ними «я» могут иметь не только деструктивные последствия, но и способствовать личностному росту. Психиатрические же страхи, о которых говорит Хиллман, возникают из-за расщепления личности, что представляет собой психическую болезнь или иное расстройство психики. Человек может ощущать себя расчлененным или отделенным от своего «я», даже наблюдать себя со стороны, или отделение от себя некоторых частей, которыми он не владеет и не способен ими управлять. Иногда же эти части, напротив, начинают сами руководить им. В рассказах больных такие отколотые фрагменты иногда воспринимаются в качестве другого человека.

Отколотые и отдельные части психики могут носить архетипический характер, выступая носителями таких образов, как, например, мать, трикстер или мудрый старец.

Идея множественной личности не принадлежит только Юнгу или постюнгианцам, об этом было известно намного раньше них. Так, в «Послании к римлянам» апостол Павел писал: «Итак, я нахожу закон, что когда хочу делать доброе, прилежит мне злое. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божьем; Но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих. Бедный я человек! Кто избавит меня от тела смерти?» Как мы видим, древний мифотворец великолепно угадал в личности не только ту её часть,

которая хочет делать добро, но и другую, греховную, которую он в полном соответствии с христианскими догмами видит в «теле смерти». Эта вторая часть дает возможность человеку убедиться в том, что не только сознание, «я» творят его, его жизнь и судьбу, но и нечто иное.

Концепция З. Фрейда о различных психических инстанциях, обозначаемых терминами ОНО, Я и сверх Я, тоже можно считать различными аспектами личности, т.е. множественной личности. Э.Берн выделяет в психике экстеропсихику, неопсихику и архепсихику, которые он рассматривает как психические механизмы (органы, орудия). «Они проявляются феноменологически как экстеропсихическое (например, идентификация), неопсихическое (например, выработка данных) и археопсихическое (например, регрессивное) состояния Я. В разговорном языке эти типы состояния Я называются соответственно Родитель, Взрослый и Ребенок». Берн предупреждает, что названные типы состояний не то же самое, что Оно, Я и сверх Я Фрейда или концептуальные построения Юнга, а феноменологические реальности⁶. То, что построения Берна не то же самое, что у Фрейда и Юнга, не вызывает сомнений, но и структурные системы последних тоже являются феноменологическими реальностями. Как и теоретические выводы Берна, они подтверждены эмпирически. Хотя археопсихическое у Берна по своему названию очень близко к архетипическое, оно ни в коем случае им не является.

Человек обычно и не подозревает, что его личность множественна. Поэтому, если в его поступках, ощущениях, влечениях, мыслях или сновидени-

ях вдруг пробивается нечто потаенное, доселе скрытое от него же «иное» лицо, он бывает этим поражен не меньше, чем другие, которые тоже узнали о таком прорыве. Естественно, что «владелец» этого незваного незнакомца не задумывается над тем, архетипичен ли он или нет, какие аспекты его личности несут архетипический характер и т.д. В человеке и его поведении может неожиданно проявиться и то, что составляет его индивидуальное бессознательное, в первую очередь, вытесненные из сознания в виду их травматичности и неактуальности невоспоминаемые переживания отрочества и детства.

О множественной личности свидетельствуют ее обсессивные и компульсивные влечения, ее «химическая» зависимость от алкоголя, наркотиков, табака и т.д., ее «личная» зависимость от другого человека, ее «поведенческая» зависимость от собственного поведения, ее «игровая» зависимость от игры. Все это определяет внутреннюю несвободу человека, его связанность собственными побуждениями над которыми он, т.е. его сознание и воля, совсем не властен или, в лучшем случае, лишь частично. Такие зависимости творят, как можно обоснованно предположить, различные аспекты личности, но здесь наша задача видится не только в их констатации и объяснении их природы, но и в поиске соотношений с индивидуальным и коллективным бессознательными.

Вместе с тем ясно, что следует говорить о множественной личности, а не о множественном сознании, поскольку множественная личность является таковой потому, что психику составляет не только сознание, но и бессознательное.

Множественная личность имеет различные источники наполнения смыслами и определения ценностей, каждый ее аспект располагает собственными потребностями, надеждами, страхами, влечениями, языками.

Несмотря на множество различных архетипов, они не могут охватить всего многообразия человеческого бытия, хотя, несомненно, отражают те его стороны, которые наиболее значимы. Не несут на себе архетипической печати, например, многие повседневные орудия труда; великая мать не исчерпывает всего многообразия женской природы, места женщины в социальной жизни и т.д. Множественность и многообразие архетипов, равно как и индивидуальное бессознательное, способствуют и тому, что личность множественна, и тому, что она у каждого человека индивидуальна. Можно утверждать, что она еще и автономна, если под автономией понимать ее возможность (способность) иметь индивидуально неповторимые черты и действовать в соответствии со своим желанием и волей, которые направляются сознанием. Но внешние условия, могут, как известно, ограничивать, подчас весьма существенно, поведение. Некоторые внутренние зависимости, такие, как те, которые обозначены выше как «химическая» и «поведенческая», подчеркивают автономность, даже независимость человека от внешних обстоятельств. Неважно, что зависимость человека от самого себя подчас не контролируется сознанием, здесь главное, что они определяют его суверенность.

Архетипические черты у одних людей могут проступать в личности и поведении сильнее, чем у других (например, далеко не все женщины стремятся к ма-

теринству, а став матерью, очень плохо выполняют свои родительские обязанности или отказываются от них вообще, т.е. у них великая мать отсутствует или слабо представлена]. С другой стороны, названные черты являются таковыми и по той причине, что наличествуют у неопределенного множества личности, а, следовательно, выполняют интегративные функции.

В первобытном обществе и на переходах к цивилизации образ человека лепился из его непосредственных чувствований и прямых контактов с природой, первого поиска своего места в ней. Образ стал создаваться отражательным способом, когда появились еще самые примитивные верования и окрепло убеждение, что все вокруг наполнено духами. Человек своими анимистическими глазами начал всматриваться в созданные им сверхестественные персонажи как в зеркало и таким путем определять, что он такое есть. Он и сейчас продолжает так делать, но его божество уже не простенькое чудище из лесной чащи или водных глубин, а вполне цивилизованный бог, который создает для него сложнейшие сценарии. Не ведая, что личность сама их написала, она же предлагает для их решения самые невероятные объяснения с максимальными интеллектуальными, а иногда и эмоциональными нагрузками.

Образ человека прошел не только длительный, но и чрезвычайно сложный и даже противоречивый путь от убежденности в своем всемогуществе с помощью магии, затем сознания своего ничтожества по сравнению с богами, перехода к партнерским отношениям с ними (в христианстве это особенно проявилось в протестантизме)

до антропоцентристской модели современного мира. Несколько размытыми и неопределенными были черты этого образа в переходные периоды. Тогда появлялись сомнения в возможности даже определения самого понятия личности, которая представлялась неведомой и неисследованной бездной. Изучение человека предполагалось через познание его духа, что несло в себе явную богословскую печать.

Образ человека имеется, конечно, в Библии. Это достаточно цельный, но противоречивый образ - то послушный богу, то бунтующий, то славный добрыми делами, то погрязший в грехе, одним словом, вполне живой человек. Его черты, достоинства и недостатки чаще всего выявляются на самом главном - отношении к божествам.

Оценивая библейского человека, необходимо иметь в виду, что:

1] Библия создавалась на протяжении 6-8 веков, поэтому представления людей - мифотворцев не могли не меняться;

2] авторами Библии были многие люди, принадлежащие к разным культурам и субкультурам, к разным поколениям;

3] этика и теология Ветхого Завета достаточно существенно отличается по этим параметрам от Нового Завета, особенно учитывая учение Христа о любви и прощении;

4] в Библии даны образы разных людей (воинов, торговцев, священнослужителей, крестьян, женщин и т.д.), которые принадлежат разным народам (египтянам, вавилонянам, филистимлянам, моавитянам и т.д.). Их объединяет вера в своих богов;

5] образы библейского человека не

могли не зависеть от тех, которые переводили на свои национальные языки эту работу в разные столетия. Переводы и их редактирование во многом определяются личностью переводчика и редактора, их духовными, этическими и эстетическими ориентирами, их отношением к человеку. Многие современные тексты Библии представляют собой переводы с переводов.

Библейская антропология основывается не только на самих священных текстах, но и на сочинениях отцов церкви, которые затем дополнялись и развивались в трудах богословов и богословских философов. Нелишне здесь отметить паралогичность, свойственную теологии в целом и учению о человеке в частности, когда все доказательства строятся по схеме: «Это верно потому, что так считал такой-то».

Религия всегда исходит из представлений о человеке только в контексте его взаимоотношений с богом, которому должно принадлежать главенство во всем. Он создал человека из земного праха, вдохнул в него жизнь и превратил в «душу живую». Его плоть представляет собой форму, в которой обретаются душа и дух, как считают иудаизм и христианство.

В Ветхом Завете человек понимается скорее как одушевленное тело. В Новом Завете, где особый акцент сделан на возможности жизни после смерти с помощью души, последняя заняла ведущее место в представлениях о человеке. Христианский фактор души связан также с общей гуманизацией этой религии по сравнению с более суровым иудаизмом и большим вниманием к человеку, который стал приближаться к центру всего учения. Уже в конце II -

начале III вв. н. э. св. Ириной утверждал, что мир создан для человека и в нем все должно быть направлено для его спасения. Разумеется, и в христианстве не проявляется в целом сомнений в греховности человека, хотя и были вольнодумцы. Во многом благодаря апостолу Павлу в христианстве появилась концепция второго Адама - Христа, который представляет собой определенное противопоставление догматам Ветхого Завета. Второй Адам - это идеальный человек, идеал, к которому должен стремиться каждый смертный. Правда, авторы этой концепции упустили, что человек, идеальный или обычный, не может быть без греха. Христос все-таки был не человеком, а богом. Тем не менее это была модель образа человека, причем нового.

Поэтому трудно согласиться с Е. Б. Яковенко, что христианская антропология не создает цельного образа человека⁷. Эта антропология не создавалась, конечно, на пустом месте, ей предшествовало тщательно проработанное иудаистское учение о человеке, которое основывалось на концепциях происхождения человека, отношении к нему бога и его отношении к богу. Христианский образ человека не только целен, но и существенно отличается от иудаистского своей новизной, даже вывозом отдельным ветхозаветным положениям о человеке. Христианское богословие и богословская философия, в том числе, русские, покоятся именно на новозаветных представлениях о нем. Здесь нет преувеличения, поскольку в центре всей теологии нового и новейшего времени находится именно человек. Нет никаких сомнений, что современная теология существенно обогатила хрис-

тианскую антропологию, и это вполне естественное движение, стараясь что-то позаимствовать у науки. Однако наука и, в первую очередь, психология, не проявляют никакого желания слиться с религией. Она, как и философия, не отрицает, что религия внесла немалый вклад в познание личности.

Исследуя образ человека в Библии, нельзя не остановиться на одном из самых ярких библейских образов - Иова. Сразу после всех свалившихся на него страшных несчастий, он все-таки сохранил смирение перед богом. Он сказал: «наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!» Во всем этом не согрешил Иов и не произнес ничего неразумного о Боге» (Иов., 1:21-22]. Но потом, когда к нему приехали три друга, чтобы выразить ему свои соболезнования, не в последнюю очередь под влиянием их участия и их слов, резко возроптал и стал горько упрекать Всевышнего: «Доколе Ты не оставишь, доколе не отойдешь от меня, доколе не дашь мне проглотить слюну мою?» (Иов., 7:19]. Это не могло не вызвать гнев Господа, настолько же яростный и неистовый, насколько, по нашим современным меркам несправедливый. Несчастный Иов смирился и признал свою неправоту, после чего Бог заново одарил и семьей, и богатством.

Книга Иова, обладающая очень высокими художественными достоинствами, трагическая и печальная - она повествует о взбунтовавшемся, глубоко несчастном человеке, который в конце концов смиряется перед тиранической несправедливой силой. Несмирения, впрочем, и не могло быть в священном

тексте. Но в ней, помимо Иова и Бога, есть еще один главный персонаж, который находится в тени. Это - сам рассказчик, образ которого давно привлекает внимание исследователей. Это человек очень наблюдательный и критичный, образованный и умный.

М. И. Рижский пишет, что автор Книги Иова отличается широтой взглядов, гуманизмом и свободомыслием насыщены его религиозно-философские и этические взгляды. Он, как и главный герой поэмы, явно стоял в оппозиции к традиционному, ортодоксальному иудаизму. Для автора основной части поэмы культовая сторона религии как будто вообще не имеет никакого значения. Моральные его понятия явно не совпадают с официальной моралью Торы - они выше, можно сказать, духовнее. Не разделяет он важнейшей официальной доктрины иудаизма о справедливом воздаянии при жизни человека «по его делам», он вообще отрицает, что богу свойственна справедливость, милосердие и благодать⁸.

Совсем другим был Авраам, который намеревался принести в жертву своего сына Исаака. Он, в отличие от Иова, не возроптал, когда у него этого потребовал бог. Такое его поведение вызвало бурю восторга у С. Кьеркегора: «Он не усомнился, он не озирался в страхе направо и налево, он не бросал вызов небесам в своих молитвах. Он знал, что сам Господь Всемогущий испытывал его, он знал, что это была самая тяжкая жертва, которую от него можно потребовать; но он знал также, что ни одна жертва не бывает слишком тяжелой, когда ее требует Господь, - и он занес нож»⁹. Кьеркегор делает одно существенное дополнение, чтобы еще сильнее

распластать человека перед богом: «Он (Авраам - Ю. А.) должен любить Исаака всей душой; и когда Бог потребует его, он должен, насколько это возможно, любить Исаака еще сильнее, и только тогда он может принести его в жертву; именно эта любовь к Исааку есть то, что, будучи парадоксальной противоположностью его любви к Богу, превращает его поступок в жертву»¹⁰.

В таком понимании человека, когда ему предписывается безусловное и абсолютное подчинение богу, есть что-то рабское, раболепное, недостойное личности, даже мазохистское. Кьеркегор, кажется, получает удовлетворение от своих оценок и требований, делая человека лишь послушным орудием господней воли, что во все времена было самой большой мечтой всех земных тиранов.

Проблема человека - главная не только в философии, психологии, юриспруденции и других науках гуманитарного профиля, но и в религии и теологии. Сколько бы усилий религия и теология не предпринимали в своих священных текстах, богословских сочинениях, проповедях и т.д. для доказательства верховенства бога и его всемогущества, на самом деле они заняты человеком. Именно он выступает основным объектом их познавательной активности, именно он стоит за большинством самых сложных и дискутируемых богословских вопросов, не имеющих, казалось бы, отношения к смертным. Тот же христианский догмат о всесии бога призван указать личности, в каких пределах ей дозволяется действовать и думать, адогматотом, что создатель вечен и бессмертен - подчеркнуть смертную природу человека и дать ему надежду,

что только бессмертный небесный владыка способен дать его душе возможность жить в загробном царстве. Религия в целом сотворена человеком для своей поддержки и утешения.

Эту идею главенства человека в религии косвенно подтверждают некоторые религиозные мыслители. Так, Б. П. Вышеславцев писал: «Библейская идея «образа и подобия» выражает прежде всего существенное сходство между человеком и Богом. Человек есть «малый бог», микротеос, ибо сказано: «Вы боги и сыны Всевышнего все». Идея богоподобия, конечно, существенна для христианской антропологии и для всякой безрелигиозной антропологии. Это может показаться неожиданным и странным, но это так. «Образ и подобие» как существенное сходство между человеком и Богом, есть аксиома... Вопрос только в том: Бог ли создал человека по своему образу или подобию, или человек создал Бога по своему образу и подобию. Во всяком случае человек обладает неискоренимой тенденцией ставить себя в известное отношение к Абсолютному, к идеалу, к последней истине, к сущности бытия. Над разрешением Богочеловеческой проблемы трудились и трудятся современные психологи - Фрейд и Юнг. Бог есть «сверх - я», идеал нашего «Я», архетип (прообраз) отца, - говорят они»¹¹.

Как мы видим, Б. П. Вышеславцев проявлял определенные колебания в вере, нехарактерные для религиозных философов. Этого не допускал, например, С. Н. Булгаков, который писал, что образ божий в человеке надо понимать реалистически, как некоторое повторение, которое ни в коем случае не есть тождество с первообразом, напротив,

непреходимо от него отличается, но в то же время существенно ему причастно. Человек есть одновременно *тварь* и *не-тварь*, абсолютное в относительном и относительное в абсолютном. Бог абсолютен. Поэтому абсолютность в каком-то смысле присуща человеку, ею запечатлена природа человека. Бог трансцендентен миру, есть абсолютное Не, каким знает его отрицательное богословие. И эта черта должна быть присуща человеку, как носителю божьего образа.

Человек трансцендентен миру и в этом смысле свободен от мира, есть *не-мир*, считал С. Н. Булгаков. Он не исчерпывается никаким *что*, не определяется никаким определением, но есть, как и бог, абсолютное *не-что*. Всякую мировую данность он себе внеполагает и противопоставляет, как некое *что*, сам оставаясь от нее свободным и ей трансцендентным. Больше того, человек трансцендентен и самому себе во всякой своей эмпирической или психологической данности, во всяком самоопределении, которое оставляет ненарушенным покой его абсолютности и незамутненной ее глубину¹².

Итак, по С. Н. Булгакову, человек есть повторение бога, но, конечно, он не тождественен ему. Человек *тварь* и *не-тварь*, *что*, по-видимому, определяется наличием у него души, его природа абсолютна и трансцендентна, он свободен от мира и есть *не-мир* и *не-что*. Но всеми этими чертами он обладает потому, что ими его одарил бог. Этот взгляд на образ человека можно считать классическим в русской богословской философии. Здесь названы, несмотря на то, что человек оказывается во всем зависимым от своего религиозного творца,

весьма лестные для него особенности, его образ предстает предельно насыщенным, наделенным безграничными возможностями для, как отмечал С. Н. Булгаков, абсолютного творчества. Впрочем, он иногда в этом сомневался, говоря, что человеческому духу не под силу создание собственного мира, чем только и могла бы быть утолена его титаническая жажда.

Можно сказать, что бог - это сам человек в идеале, а поэтому считать бога частью образа личности, иначе говоря, того, чего ей не хватает и к чему она особенно стремится. В этом случае архетип человека и бога можно рассматривать как единый архетип. Их разделение предполагает определение первого в качестве прообраза второго. Личность существует в себе, через себя и ради себя, она проявляет себя в разных формах, в том числе и в боге.

Юнгианская теория большое внимание уделяет соотношению политических и монотеистических религий и множественной личности. Так, Хиллман защищает политеистическую психологию и называет душу «политеистской», считая, что именно монотеистская религия совместима с концепциями психологии Эго, а архетипическая психология отличается от монистической своей полистической, плюралистической ориентацией. Архетипическая психология, по Хиллману, не преклоняется перед божествами, а исследует их как носителей психических сил. Под монотеистическими религиями имеются в виду иудаизм, ислам и христианство.

Если следовать этим представлениям, то политические религии отражают множественную личность, в то время как монотеистические - единое

и нерасчлененное Эго, пытаюсь игнорировать бессознательную сферу. Архетипическая психология отличается от монистической своей полистической ориентацией, психология же Эго вполне совмещается с догматами монистической религии.

Такие представления вызывают некоторые возражения, во всяком случае необходимость сделать уточнения.

Прежде всего, вызывает самые серьезные сомнения сам исходный тезис о том, что действительно существуют монотеистические религии, в которых нет других сверхестественных и достаточно могучих мифологических существ. Таких религиозных мифологий попросту не существует, наряду с богами в них действуют другие потусторонние силы, они, разумеется, не называются богами и тем более создателями вселенной и человека; но их роль в соответствующей мифологической системе и, следовательно, в религиозной группе вполне соразмерима с божескими. Здесь прежде всего следует сказать о христианстве, которое хотя и претендует на монотеизм, ни в коем случае не является монотеистической религией. В христианстве есть бог - Отец, бог - Сын и Святой Дух. О них церковная догма говорит, что бог един в трех лицах, что выглядит более чем нелепо, поскольку сын с отцом не могут быть одним лицом, даже в самом абстрактном, символическом смысле. Но есть еще Богородица, полновластная богиня, олицетворение рождения и жизни, одна из главных ипостасей архетипа великой матери. Эти четыре божества никак не позволяют признать христианство монотеистическим, даже не обращать внимания на великое множество свя-

тых, наделенных разными функциями.

Сходную картину можно обнаружить в исламе: там есть бог - Аллах, но его пророк Мухаммад отнюдь не менее значим и популярен, он, как и Иисус в христианстве, почти заслоняет официально признанного бого-творца. Как и в случае с Яхве, для верующих в исламе создатель и вседержитель теряет свою актуальность, то, что он сотворил этот мир, принимается как данность, как нечто само собой разумеющееся. А вот мессия и пророк (мало чем отличающийся от месии) это как раз тот, кто исключительно важен, поскольку он несет спасение, утешение и надежду. К тому же шиитский ислам признает еще Махди, обновителя веры накануне страшного суда, своего рода мессию. Он установит на земле царство справедливости, вернет людей на путь Аллаха, возродит общину, живущую по законам ислама, уничтожит зло, направит род человеческий на путь истины. Махди - эсхатологический персонаж, который, возможно сформировался под влиянием иудаистских и христианских мессианских и эсхатологических ожиданий. Но скорее всего здесь действует еще и общечеловеческая закономерность очеловечивания бога - создателя, формирование персонажа, который обладает такими способностями, крайне нужными людям, которых нет у бога, сурового, неумолимого, подчас жестокого.

Гораздо сложнее обстоит дело с иудаизмом, который следует признать наиболее монотеистической религией. Однако и здесь не обошлось без усилий ввести в пантеон еще одно божество: потусторонности и запредельности Яхве противопоставляется его посюстороннее присутствие в лице Шехины.

Она не только материализует его, но и отделяется от него, она превращается у каббалистов в женскую ипостась самого Яхве. Она была разлучена с ним в космической муке изгнания, но воссоединится с ним в эсхатологическом будущем. Шехина - действительное присутствие бога в мире и посредник между богом и людьми. В этом последнем качестве она приближается к пророку и мессии, еще больше - к великой матери.

Иудаизм признает еще значительное число ангелов и их «противников» - демонов (Асмодей, Лилит, Шаврири и др.), которые являются важными мифологическими персонажами. Иудаизм и христианство не считают демонов (сатану] творениями бога, они появились независимо от него. В то же время не объясняется, почему эти силы могут действовать вопреки всеведущему и милосердному богу, подвергая сомнению его могущество.

Приведенные данные говорят о том, что человеческая психика в принципе не приемлет строгого единобожия, причем наиболее показательным в этом отношении является христианство, имеющее сразу двух богов и богиню. Такой сакральный небосвод свидетельствует не только о множественной личности, но и о том, что она воспринимает себя и всю окружающую среду в качестве весьма сложного, многоаспектного, противоречивого объекта, что и проецирует на свои божества. Не следует во всех случаях ориентироваться только на наименования статусов божественных персонажей для понимания их места и ролевых функций. Иудаистского Асмодея называют демоном, зороастрийского Анхра-Манью (Ахримана] -

верховным Духом зла, египетского Махеса - кровожадным богом грозы, тьмы и бури. Однако они мало чем отличаются друг от друга.

По-видимому, здесь имеют место амбивалентные движения: к монотеизму и противоположное ему - к политеизму. Первое выражает страх перед возможным распадом личности и мира, перед темными и грозными силами, тающимися в индивидуальном и коллективном бессознательном, в природе и обществе, а второе - стремление к адекватному восприятию и отражению личности и всей природы, всего социума. Поэтому нельзя считать, что человеческой природе присуща только множественность. Эта природа опирается и на монистическое восприятие мира, архетипическая множественность не исключает монистических ориентаций. Для непрерывного существования культуры необходимы обе эти установки (тенденции]. Подавление любой из них может иметь катастрофические последствия, каждая ставит и по-своему отвечает на такие вопросы, как *почему, ради чего, каким образом.*

Боги и другие сверхестественные персонажи обнаруживаются в космической панораме в качестве виртуальных реальностей. С точки зрения психологии они составляют предмет переживаний, вполне осознанных чувств, ярких и бурных эмоций. Встреча с ними может носить мистический характер, что полностью зависит от воспринимающих субъектов, в том числе в значимых символах.

Нельзя утверждать, что архетипическая множественность уничтожает единого бога, его не было и до возникновения соответствующей теории.

Поли- и монистические (соответственно поли- и монотеистические) бессознательные установки и ориентации составляют нерушимое единство, они постоянно взаимодействуют между собой и воздействуют друг на друга. Названное единство не угрожает самости, напротив, ее существование обеспечивается и с помощью этого единства.

¹ См.: Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. М., 1977, с. 15-16.

² См.: там же, с. 41.

³ См.: Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., Новое литературное обозрение, 1996, с. 255.

⁴ См.: Яковенко Е. Б. Homo Biblicus: языковой образ человека в английском и немецком переводах Библии (Опыт концептуального моделирования). М., 2007, с. 57). Е. Б. Яковенко считает, что теоретически языковые образы человека в Библии, моделируя на материале разноязычных переводов, должны совпадать по крайней мере содержательно. На практике это происходит далеко не всегда: единицы языка перевода могут быть плохо или недостаточно приспособленными к передаче первоначального смысла, и читатель Библии оказывается в ситуации, когда - выражаясь метафорически - ему предлагают понять текст, глядя через призму или даже систему призм (в случае перевода, выполненного не с первоисточника, а с какого-то иного перевода), или, в худшем случае, через плохо промытое стекло (в случае откровенно неудачного перевода). Иного способа восприятия текста Библии у рядового читателя нет - он может лишь выбирать между переводами. В результате наиболее распространенные переводы, как, например, Библия короля Якова и Библия Мартина Лютера, обладая высокой культурной значимостью, закрепляются в сознании многих поколений и приобретают национально-специфичные черты.

Вместе с ними определенную специфику приобретают и моделируемые языковые образы человека. Различия между образами человека в разноязычных переводах обусловлены не столько разными средствами номинации (это естественно), сколько разными семантическими отношениями между единицами оригинала и перевода. Языковой образ человека в любом переводе отстоит от языкового образа, присутствующего в первоисточниках, но это реальность, созданная средствами конкретного языка, воспринимаемая определенным обществом и заслуживающая поэтому внимания. Предстоит выяснить, насколько далеко такой образ может отстоять от первоисточника и от аналогичных образов в других переводах.

Целостного художественного образа библейского человека нет и не может быть. Вместе с тем в каждом библейском переводе существует языковой образ библейского человека как некая совокупность языковых средств, используемая в данном тексте Библии для непосредственной характеристики человека. Понимаемый таким образом языковой образ человека в английских и немецких переводах Библии вписывается в общий ряд языковых моделей человека, созданных в последние годы (Указ. работа, с. 61).

⁵ См.: Зеленский В. В. Джеймс Хиллман в зеркале архетипической психологии. Предисловие к кн. Д. Хиллман. Спамуобийство и душа. М., 2004, с. 36.

⁶ См.: Берн Э. Трансакционный анализ и психотерапия. СПб, 1992, с. 15-16.

⁷ См.: Яковенко Е. Б. Homo Biblicus: языковой образ человека в английском и немецком переводах Библии (опыт концептуального моделирования). М., 2007, с. 51.

⁸ См.: Рижский М. И. Библейские вольнодумцы. М., 1992, с. 64-65.

⁹ Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 1993, с. 27.

¹⁰ Там же, с. 70.

¹¹ Вышеславцев Б. П. Этика преображенного Эроса. М., 1994, с. 279.

¹² См.: Булгаков С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М., 1994, с. 242-243.

Субъектно-деятельностный подход к профессиональному образованию курсантов

Г. И. Аксенова

В рамках философского знания изучение субъектного бытия человека проводилось в двух направлениях: с одной стороны, в философских учениях прошлого человек рассматривался как деятельный и познающий субъект (Г. Гегель, И. Кант, Л. Фейербах и др.); с другой стороны, философов интересовали вопросы онтологии субъекта, его трансцендентальной сущности (Ф. Brentano, Э. Гуссерль, А. Камю, М. Хайдеггер и др.). Особое место в исследовании онтологических проблем субъекта занимают идеи русских философов (Н. Бердяев, В. Зеньковский, Н. Лосский, К. Соловьев, П. Флоренский, А. Храповицкий и др.), связывающих субъектную активность человека с любовью к жизни и Богу как первооснове всего сущего.

Свою высшую представленность идея субъектности получила в отечественных и зарубежных психологических концепциях, сформировавшихся в XX столетии в рамках персонологического направления: индивидуальной психологии (А. Адлер), аналитической психологии (К. Юнг), эго-психологии (Э. Эриксон, Э. Фромм, К. Хорни), гуманистической психологии (А. Маслоу), феноменологии (К. Роджерс), общепсихологической теории личности (Д. Н. Узнадзе), концепции психической активности субъекта (Б. Г. Ананьев, М. Я. Басов, П. П. Блонский, Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн), концепции отношений (В. Н. Мясищев) и др. Динамику изучения проблематики

субъекта в отечественной психологической науке можно представить следующим образом.

Первый этап (конец XIX - нач. XX вв.) - подготовительный. Субъектная проблематика проявляется в контексте построения концепций личности, сочетающих в себе философский и психологические подходы (Н. Я. Грот, А. Ф. Лазурский, В. С. Соловьев, Д. Н. Узнадзе, Л. И. Шестов и др.).

Второй этап (1930 - 1960 гг.) - рождение собственно субъектной проблематики. Публикация большого разнообразия концепций природы психической активности субъекта (Б. Г. Ананьев, М. Я. Басов, П. П. Блонский, Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн и др.); с появлением работ Б. Г. Ананьева и С. Л. Рубинштейна категория субъекта занимает прочные позиции в философско-психологических исследованиях как основополагающая характеристика личности, позволяющая раскрыть индивидуальные способы организации ею собственной жизнедеятельности.

Третий этап (1960 - 1980 гг.) - закрепление ведущих идей психологии субъекта в концепциях персонализации, индивидуальности, надситуативности, социализации, адаптации (А. Г. Асмолов, Б. С. Братусь, А. В. Петровский, В. А. Петровский, В. Э. Чудновский и др.); в конце этого периода появляются работы К. А. Абульхановой-Славской, специально посвященные исследованию феномена субъекта деятельности.

Четвертый этап (1980 - по настоящее время) - своеобразный бум, «второе рождение» субъективной проблематики, представленной в целом ряде общепсихологических концепций: жизнедеятельности личности (К. А. Абульханова-Славская), виртуальной и возвращенной субъективности (В. О. Петровский), развитие субъективной реальности (В. И. Слободчиков) субъективно-генетической концепции (В. А. Татенко) и др.

Российская педагогическая мысль вплотную подошла к идее развития субъектного потенциала личности с середины восьмидесятых годов XX столетия. Анализ современных зарубежных концептуальных моделей подготовки специалистов в зарубежной педагогике позволяет сделать вывод о ее стойкой ориентации на полисубъектную парадигму, на становление и развитие субъектной позиции обучаемых. Уместно также заметить, что феномен субъектного становления личности специалиста в образовательной среде (особенно на практическом уровне) стал предметом изучения за рубежом на несколько десятилетий раньше, чем в России, главным образом, под влиянием идей гуманистической психологии (А. Комбс, Дж. Куик, А. Маслоу, К. Роджерс, С. Сарасон и др.).

Сегодня есть все основания утверждать, что субъектная проблематика занимает одно из центральных мест в теоретико-прикладных исследованиях наук о человеке и становится приоритетным направлением в изучении психолого-педагогических механизмов личностно-профессионального развития специалистов.

На наш взгляд, современная теоретическая модель формирования лич-

ности специалиста как субъекта может быть продуктивно выстроена на основе принципов синергетического мировоззрения, поскольку они образуют собой методологию изучения личности в любых сферах жизнедеятельности. Такой подход позволяет не просто переориентировать образовательную стратегию на личность учащегося, но и дает возможность увидеть и реально учесть неоднолинейность, незапрограммированность как развития личности в педагогическом процессе, так и неоднозначность самих педагогических воздействий.

Подробное изучение синергетической парадигмы позволило сделать вывод о ее внутренней, сущностной связи с полисубъектной идеологией образовательного процесса. Синергетика позволяет методологически усилить модель формирования личности курсанта как субъекта, придав законченный вид следующим важным принципам ее функционирования: центр учебно-воспитательного процесса - личность учащегося; учащийся - субъект образования и воспитания, способный влиять на указанные процессы, занимая в них активно-творческую позицию; отказ от заранее заданной парадигмы обучения и воспитания, манипулятивной педагогики, соответствующей механистическому видению мира; свобода самовыражения и самореализации личности в образовательной среде, смещение акцента с накопления знаний, умений, навыков (ЗУНов) на поиск индивидуальной стратегии самоопределения учащегося в жизни, на выработку психологических качеств, необходимых для ее реализации; пересмотр традиционных подходов к содержанию, фор-

мам и методам учебно-воспитательной деятельности, актуализация принципов активности, диалогичности, самостоятельности, инициативы, творчества и обучения; учащийся и учащий - открытые, саморегулирующиеся системы, стремящиеся к развитию субъектности и субъективности, взаимодополняющие и взаимообогащающие друг друга в совместном процессе индивидуального самостроительства; свобода выбора стратегии индивидуального жизненного пути, а значит, выбора образовательных программ, курсов, глубины их содержания и самого преподавателя.

Обобщая сказанное, можно выделить субъектные функции образования: развитие сущностных сил и способностей учащегося, позволяющих ему выбирать оптимальные стратегии жизненного пути; воспитание инициативы и ответственности в природной и социальной сферах; обеспечение возможностей для личностно-профессионального роста, самоопределения, самореализации; овладение средствами, необходимыми для достижения интеллектуально-нравственной свободы; создание условий для самостроительства, саморазвития, творческой индивидуальности учащегося, развития его духовных потенциалов.

Реализация субъектных функций образования ставит также проблему разработки и внедрения новых технологий обучения и воспитания, которые помогли бы преодолеть безличность, бессубъектность, или точнее - моносубъектность образования, его отчуждение от реального мира и реальной жизни. Для разработки таких технологий недостаточно частичного обновления методов и приемов обучения и воспитания; сущност-

ная специфика субъектной технологии образования заключается не столько в передаче знаний, сколько в обучении жить, в раскрытии творческой индивидуальности, в современном личностном росте педагога и учащихся, в нахождении оптимальных для каждого человека путей личностного и профессионального роста. Субъектная технология образования позволяет преодолеть отчуждение преподавателей и курсантов от учебной деятельности и друг от друга. Такая технология предполагает кардинальный разворот к личности, уважение и доверие к ней, ее достоинству, принятие ее личных целей, запросов, интересов. Она связана и с созданием условий для раскрытия и развития способностей как учащихся, так и педагогов, с ориентацией на обеспечение полноценности их повседневной жизни. В субъектной технологии образования преодолевается его безвозрастность, учитываются его психофизиологические параметры, особенности социального и культурного контекста, сложность и неоднозначность внутреннего мира личности. Наконец, субъектная технология образования позволяет органично соединить социальное и личностное начала при главенствующей роли последнего.

В современной психологии и педагогике понятие «субъект» рассматривается, в основном, в двух значениях: как субъект деятельности, способный ее освоить и творчески преобразовать, и как субъект жизни, внутреннего (душевного) мира, способный выстраивать стратегию и тактику своей жизнедеятельности. Внутренняя организация субъекта включает в себя такие психологические структуры, которые обеспечивают возмож-

ность человеку реализовать себя как подлинного творца, организатора и распорядителя собственной жизнедеятельности: побуждения, ориентации, планирование, организацию и направленность деятельности, механизмы ее регуляции и способы осуществления и т. д.

Субъект - носитель всего объективного и субъективного в человеке, в этом заключается смысловая нагрузка данного понятия психологической и педагогической науки; при этом в большинстве современных концепций оно не имеет самостоятельного значения, подменяясь либо «родственными», либо употребляясь в сугубо философском смысле (Б. А. Сосновский).

Человек не рождается, а становится субъектом в процессе деятельности и общения. Однако относительно возрастных границ обретения им субъектной «ипостаси» в современной науке нет единодушного мнения. Одна группа ученых (Е. Н. Исаев, В. И. Слободчиков) считают, что «превращение» индивида в субъект происходит в дошкольном детстве; другая группа ученых (П. А. Татенко и др.) полагают, что субъектные качества индивид обретает в процессе внутриутробного развития, «доформирующая» их в юности. Мы, в свою очередь, полагаем, что становление и развитие субъектности не имеет четких возрастных границ, поскольку прямым образом зависят от социальных и психолого-педагогических условий индивидуального бытия человека.

Субъектность - центральное образование человеческой субъективности, сложная интегративная характеристика личности, отражающая ее активно-инициативное, инициативно-ответственное, преобразовательное отношение к

самой себе, к деятельности, к людям, к миру и жизни в целом.

Субъектность пронизывает все сферы существования человека, проявляясь и в индивидуальном, и в личностном, и в индивидуальном, и тем более - в универсальном способе ее бытия. Субъектность особым образом сближает, связывает перечисленные модусы бытия, находя окончательную сущностную оформленность в стадии высшего духовного развития человека. Каждая из указанных стадий включает в себя субъектную составляющую, которая усиливается от индивидуальности к универсальности, наращивая субъектную, авторскую модель существования Человека в Мире.

Таким образом, субъектность не просто важна для позитивного развития человека, она не только способна проникать во все сферы человеческого бытия, но и обладает способностью к динамике, а значит, к развитию и формированию. В последнем и заключается собственно педагогический аспект проблемы субъектного существования человека, суть которой видится в отыскании механизмов «вращения», становления и развития субъектности.

На индивидуальном уровне развитие субъектности осуществляется за счет биогенетических предпосылок, способностей к условно-рефлекторным действиям; с нарастанием личностной сущности человека в становлении субъектности все большее влияние приобретают общественные факторы - семья, воспитательно-образовательная сфера.

В связи с этим чрезвычайно важным представляется вопрос о специфике становления субъектности не только ребенка, но и взрослого человека, курсанта. Актуальность становления и развития субъек-

ектности будущего профессионала просматривается в нескольких плоскостях:

во-первых, в плоскости саморазвития: субъектность обеспечивает основу развития личности, индивидуальности, универсности человека; без нее сам процесс саморазвития утрачивает свою целостность, комплексность, стержневую, ведущую сущность;

во-вторых, в плоскости воспитательно-образовательного процесса: субъектные характеристики курсанта обеспечивают активность, избирательность, творческую, а следовательно, успешность в овладении профессией; превращают учебный процесс в сотворчество двух субъектов - преподавателя и курсанта;

в-третьих, в плоскости профессионально-педагогической деятельности: субъектность преподавателя служит детонатором, пусковым механизмом включения субъектности обучающихся, а значит, их личностного, индивидуального, неповторимого начала в жизнедеятельности и жизнетворчестве.

Субъектность как сложное, интегративное качество (уровень) развития человека, способна проявлять себя в различных видах его деятельности и в жизни вообще. По-видимому, в одних сферах жизнедеятельности личности субъектность проявляется с большей силой, в других — с меньшей, в зависимости от конкретных обстоятельств и условий человеческого бытия. Мы рассматриваем субъектность не как важное свойство человеческого существования в его различных сферах и формах, а как свойство личности будущего специалиста. В этом случае нам представляется правомерным изучение субъектности курсанта через анализ позиции,

занимаемой им в образовательном процессе. Такая позиция может быть крайне неоднородной и колебаться в интервале «объектная-субъектная позиция»; становление последней, обеспечивающей соответствующей организацией обучения, коммуникациями в системе «преподаватель-курсант» будет способствовать развитию субъектности как внутриличностного качества, ее актуализации во всех других сферах жизнедеятельности курсанта.

Субъектная позиция личности курсанта - сложная целостная система, структурно объединяющая в себе различные компоненты и способы взаимодействия между ними. Структуру субъектной позиции можно проиллюстрировать через мотивационно-ценностный, отношенческий и регулятивно-деятельностный блоки.

Субъектная позиция курсанта как сложное системное качество обладает уровневыми характеристиками (объектный, объектно-субъектный, субъект-объектный, собственно субъектный уровни), каждая из которых, в свою очередь, отражает разную степень развития мотивационно-ценностных, отношенческих и регулятивно-деятельностных компонентов.

Системообразующую функцию в ее структуре выполняет мотивационно-ценностный блок, поскольку он не просто отражает иерархию личностных мотивов, смыслов и ценностей, но и задает особое отношение курсанта к различным видам жизнедеятельности: на высших «этажах» субъектности такая позиция вербализуется им как «Я - будущий профессионал».

Моделируя процесс субъектного становления курсантов, мы исходили

из следующих соображений. Общими основаниями проектируемого дидактического процесса являются его уровневые сущностные характеристики и ориентация на развитие личности курсанта как субъекта учебно-профессиональной деятельности и жизнедеятельности в целом. Профессиональная среда, соответственно организованный процесс обучения со своими знаниями, нормами, отношениями становятся внешними регуляторами по отношению к внутренним психическим регуляторам жизнедеятельности каждого курсанта. Возможность стать субъектом образовательной и профессиональной деятельности реализуется в процессе интериоризации внешних регуляторов (норм, правил, ценностей) во-внутренние регуляторы жизни и деятельности курсанта. При этом эффект перехода внешних воздействий во внутриличностный план будет тем выше, чем более они адекватны разнообразным уровням развития субъектной позиции будущего специалиста. Однако адекватность сама по себе означает не просто совпадение характера, силы, объема внешних влияний с такими уровневыми характеристиками, но в конечном итоге усиление параметров субъектности, представляющее из себя, по сути, перевод будущего профессионала на более высокий (по сравнению с наличным) уровень развития субъектной позиции. Все процедуры субъектного обучения студентов могут и должны осуществляться в полной мере на всех уровнях высшего профессионального образования, тактически изменяясь соответственно динамике индивидуального развития субъектной позиции курсантов. В соответствии с такой логикой была

выстроена следующая последовательность этапов становления и развития субъектной позиции курсантов.

Первый этап (объектная, «нулевая» стадия субъектного развития курсанта) - формирование навыков самопознания, развитие рефлексивных и эмпатийных способностей, обучение приемам самообладания, развитие способности профессиональной интерпретации жизненных обстоятельств, позитивного принятия полисубъектных взаимодействий в образовательной среде; стимулирование всех форм самостоятельности и активности учебном процессе, альтернативных способов решения жизненных и профессиональных проблем.

Второй этап (объект-субъектная стадия) - овладение основами субъектного жизнетворчества. Курсанты знакомятся с методологией субъектного обучения, его основными понятиями, содержанием и структурой субъектной позиции, ее многоуровневой «палитрой». На этом этапе создается информационно-субъектный фон, актуализируется познавательная рефлексия, происходит овладение ценностями и смыслами учебно-профессиональной деятельности, развивается умение создавать индивидуальные проекты жизненного пути, фрагменты профессиональной деятельности, усиливается потребность в личностной и профессиональной самореализации.

Третий этап (субъект-объектная стадия) - формирование готовности курсантов к самостоятельной постановке и профессиональному решению теоретико-прикладных задач, проектной культуры, преобразующего отношения к собственной жизнедеятельности вообще и к учебному труду в частности.

Особое значение придается развитию регулятивных механизмов деятельности, поведения и общения, расширению индивидуальных-способов творческого самовыражения в образовательном процессе. Стимулируется поиск личностно-своеобразного почерка профессиональной деятельности, авторство в создании собственных моделей будущей деятельности.

Четвертый этап (собственно субъектная стадия) - практическая реализация индивидуальных программ личностно-профессионального саморазвития; осуществление необходимой коррекции, самоанализ учебно-профессиональных и жизненных достижений, «точек роста»; актуализация потребности самосовершенствования; усиление роли профессионально-ориентированных знаний, повышение их статусного значения не только в личностном, но и в сугубо профессиональном плане. На этом этапе активно доформируется и разворачивается субъектная позиция специалиста как система его взглядов и установок в отношении собственного жизненного и профессионального пути.

Резюме

- Применение синергетической парадигмы к изучению процесса формирования субъектной позиции специалиста в системе профессиональной подготовки позволило определить последнюю как позицию личностного и профессионального саморазвития. В то же время ее можно представить как системное отношение внутренних, психических элементов, позволяющих человеку определенным образом осуществлять взаимодействия одновре-

менно с внешней и внутренней средой. С одной стороны, субъектная позиция курсанта означает соответствие его целей, мотивов, способов действий педагогическим требованиям, а с другой - выход за пределы указанных предписаний, подчинение системы основных отношений задачам личностного, в том числе профессионального самосовершенствования.

- Субъектная позиция личности курсанта - сложная целостная система, структурно соединяющая в себе различные компоненты и способы взаимодействия между ними. Структуру субъектной позиции можно представить через мотивационно-ценностный, отношенческий и регулятивно-деятельностный блоки, ведущим среди которых является мотивационно-ценностный блок, объединяющий подсистемы ценностных ориентации, профессиональных мотивов и профессиональной направленности, учебно-познавательных мотивов и интересов.

- Ведущим мотивом становления субъектной позиции курсанта является мотив самоутверждения в профессиональных отношениях. Чем более в системе ценностных ориентации курсанта представлены ценности личностного роста, тем быстрее при повышении субъективной значимости профессии формируется позитивная ориентация на самоутверждение в ней как основа развития субъектной позиции; процесс разворачивания такой мотивации можно представить в следующей последовательности: потребность самоутверждения в любых сферах жизнедеятельности - потребность самоутверждения в учебно-познавательной деятельности - потребность

самоутверждения в профессиональной деятельности.

- Необходимым условием становления и развития субъектной позиции, актуализации стремления курсанта к самоутверждению в получаемой профессии выступает осознанность профессионального выбора, вербализуемая как «Хочу быть и буду профессионалом».

- Субъектная позиция личности курсанта может быть выражена через систему его субъектных отношений и взаимоотношений с миром, с людьми, с самим собой, которые, в свою очередь, содержательно раскрываются в системах «самоотношение», «взаимоотношение студент-преподаватель», «взаимоотношение курсант - учебная группа». Мотивационно-ценностный и отношенческий компоненты субъектной позиции курсанта определяют стратегию его личностно-профессионального поведения и жизнедеятельности; регулятивно-деятельностный компонент характеризует реализацию этой стратегии. Способность личности к самоуправлению, т. е. к управлению собственной жизнедеятельностью, к управлению своим психическим миром и поведением, отражает регулятивно-деятельностный компонент ее осуществления и проявления как субъекта. Эта способность концентрирует в себе регулятивные возможности личности как субъекта собственной жизни и деятельности; она же демонстрирует степень активности, стратегии субъекта по отношению к жизни в целом. Такая многоаспектность способности к самоуправлению позволяет выделить ее в качестве базовой составляющей регулятивно-деятельностного блока субъектной позиции будущего специалиста.

- Педагогическая стратегия формирования субъектной позиции курсанта должна соответствовать некоторым важным принципам: ориентация на личностную и профессиональную индивидуальность каждого курсанта, обеспечение дифференциального и индивидуально-творческого подхода к его подготовке; усиление субъектных потенциалов личности каждого курсанта; открытость, вариативность, динамичность изменений в содержании, формах и методах профессиональной подготовки; фундаментализация высшего образования в сочетании с углубленной профессионализацией; диалогизация учебно-воспитательного процесса и его проблематизация; полисубъектность педагогического процесса, предполагающая активность, инициативу и ответственность всех его участников.

Технология субъектно-развивающего обучения складывается из следующей последовательности ее этапов: диагностика субъектной позиции - поэтапное развитие субъектной позиции посредством специально организованного процесса обучения - вторичная диагностика субъектной позиции - коррекция первоначально избранной стратегии и тактики субъектного обучения. При этом важными условиями эффективной реализации субъектного обучения выступают пол и субъектный характер взаимодействий в учебном процессе, согласованность его содержания и организации с поуровневыми характеристиками субъектности курсанта, одновременное усиление всех компонентов субъектной позиции, психологическая готовность преподавателей к принятию субъектно-педагогических стратегий.

Виктимологические аспекты деятельности сотрудников органов внутренних дел

И. А. Папкин

В статье дается концептуальный подход к анализу психологического механизма виктимного поведения сотрудников органов внутренних дел, причин уязвимых и недостаточно надежных действий в опасных ситуациях профессиональных действий, представлена психологическая модель профессиональной виктимности и методов ее диагностики.

Виктимология - это наука о психологии и поведении жертвы (пострадавшего, потерпевшего) в опасных ситуациях жизнедеятельности (криминального насилия, нахождения в зоне вооруженного конфликта, стихийных бедствий, техногенных катастроф и т.п.), изучающая причины и механизмы виктимных действий и разрабатывающая психологические рекомендации по обеспечению безопасности людей. В зависимости от предмета изучения она подразделяется на *криминальную, травмальную и профессиональную виктимологию*.

Таким образом, помимо *общей виктимности (травмальной и криминальной)* существует и *профессиональная виктимность*, связанная с содержанием выполняемой деятельности и, в значительной мере, влияющая на ее эффективность, а также степень личной безопасности сотрудников органов внутренних дел. *Профессиональная виктимология* в органах внутренних дел изучает профессиональные и личностные особенности жертвы (потер-

певшего, пострадавшего сотрудника), недостатки в профессиональной подготовке, психологически значимые виктимные качества и состояния, образ жизни и стереотипы поведения, спровоцировавшие или значительно облегчившие противоправные действия преступников либо создавшие благоприятные условия для несения физических, психологических и имущественных потерь в ситуациях стихийных бедствий, техногенных катастроф, пожаров, дорожно-транспортных происшествий и других опасных ситуациях жизнедеятельности. Исследования показывают, что преобладающее число фактов виктимного поведения сотрудников органов внутренних дел фиксируется в ситуациях - инцидентах конфликтного взаимодействия с правонарушителями, применения последними насилия в отношении работников.

Структурно в *профессиональную виктимологию* можно включить разделы: 1) общей теории виктимности в поведении пострадавшего сотрудника органа внутренних дел; 2) психологической модели профессиональной виктимности сотрудников органов внутренних дел; 3) теории и практики диагностики уровня виктимности и проведения виктимологических экспертиз; 4) рекомендации по проведению различных видов виктимологической профилактики, специального обучения персонала и психологически развивающего тренинга сотрудников органов внутренних дел.

Центральным понятием в профессиональной виктимологии является «**ВИКТИМНОСТЬ**». Понятие «виктимность» непосредственно и тесно связано со словом «жертва». Собственно «виктимность» передает содержание слов, характеризующих признаки жертвы: а] *victima* (лат.) - жертва; б] *viktime* (франц.) - жертва; в] *victim* (англ.) - жертва; the *victim of his own foolishness* (англ.) - жертва собственной глупости; *to fall a victim to* (англ.) - стать жертвой кого - л., чего-л.; *to be victimized by smb., smth.* (англ.) - стать жертвой кого-л., чего-л.

Проблема виктимности людей в широком смысле означает нахождение объяснения их неосторожному, неадекватному, уязвимому поведению в опасных для жизни и здоровья ситуациях. Поэтому представители разных направлений науки, применяя различную терминологию (в *юридической психологии и криминальной виктимологии* - «виктимность», «виктимное поведение», «виктимизация», «виктимогенная обстановка», «структура виктимности», «опасная для жизни и здоровья ситуация» и др.; в *психологии безопасности труда* - «предрасположенность к несчастному случаю», «подверженность несчастным случаям», «защищенность от несчастных случаев», «опасная (аварийная) ситуация» и др.; в *рамках организации деятельности персонала* - «недостаточная подготовленность кадров», «недостаточная натренированность к действиям в экстремальных ситуациях», «экстремальные (стрессовые) ситуации» и др.), по существу, преследуют сходные цели - дать теоретическое объяснение фактам несчастных случаев, ранений и гибели людей и разработать рекомендации по их предотвращению.

Отсюда следует, что *профессиональная виктимология* в органах внутренних дел является комплексной отраслью науки, использующей правовые, социологические, управленческие, психологические и педагогические знания. Профессиональная виктимология имеет тесные связи с криминальной виктимологией, юридической психологией и педагогикой, теорией управления, специальной тактикой деятельности органов внутренних дел в экстремальных условиях.

Виктимность имеет потенциальную возможность проявиться только при наличии определенной *опасной для жизни и здоровья ситуации*. Нет такой ситуации и человек даже не будет знать о наличии у него высокого уровня виктимности. *Виктимогенная (виктимологическая) ситуация* наступает тогда, когда появляются обстоятельства и условия, создающие опасность причинения человеку морального, физического и материального вреда. Эти обстоятельства возникают в определенной связи как с внешними, объективными факторами, так и субъективно с особенностями личности или поведения самого потерпевшего.

Индивидуальная виктимность - комплексное свойство данного человека, обусловленное его социальными, психологическими или биофизическими качествами (либо их совокупностью), способствующее в определенной жизненной ситуации формированию условий, при которых возникает возможность причинения ему вреда противоправным актом или иными экстремальными факторами (авария, пожар, стихийное бедствие и др.). Индивидуальная виктимность - это состояние

уязвимости отдельного сотрудника органа внутренних дел, выражающееся в объективно присущей ему способности стать жертвой криминального насилия или иной опасной ситуации.

Каждый человек имеет определенный уровень виктимности от незначительного, не мешающего эффективной деятельности до значительного, высокого и очень высокого, создающего очевидные помехи труду и снижающего степень личной профессиональной безопасности. Процесс повышения уровня виктимности лица, то есть превращение его из потенциальной в реальную жертву называется *виктимизацией*.

Недостатки в подготовке и особенности личностных качеств сотрудника милиции определяют его предрасположенность к несчастным случаям, то есть «*профессиональную виктимность*». С содержательной стороны в профессиональную виктимность входят следующие компоненты: потеря бдительности, неумение предвидеть и оценить опасность, игнорирование очевидных признаков опасности, переоценка своей подготовленности, отсутствие контроля за другими людьми, неверие в возможности стать объектом нападения и др. (А. М. Столяренко, 2003).

Уровни виктимности характеризуют степень виктимизации личности сотрудника органа внутренних дел, его уязвимость и вероятность стать жертвой в криминальной или иной опасной ситуации жизнедеятельности. Чем выше уровень виктимности, тем больше вероятность стать жертвой, и наоборот. В результате проводимой профилактической работы у отдельных индивидов может наблюдаться снижение уровня виктимности, а у других лиц

в случае отсутствия такой работы - его повышение. В связи с этим целесообразно говорить об *индивидуальной динамике уровней виктимности*, определяющих возможность реального проявления виктимных реакций.

Виктимность сотрудника органа внутренних дел формируется путем *виктимизации*, являющейся процессом и результатом его превращения в жертву, включая в себя материализацию субъективных (личностных) и объективных (ситуативных) виктимных или виктимогенных потенциалов и превращения в реального потерпевшего. Важно выделить детерминанты, определяющие процесс виктимизации, динамику и скорость приобретения личностью виктимности. К числу *субъективных причин виктимизации* следует отнести особенности личности субъекта виктимизации, а также влияние социально-психологических факторов.

Процесс виктимизации и формирования виктимности сотрудника органа внутренних дел связан с объективными обстоятельствами жизни, конкретными ситуациями его поведения и профессиональной деятельности, в том числе с ситуациями, опасными для жизни и здоровья. В *опасной ситуации* создается большая вероятность возникновения несчастного случая с учетом субъективных особенностей человека, его подготовленности к действиям, выбора адекватной ситуации тактики поведения. Поэтому *причинный комплекс виктимного поведения включает субъективные и объективные факторы*. Несчастный случай часто расценивается как следствие неадекватного поведения человека в опасной ситуации, результат его не-правильных реакций в этой ситуации.

Анализ имеющихся исследований дает основания утверждать, что процесс виктимизации и формирования виктимности сотрудника органа внутренних дел состоит из совокупности, «цепочки» *виктимологических (виктимогенных) ситуаций*. В виктимологической ситуации можно отметить ситуацию формирования *потенциальной виктимности*, не связанной с наступлением опасной для жизни здоровья ситуации. Это - «дремлющая», скрытая, латентная, но потенциальная виктимность, определяющая модальности виктимного поведения в случае наступления *предопасной и реально опасной ситуации*. Гипотетически можно предположить, что сотрудник, обладая потенциальной повышенной виктимностью может никогда в жизни не попасть в опасную ситуацию и не понести определенного ущерба. Другая часть виктимологической ситуации - это виктимное поведение в реальной опасной для жизни и здоровья ситуации, то есть *реализуемая и реализованная виктимность, которые, безусловно, связаны с потенциальной виктимностью*. Таким образом, можно выделить: 1] формирование повышенной потенциальной виктимности при отсутствии наступления реальной опасности, предопасных и опасных жизненных обстоятельств; 2] реализацию, актуализацию виктимности в наступивших предопасных и опасных жизненных обстоятельствах. Реализация виктимности в наступившей виктимологической ситуации обязательно предполагает наличие ее значительного или высокого уровня у сотрудника ОВД. Напротив, при наличии только высокий уровень профессиональной виктимности при отсутствии виктимологической ситуации может

присутствовать у работников достаточно длительное время (возможно у некоторых лиц всю жизнь].

Одной из центральных теоретических проблем является проблема изучения содержания и психологической *структуры виктимности*, ее составных элементов и взаимозависимостей между ними. В работах по криминальной виктимологии делалась попытка выделить элементы виктимности, свойственные жертвам отдельных преступлений: изнасилований - «необоснованное доверие» и «оплошность»; убийства - «неосмотрительность», «чрезмерная рискованность», «конфликтность», «склонность к агрессии», «эгоцентризм», «склонность к злоупотреблению алкогольными напитками»; мошенничества - «доверчивость», «легковерность», «некомпетентность», «жадность» и т.п.

Часто к числу структурных элементов виктимности относят: психофизиологические свойства; психологические качества, свойственные определенному возрасту; ролевые позиции и статусы в обществе; взаимоотношения между жертвой и преступником; нравственно-психологические особенности пострадавших (половая распущенность, склонность к употреблению алкогольных напитков и наркотиков, жадность, деспотизм, агрессивность, грубость, трусость, жестокость, мнительность, пассивность, доверчивость, доброта, некритичность, физическая слабость и др.); степень виновности жертвы (можно выделить невинную жертву, жертву с легкой виной, жертву, вина которой соотносима с виной посягателя; жертву полностью виновную в совершенном на нее посягательстве]; агрессивность (аг-

рессивные индивиды - насильники общего плана, избирательно агрессивные насильники, агрессивные провокаторы общего плана, избирательно агрессивные провокаторы); активность в поведении (инициативные потерпевшие, пассивные потерпевшие, не критичные потерпевшие, нейтральные потерпевшие). Отмечаются также социально-психологические качества, входящие в состав виктимности и определяющие виктимное поведение. Выделяются типы потерпевших, имеющих в основе негативные социально-психологические качества, которые реализуются в конфликтном общении: «хулиган»; «негативный мститель», «скандалист», «семейный деспот», «сознательный подстрекатель», «неосторожный подстрекатель», «инициативный», «пассивный», «объективно не способный к сопротивлению», «объективно способный к сопротивлению» и др. (Д. В. Ривман, 2002).

К числу наиболее важных психофизиологических показателей, определяющих подверженность несчастным случаям относят: качество перцептивных процессов («полезависимость - полenezависимость»); качества внимания; уровень сенсомоторной координации; особенности темперамента. Из числа свойств характера, определяющих предрасположенность к несчастным случаям, чаще всего выделяют: агрессивность, чрезмерную самоуверенность, неуважение и недостаточную чувствительность к другим людям, недостаточную способность к сочувствию и сопереживанию, слабую дисциплинированность, тревожность, нерешительность, чрезмерную замкнутость или, напротив, чрезмерную общительность,

независимость, критичность, гиперответственность, склонность к риску. Среди временных психических состояний часто называют утомление, болезненные состояния и дистресс (М. А. Котик, 1981)

Профессиональная виктимность сотрудника органа внутренних дел выражается в его предрасположенности, то есть осознаваемой или чаще неосознаваемой готовности, обусловленной наличием определенных личностных предпосылок, доминирующих негативных психических состояний и элементов недостаточной профессиональной подготовленности (в том числе профессионально-психологической подготовленности), к уязвимым служебным действиям в опасных для жизни и здоровья ситуациях, ведущих к несчастным случаям, ранениям или гибели. Она имеет различный психологический уровень и динамику (потенциальная, реализуемая и реализованная виктимности), связанную с вероятностью возникновения или реальным наступлением определенной виктимологической (или виктимогенной) ситуации, то есть опасной для жизни и здоровья ситуации служебной деятельности.

Структура профессиональной виктимности состоит из трех взаимосвязанных подструктур: 1) элементов недостаточной профессионально-психологической подготовленности к действиям в опасных для жизни и здоровья ситуациях; 2) негативных личностных и психофизиологических качеств, создающих виктимные потенции в поведении сотрудников органов внутренних дел; 3) доминирующих психических состояний, оказывающих отрицательное влияние на эффективность дейс-

твий сотрудников в опасных ситуациях профессиональной деятельности.

Таким образом, профессиональная виктимность имеет свое психологическое содержание, обнаруживает определенную динамику (этапы потенциальной, реализуемой и реализованной виктимности), различные уровни и связь с виктимологической ситуацией (см. рис. 1).

Психологическая модель профессиональной виктимности может быть выражена в виде *трех взаимосвязанных динамических блоков*, характеризующих потенциальную, реализуемую (или поведенческую) и реализованную виктимность (см. рис. 1).

Содержание первого блока модели образуют: психологические причины профессиональной виктимности, ее психологическая структура, включающая в себя элементы профессиональной психологической неподготовленности к действиям в опасных для жизни и здоровья ситуациях, личностные негативные качества (агрессивность, жесто-

кость, повышенную склонность к риску, недостаточную коммуникативную толерантность и др.] и отрицательные психические состояния, в первую очередь, эмоциональные состояния (дистресс, страх, аффект и др.). Обязательным элементом предлагаемой модели является оценка уровней выраженности виктимности у сотрудников органов внутренних дел. Потенциальная профессиональная виктимность имеет у сотрудников органов внутренних дел разные уровни выраженности (от незначительного, практически, не влияющего на эффективность деятельности до среднего и значительного уровней, существенно увеличивающих виктимные потенции и личностную уязвимость при исполнении служебных обязанностей]. При наступлении виктимологической ситуации, как правило, опасной для жизни и здоровья ситуации профессиональной деятельности, значительный и высокий уровни потенциальной виктимности, проявляясь в определенных характеристиках виктимного поведе-

1. Психологические причины потенциальной профессиональной виктимности (ППВ)

Психологическая структура ППВ

элементы психологической неподготовленности	личностные негативные качества	доминирующие отрицательные психические состояния
---	--------------------------------	--

Уровень ППВ

2. Виктимологическая (опасная для жизни и здоровья) ситуация профессиональной деятельности

реализуемая профессиональная виктимность (виктимное поведение в опасной для жизни и здоровья ситуации]	отсутствие виктимного поведения
--	---------------------------------

3. Реализованная профессиональная виктимность и ее последствия

физические травмы и ранения	психические травмы	отношение к пережитой опасности	снижение или рост виктимности
-----------------------------	--------------------	---------------------------------	-------------------------------

Рис. 1. Схема психологической модели структуры, содержания и динамики профессиональной виктимности сотрудников органов внутренних дел

ния, означают ее переход в реализуемую, а затем реализованную профессиональную виктимность, которые часто ведут к неблагоприятным последствиям для физического состояния организма и психики сотрудника органов внутренних дел.

Во втором блоке модели раскрываются особенности поведения сотрудников органов внутренних дел в опасной для жизни и здоровья ситуации (виктимологической ситуации). Важно подчеркнуть связь реализуемой, поведенческой виктимности с уровнем потенциальной виктимности. В модели показано, что незначительный уровень профессиональной виктимности не ведет, как правило, к сбоем в деятельности, фактически не влияет на ее эффективность и не вызывает виктимных реакций. Напротив, значительный и высокий уровни потенциальной виктимности, как правило, ведут к виктимному поведению и реализации виктимных потенциалов сотрудников органов внутренних дел.

Составляющая третий блок модели, а именно реализованная виктимность позволяет оценить тяжесть последствий виктимных действий (физических и психических травм, отношения к пережитой опасности и др.) и наметить мероприятия по реабилитации сотрудников ОВД и снижению уровня профессиональной виктимности.

Изучение психологической сущности и проявлений виктимности в поведении, следует проводить в неразрывной связи конкретной ситуации деятельности (виктимологической или виктимогенной ситуации, которая, как правило, является опасной для жизни и здоровья) и особенностей личности

сотрудников органов внутренних дел. Можно сказать, что реально в конкретной виктимологической ситуации потенциальная, «дремлющая» виктимность находит свою реализацию в различных виктимных реакциях сотрудников органов внутренних дел, но только при наступлении виктимологической, то есть опасной для жизни и здоровья ситуации. Причем именно повышенный или высокий уровень индивидуальной потенциальной виктимности в связи с конкретной опасной (виктимологической) ситуацией вызывает определенное виктимное поведение сотрудников ОВД.

Опасность является конституирующим признаком для выделения особой группы ситуаций профессиональной деятельности, то есть опасных для жизни и здоровья ситуаций. В опасной ситуации деятельности существуют достаточно мощные *предпосылки виктимогенности, которые соединившись с психологическими факторами потенциальной виктимности* сотрудника органов внутренних дел, ведут к различным ее реальным проявлениям в уязвимом, неадекватном поведении, то есть виктимном поведении.

Чрезвычайно важна диагностика уровня виктимности каждого сотрудника органов внутренних дел. Потенциальный уровень виктимности сотрудника может определяться (хотя психодиагностическая практика в ОВД пока игнорирует это направление изучения личности) в процессе профессионально-психологического отбора для прохождения службы. При наличии высокого уровня виктимности работник должен зачисляться в группу риска и с ним должна проводиться целе-

направленная психологическая работа по снижению профессиональной виктимности. Кроме того, психодиагностика уровня виктимности целесообразна при направлении сотрудников в составе сборных отрядов для выполнения служебно-боевых задач, связанных с антитеррористической деятельностью, а также при переводе сотрудника в другие подразделения правоохранительных органов.

Таким образом, психодиагностика виктимности (точнее уровня виктимности или уровня предрасположенности к несчастным случаям), как показывает анализ научных публикаций, может проводиться с разными целями: а) при проведении профессионально-психологического отбора с целью выявления степени пригодности кандидата для занятия абсолютных или опасных профессий, связанных с действиями в экстремальных условиях; б) с целью повторной диагностики при переходе с одной должности на другую или при необходимости выполнять служебные обязанности в критических ситуациях (например, деятельность сотрудника ПОО в составе сборного отряда при проведении контртеррористических операций); в) при проведении специального обучения и специального психологического тренинга для обеспечения входного и выходного контроля; г) при проведении психовиктимологической экспертизы, целью которой является установление следственно-причинных связей между виктимным поведением работника и понесенным им или другими людьми ущербом, оказавшихся в роли жертв или пострадавших в результате криминального насилия или иной опасности, от есть установления степе-

ни виновности работника - жертвы.

При психодиагностике уровня виктимности могут использоваться апробированные методы (например, методика диагностики агрессии А. Басса и А. Дарки; методика коммуникативной толерантности В. В. Бойко, методики оценки депрессивных состояний; Фрайбургский личностный опросник (FPI), методика диагностики степени готовности к риску Шуберта и др.). В последнее время появляются методы диагностики уровня виктимности, разработанные на основе анализа деятельности работников правоохранительных органов в опасных ситуациях (например, проективная методика В. М. Мельникова «48 экстремальных ситуаций», методика экспертных оценок выраженности виктимных качеств А. И. Папкина и И. А. Папкина, методика самооценки негативных эмоциональных состояний А. И. Папкина и др.). Большой диагностической возможностью по изучению уровня виктимности обладают методы: экспертных оценок, психологического наблюдения, анализа эффективности деятельности сотрудников в опасных ситуациях. Начинает развиваться специальная методическая база психовиктимологических исследований, включающая в себя: психодиагностическую беседу с потерпевшими; психовиктимологический анализ поведения жертвы (на основе подробного объективного описания, чаще письменного, действий потерпевшего в ситуации критического инцидента, опроса очевидцев поведения пострадавшего метод, оценки выраженности виктимных качеств у потерпевшего и др).

Представляет интерес *психологический анализ по разработанному еди-*

ному алгоритму действий сотрудников органов внутренних дел в опасных ситуациях (ситуациях-инцидентах), сопровождавшихся ранениями или гибелью личного состава. Данная методика ориентирована на выявление особенностей виктимного поведения и поиска оснований для типологии поведения потерпевших и психологических причин уязвимого поведения. Алгоритм анализа обычно включает в себя: а) содержание ситуации (письменное описание); б) выявление виктимности в действиях сотрудника(ов) органов внутренних дел; в) психологические причины ошибок в

действиях (в виктимном поведении; г] тип опасной ситуации; д] тип виктимного поведения.

В целях получения более точных данных при заполнении методики экспертной оценки уровня виктимности и определения коэффициента индивидуальной виктимности используется прием сравнительного анализа профессиональных и личностных качеств двух категорий сотрудников (И. А. Папкин, 2006]: 1] пострадавших в ситуациях-инцидентах и 2] работающих эффективно (см. бланк экспертной оценки].

МЕТОДИКА

экспертной оценки предрасположенности сотрудника ОВД к несчастному случаю (к виктимному поведению) при исполнении служебных обязанностей в экстремальных ситуациях деятельности (авт. А. И. Папкин, И. А. Папкин)

Инструкция. Ставьте в листе ответов одну из контрольных оценок: 4 балла, если качество, характеристика или умение «очень выражено». 3 - «выражено в значительной степени», 2 - «выражено в средней мере, умеренно», 1 - «выражено в незначительной степени или отсутствует», оценивая предлагаемые качества, характеристики или умения применительно к конкретному сотруднику органов внутренних дел. Оценке для сравнения подлежат 2 сотрудника, равных по должностному положению, но отличающихся эффективностью служебных действий в опасных ситуациях. Можно рекомендовать брать одного из оцениваемых из числа пострадавших при несении службы.

Фамилия и инициалы эксперта _____ Звание _____
Должность _____ Стаж работы в должности _____
Дата заполнения _____

Данные первого сотрудника (пострадавшего при исполнении обязанностей):

ФИО _____ Звание _____
Должность _____ Стаж работы в должности _____
Образование _____ Стаж работы в ОВД _____
Возраст _____

Данные второго сотрудника (эффективного работника):

ФИО _____ Звание _____
Должность _____ Стаж работы в должности _____
Образование _____ Стаж работы в ОВД _____
Возраст _____

№	Характеристика	ФИО сотрудника	ФИО сотрудника
1	Неумеренная склонность к риску		
2	Доверчивость		
3	Жестокость		
4	Склонность к индивидуальной панике		
5	Завышенная самооценка		
6	Вспыльчивость		
7	Болезненное состояние здоровья		
8	Жадность		
9	Неумение распределять и концентрировать внимание		
10	Конфликтность		
11	Малая сообразительность		
12	Слабый слух		
13	Склонность к сомнениям при принятии решения		
14	Экстернальность, т.е. склонность полагаться на случай, везение, помощь других лиц		
15	Рассеянность		
16	Ригидность или стереотипность мышления		
17	Физическая слабость		
18	Мнительность		
19	Склонность к психической дезадаптации		
20	Слабое зрение		
21	Недостаточное внимание		
22	Импульсивность в действиях (сначала сделает, потом подумает)		
23	Повышенная тревожность		
24	Склонность к проявлению страха		
25	Растерянность		
26	Нерешительность		
27	Неосторожность, неосмотрительность		
28	Суетливость		
29	Безответственность		
30	Склонность к злоупотреблению алкоголем		
31	Неопытность		
32	Авантюризм в поведении		
33	Неорганизованность		
34	Пассивность в действиях		
35	Невыдержанность		

36	Склонность к аффективному реагированию («взрывается»]		
37	Застенчивость		
38	Замедленная двигательная реакция		
39	Агрессивность		
40	Формализм в работе		
41	Преобладание мотива избегания неудач в работе		
42	Повышенная внушаемость		
43	Грубость		
44	Эгоистичность		
45	Недостаточная ловкость в движениях		
46	Самонадеянность		
47	Аморальность		
48	Корысть		
49	Подмена профессиональных целей личными		
50	Трусость		
51	Склонность к нарушению правовых норм, правил деятельности и запретов		
52	Беспечность		
53	Неуверенность		
54	Беспокойство		
55	Склонность к тормозным реакциям		
56	Чувство вины		
57	Склонность к «туннельному мышлению» (не может найти нестандартный выход из трудной ситуации]		
58	Отсутствие сочувствия и сострадания другим лицам		
59	Экстремальная неустойчивость		
60	Легкомысленность		
61	Нравственная неустойчивость, моральная «распущенность»		
62	Легковерность		
63	Некритичность		
64	Эмоциональная неуравновешенность		
65	Низкая устойчивость к стрессу		
66	Функциональное нарушение связи в поведении между познавательным и двигательным процессами		
67	Самоуверенность		
68	Недисциплинированность		
69	Слабое знание типовых опасных ситуаций деятельности		
70	Конформность или повышенная склонность к компромиссам		

СПАСИБО ЗА СОТРУДНИЧЕСТВО!

Основной целью методики экспертной оценки подготовленности сотрудников органов внутренних дел к действиям в опасной ситуации, (А. И. Папкин, 1996) является измерение экспертами знаний, умений или личностных качеств конкретного сотрудника на основе пятибалльной шкалы (5 баллов - «очень выражено», 4 - «выражено в значительной степени», 3 - «выражено в средней степени», 2 - «выражено в незначительной степени» и 1 балл, если данное качество, знание или умение отсутствует). Всего предлагалось оценить 132 характеристики испытуемого по следующим направлениям: а) тактическая подготовленность (35 характеристик); б) физическая подготовленность (22); в) подготовленность к использованию элементов экипировки и защитных средств (11); г) стрелковая подготовленность (20); д) профессионально - психологическая подготовленность (44). Обработка производится путем суммирования баллов экспертов по каждому из направлений оценки, определения средних и в целом уровня общей подготовленности сотрудника к действиям в опасной ситуации.

Часто для оценки индивидуальной предрасположенности к несчастным случаям применяется *батарея методик* (М. А. Котик, 1981): бланковый тест (корректирующая проба) для оценки показателей внимания; инструментальная методика (проведение штыря в зигзагообразном вырезе, не касаясь его

краев) для оценки сенсомоторной координации); опросник Айзенка для определения экстраверсии и нейротизма; картиночный тест Розенцвейга для измерения фрустрации и агрессивности; инструментальная методика (оставка секундомера как можно ближе к опасному рубежу, переход за который наказывался током) для изучения склонности к риску; проведение медицинского осмотра и изучение историй болезни; экспертная оценка руководителями личностных и профессиональных качеств испытуемых.

Литература

Котик М. А. Психология и безопасность. - Таллин: Варгус, 1981.

Папкин А. И. Личная безопасность сотрудников органов внутренних дел. Тактика и психология безопасной деятельности. Практическое пособие - М: ГУК МВД РФ, 1996.

Папкин А. И. Личная профессиональная безопасность сотрудников органов внутренних дел. Учебное пособие. - Домодедово : ВИПК МВД РФ, 2006.

Папкин И. А. Психологические пути снижения виктимности сотрудников органов внутренних дел. Дисс. ... канд. психол. н. - М.: Академия управления МВД России, 2004.

Папкин И. А. Методы диагностики и снижения уровня профессиональной виктимности сотрудников органов внутренних дел. Учебное пособие. - Домодедово: ВИПК МВД РФ, 2006.

Столяренко А. М. Экстремальная психопедагогика. Учеб. пособие для вузов. - М: ЮНИТИ-ДАНА, 2002.

Ривман Д. В. Криминальная виктимология. - СПб.: Питер, 2002.

Энциклопедия юридической психологии / Под общ. ред. проф. А. М. Столяренко. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003.

Особенности «второй волны» пенитенциарных реформ в Европе и США и ее влияние на изменение условий содержания осужденных женщин

О. А. Тарасов, С. А. Васильева

Масштабные институциональные преобразования, развернувшиеся в начале XIX в., затронули все важнейшие сферы общественной жизни, в том числе и уголовное правосудие. Практически во всех европейских странах, а также в США и России были сформулированы четкие кодексы и единые правила судопроизводства, почти повсеместно введен суд присяжных. Стартовали и реформы тюремной системы, растянувшиеся на весь XIX - начало XX вв.

Одним из источников подобных реформ стали, безусловно, гуманистические идеи, получившие распространение еще в эпоху Возрождения, и впоследствии, воспринятые Европейским Просвещением. Идеология Просвещения, окончательно сформировавшаяся к концу XVIII в. породила принципиально новую духовную ситуацию и поставила вопросы не только о месте человека в мире, но и о новой системе управления обществом.

Идеалы просвещения воплотились в современные концепции прав человека, гражданского общества и демократии, правового государства, деловой этики и рыночного капитализма. Именно под влиянием этих идей из пенитенциарных практик исчезла карательная зрелищность публичных казней и пыток, произошло общее смягчение строгости уголовно-исполнительной системы. Гуманистические принципы содержания заключенных, ставшие основой для первой волны пени-

тенциарных реформ, предусматривали правовую защиту содержащихся под стражей, раздельное содержание мужчин и женщин, медицинское обслуживание, улучшение санитарно-бытовых условий и др. Постепенно под влиянием всех этих изменений система наказания приняла четко выраженный исправительный характер, ее эффективность отныне определялась не зрелищностью пыток и казней, как некогда, а осознанием неизбежности и неотвратимости возмездия.

Однако, по мере развития пенитенциарных реформ XIX в. изначальная тенденция к смягчению строгости уголовно-исполнительной системы и гуманизации тюремного законодательства уступает место другому направлению. Вторая волна реформирования в качестве идеологического обоснования использовала принципы сциентизма, и была тесно связана со становлением психиатрии, на которую в тот период возлагались особые надежды по совершенствованию «общественной гигиены»¹.

Впервые проникновение психиатрии в механизмы отправления правосудия можно усмотреть в появлении законов о принудительном помещении душевнобольных в специализированные учреждения по распоряжению префектур². Интегрируясь в уголовный режим, психиатрия, в основном, занималась экспертизой той части преступлений, которые заворачивали порой судеб-

ные власти своей жестокостью, граничащей с безумием с одной стороны, и необъяснимой безосновательностью и невозможностью применить карательную власть³. Криминальное безумие стало центральным объектом изучения для молодой науки.

Сначала психиатры сотрудничали с судебными властями только на этапе следствия, диагностируя безумие и принимая решение о принудительном помещении в специализированные учреждения. Однако дальнейшее ее развитие и формирование как медицинской науки поставило на повестку дня вопрос о диагностике потенциальной опасности для общества еще тогда, когда никто другой ее не видит. Проще говоря, психиатрия начинает функционировать как наука, ответственная за общественную гигиену, ассистируя уголовно-исполнительной системе в профилактике возможных преступлений.

Примером подобной коэволюции внутренних проблем уголовной системы и области изучения психиатрии является «теория вырождения человечества» разработанная французским психиатром О. Морелем и нашедшая широкое применение на практике. В рамках данной теории процесс деградации представлялся в виде цепочки постепенного вырождения, растянутого на несколько поколений. Считалось, что люди, подорвавшие свое здоровье неправильным образом жизни, будут иметь духовно неуравновешенное, истеричное потомство. Во втором поколении должны будут проявиться умственная отсталость, эпилепсия и алкоголизм; в третьем - душевные болезни, самоубийства; а в четвертом - идиотизм, уродства, бездетность, прямо ведущие к смерти рода⁴.

Появление данной теории свидетельствовало о внедрении в практику психиатрии евгеники, необычайно популярного в Европе в конце XIX - начале XX в. учения о наследственном здоровье и путях улучшения потомства будущих поколений. Соблазнительная идея английского естествоиспытателя, врача и антрополога Ф. Гэлтона о возможности усовершенствования человеческой породы методами селекции и введения контроля за воспроизводством населения быстро завоевала умы практически во всех цивилизованных странах мира.

Одну из первых практических программ расовой гигиены предложил в 1908 г. норвежский доктор Мьоеен. Она состояла из трех частей: негативных, позитивных и предупредительных евгенических процедур. Отрицательная расовая гигиена предусматривала сегрегацию и стерилизацию. Интересно, что при выборе «кандидатов» на принудительную стерилизацию и эвтаназию Мьоеен придерживался теории Мореля о «вырождении». В качестве потенциальных объектов отрицательной евгеники рассматривались слабоумные, эпилептики и вообще физически и духовно пораженные лица. Та же мера рекомендовалась в качестве обязательной для пьяниц, «прирожденных преступников», профессиональных нищих и всех, кто отказывается работать. Вполне очевидно, что доктор Мьоеен в выборе объектов для негативной евгеники руководствовался вовсе не современной ему наукой, а вполне понятной на обывательском уровне неприязнью к больным, тунеядцам и преступникам⁵.

Практически одновременно началась пропаганда евгенических идей в

Германии и Англией, где за евгеникой закрепилось название «расовая гигиена». В США уже в первое десятилетие XX века была законодательно оформлена и применялась во многих штатах принудительная стерилизация. Начало процессу было положено федеральным собранием штата Индиана, издавшим закон, по которому «идиоты» и «слабые», а также лица, покушавшиеся на изнасилование, могли быть стерилизованы по постановлению специальной комиссии.

Таким образом, в связи с развитием психиатрии и новых эволюционистских концепций, тюремные реформы, начатые еще в начале XIX в., получили новый импульс и направление. Новый подход исключал возможность применения карательных мер в отношении больных людей, каковыми считались многие преступники. Однако при этом не вызвала сомнений и необходимость обезвреживания и изоляции опасных для общества людей. Подобные установки заметно изменили содержание тюремных реформ в Европе и США, и особенно в отношении заключенных женского пола.

С середины XIX в. женские общественные организации стали играть все более заметную роль в американской тюремной реформе. В 1870 г. была создана Американская тюремная ассоциация с целью «улучшить устройство женской тюрьмы». Часть усилий была направлена на дальнейшее совершенствование женских тюрем (пенитенциариев): организацию тюремного быта, налаживание режима содержания матерей с детьми и т.п.

В конце XIX - начале XX в. Америка была потрясена мощными волнами иммиграции вызванной революциями

и войной в Европе. Кроме того, обострились расовые конфликты, вызванные постреконструкционным хаосом на Юге. Все это привело к росту тюремного населения, в том числе и женского. Моральный облик иммигранток, зачастую относившихся к деклассированным элементам, по-видимому, оставлял желать лучшего. Не случайно Женская Тюремная Ассоциация негативно отреагировала на приток женщин из Африки и Европы. В прокламации 1906 г. они осуждались «как наносящие вред американской этике и нравственности, теснящие просвещенных, трудолюбивых и морально-устойчивых гражданок, занимая их места в семьях и на работе». «Вы действительно хотите, - взывала прокламация к «истинным» американкам, - чтобы аморальные девки, наводившие улицы Нью-Йорка, подвергали опасности ваши семьи, совращая ваших сыновей и дочерей? Считаете ли вы их достойными матерями будущих американских граждан? Сколько еще иностранные власти будут сбрасывать преступный мусор к нашим берегам?»⁶

В результате, в попытках решения назревших проблем, американская элита выдвинула лозунг улучшения генфонда и взяла на вооружение евгенику Гэлтона, постепенно превратив его теорию в откровенно репрессивную, расистскую идеологию. В процессе очищения американского общества адепты «отрицательной» евгеники намеревались искоренить «негров, остатки индейцев, латиноамериканцев, слабян, евреев, темноволосых бедняков и больных наследственными заболеваниями». Следуя примеру штата Индиана, в период с 1907 по 1920 г. еще в пятнадцати различных штатах были

приняты «статуты», уполномочивавшие или предписывавшие стерилизацию подобных лиц.

До 1920 г. в США имело место 3233 случая принудительной стерилизации, причем нередко ее объектами становились так называемые «преступники против нравственности»⁷. В большинстве штатов стерилизации подлежали психически ненормальные, умственно отсталые, осужденные за половые преступления; в некоторых, кроме того, - хронические алкоголики, эпилептики, проститутки, круглые сироты, бродяги. Никаких доказательств, что стерилизуемые являются носителями каких-то вредных генов, не представлялось. Кроме того, в некоторых штатах практиковалась замена (по желанию преступника) длительного тюремного заключения стерилизацией.

Однако, использование методов только «отрицательной» евгеники не решало проблемы падения нравов в обществе. Поэтому, все чаще, стали обращаться к методам «предупредительной» евгеники, которые существенно повлияли на содержание тюремных реформ. В частности, теория наказания в отношении женского тюремного населения включила в себя идею о лишении юридической дееспособности тех правонарушительниц, которые, будучи нездоровы сами, могут произвести нездоровое потомство. Это привело к созданию качественно новых заведений «исправительного» характера - реформаториев. Туда попадали в основном женщины, обвиняемые в «нарушении общественного порядка» (внебрачная связь, прелюбодеяние, бродяжничество, опьянение и т.п.). Считалось, что, совершая подобное преступление, женщина теря-

ет данную ей природой женственность, а цель исправительного заведения - не наказать, а «улучшить характер и нрав», дать возможность вернуться к добродетелям, измениться в лучшую сторону.

Инициаторы реформы рассматривали данный тип заведений в качестве альтернативы жестокой каторге и тяжелым тюремным условиям в соседстве с преступниками мужского пола. Реформатории были расположены в сельской местности, женщины размещались в «коммунальных» домиках по 20-25 человек. Им передавались значительные земельные угодья, где силами осужденных устраивались цветники, огороды, палисадники. Женщин также приучали быть хорошими хозяйками, примерными женами и матерями. После обучения женщины могли наниматься в качестве домашней прислуги, но если они в чем-то не устраивали хозяев, их сразу возвращали на «досиживание».

В пенитенциарных учреждениях подобного типа преобладали белые женщины. Например, в 1921 г. в реформаториях содержалось 88% белых и 12% афроамериканок, тогда как в обычной тюрьме подобное соотношение составляло 33,5% к 64,5%. Это было связано с тем, что морально-нравственные требования предъявляемые обществом к «стопроцентным» американкам были значительно выше. В южных же штатах преступления против нравственности, зачастую, даже не рассматривались⁸.

Любопытно и то, что по обвинению в проституции, всплеск которой приходится на начало века, в реформатории попадало сравнительно мало женщин - 8,5% от общего числа узниц исправительных учреждений. Большинство осужденных получали сроки за «не-

пристойное, развратное поведение» - внебрачные связи с последующей беременностью, пьянство и бродяжничество, содержание притона, венерические заболевания и т.п. Иногда для того, чтобы поместить женщину в реформаторий было достаточно жалобы родственников или соседей⁹. Значительная часть женщин осуждалась за «попытку избавиться от зародышей» - аборт, как за преступления против личности.

Жизнь в реформаториях была, безусловно, менее жестока, чем в пенитенциариях, однако в ней можно увидеть куда более глубокое посягательство на свободу человека. Женщину намеренно изолировали от внешнего мира, даже от семьи, чтобы «привить истинные моральные ценности». Дети пребывали с матерями только до двухлетнего возраста, письма осужденной разрешались раз в два месяца, посещение родственников - четыре раза в год и только с разрешения администрации.

Еще одной характерной чертой этих исправительных учреждений был открытый срок приговора «до реабилитации и преобразования» или «полного излечения». Средний срок пребывания в реформатории составлял не менее двух-четырёх лет; мужчины получали такие сроки за уголовные преступления средней тяжести. Таким образом, вместо отбывания тюремных сроков за незначительные преступления этнического характера, которые во многих странах даже не рассматривались, женщины оказались закрытыми на неопределённый срок. Те же, кто признавался неизлечимыми или непокорными, пребывали в реформаториях бессрочно.

Очевидно, под влиянием распротраненных евгенических идей, у жен-

щин с сомнительной наследственностью стремились отнять как можно больше лет из фертильного периода. Пункт о необходимости евгенического просвещения среди заключённых реформаториев расписан особенно подробно и основывался на глубоком убеждении, что ограниченный женский ум требует особого подхода. Женщин учили быть инфантильными асексуальными домашними существами.

В Европе, и в частности в Великобритании, евгеническая идея уменьшить репродуктивную способность «врождённых преступниц», наносящих вред здоровью нации, декларировалась открыто. Европейские реформатории на государственном уровне создавались в первую очередь для хронических алкоголиков и тех, кто совершил преступления в состоянии опьянения. По примеру американских исправительных заведений, они также располагались в сельской идиллической местности, а срок пребывания ограничивался приговором «до полного излечения».

Другая линия европейских тюремных реформ затронула «слабоумных» заключённых. Такие женщины признавались не в состоянии выполнять режимные требования, и на этом основании изолировались от остальных. Их пребывания в тюрьме становилось бессрочным, работу с «умственно отсталыми» вели специально обученные сотрудники.

Мировые войны и Великая Депрессия в США привели к свертыванию реформаторской линии. Одной из причин стало также разочарование широкой общественности в попытках селекционно улучшить человеческую породу. Интеллигенция взволновалась, когда

поняла, какой оборот принимают отвлеченные рассуждения о вырождении человечества. Евгенические идеи органично слились с расистскими установками фашизма. Окончательное отвращение общественности от идеи усовершенствования человеческой породы произошло после полномасштабных акций по эвтаназии неполноценных. В Германии, где евгеника стала частью официальной идеологии правящего национал-социалистического режима, были приняты законы, по которым в 1939-1942 гг. проводилась такая эвтаназия¹⁰. Именно с этого момента ведет отсчет представление о том, что евгеника - это благородная затея с негодными средствами.

Реформаторы тюремной системы констатировали следующий факт: попытки перевоспитания правонарушительниц и ограничения рождаемости среди этой категории закончились полным провалом. Многие «воспитанницы», оказавшись на воле, вскоре возвращались в «привычную тюремную среду». Доля женского рецидива была значительно больше мужского.

Небывалый рост проституции в период между двумя мировыми войнами, изменение нравственных ориентиров в обществе привели к окончательному разочарованию в попытках перевоспитания «заблудших овец». Главной целью женского тюремного заключения отныне стала защита военнослужащих от небывалого распространения венерических заболеваний - большую часть осужденных теперь составляли проститутки, которых уже не старались исправить. К тому же, содержание женщин в реформаториях стоило пративительствам немалых денег, поэтому

снижение финансирования тюремной системы пагубно сказалось на условиях женского заключения. В итоге, к середине 1930-х гг. наметилось слияние реформаториев и женских тюрем.

Таким образом, идея разделения осужденных на неисправимых и поддающихся исправлению, представляющих угрозу генофонду человечества и вполне здоровых, не привела к задуманным результатам - снижению криминализации в обществе и профилактике преступлений.

К удивлению реформаторов, подобная тенденция наметилась как раз после свертывания реформ: так, например, в Великобритании в 1913 году было 33 тыс. женщин заключенных, в 1921 - 11 тыс., а в 60-е годы сократилось до 2 тыс. Это было связано с коренными изменениями условий жизни вне тюремных стен - повышения образованности населения, улучшение условий жизни, изменением роли женщины в семье и обществе. Главной же находкой реформаторов стала так называемая «альтернатива заключению» - условное освобождение, штраф, залог и т.п.

Сотрудничество же психиатрии и уголовно-исполнительной системы продолжилось, несмотря на то, что первая масштабная попытка решения проблемы вырождения человечества средствами науки провалилась, причем столь очевидным образом, что и до сих пор генетики стесняются признаваться в евгенических склонностях.

¹ См. подробнее: Фуко М. Ненормальные. Курс лекций, прочитанных в Колледж де Франс в 1974-1975 учебном году. СПб., 2004. Лекция от 5 февраля 1975 г.

² См. например французское законодательство: «Судебно-медицинский комментарий к закону о ду-

шевнобольных от 30 июня 1838 г.» с отдельным параграфом о «принудительном помещении». В других европейских странах подобные законы были приняты с некоторыми хронологическими сдвигами и отличиями на законодательном уровне.

³ М. Фуко приводит в своих лекциях пример дела женщины, которая убила свою дочь, разрезала на куски и зажарила в капустных листьях. Отсутствие внутренней логики деяния, безосновательность преступления озадачивала судей и ставила под сомнение возможность применения карательной власти.

⁴ Штехер Г. Г. Вырождение и евгеника. М.-Л., 1927. С. 10.

⁵ См. подробнее: Русский евгенический журнал. 1925. Т. 3. Вып. 2. С. 139.

⁶ Rafter N. H. *Partial Justice: Women in State Prisons 1800-1935*. Boston: New England University Press, 1985. P. 93-94.

⁷ Люблинский П. П. Евгенические тенденции и новейшее законодательство о детях // Русский евгенический журнал. 1925. Т. 3. Вып. 1. С. 19.

⁸ Rafter N. H. *Op. cit.* P. 146.

⁹ Так, Дженни Б. была помещена в реформаторий по жалобе родственника, на то, что «незамужняя девушка часто оставалась на ночь в гостиницах с молодыми людьми». Лилиан Р., бросив школу, убежала с военным, заразившись от него венерическим заболеванием, и после лечения была на неопределенный срок отправлена в реформаторий. Энн Б. стала жертвой насилия своего отца, который был заключен под стражу, девушку же отправили в исправительное учреждение. See Rafter N. H. *Op. cit.* P. 161.

¹⁰ См. подробнее Хен Ю. В. *Евгеника: основатели и продолжатели* // Человек. 2006, № 3.

Психологический стресс у сотрудников МВД: роль опосредующих переменных и практические следствия

Б. Б. Величковский, В. В. Барабанщикова

Введение. Исследования психологического стресса представляют собой одну из наиболее проблемных областей современной психологии. Существенной причиной такого положения дел является сама природа стресса как психологического явления, характеризующегося наличием сложных, реципрокных взаимосвязей между его отдельными компонентами. В комплексном стрессовом переживании трудно отделить зависимые переменные от независимых, само выделение переменных для рассмотрения наталкивается на значительные трудности выбора. Ситуация усугубляется наличием значительного количества опосредующих факторов, которые могут усилить или ослабить системную стрессовую реакцию, и даже обратить её знак на противоположный. Лишь в последнее время

наметилась тенденция к объединению теоретических подходов к психологическому стрессу на базе представлений о стрессе как о динамической транзакции между личностью и средой, в основе которых лежит когнитивно-транзактивная теория стресса Р. Лазаруса.

Центральным для когнитивной теории стресса, как и для когнитивно-транзактивного подхода в целом, являются понятия *транзакции, процесса, оценки и совладания*. Под транзакцией Р. Лазарус и С. Фолкман (Lazarus & Folkman, 1987) понимают эпизод целостного взаимодействия индивида со средой, в котором эти сущности динамически объединяются, приобретая новые, неаддитивными качествами. Транзакция характеризуется как стрессогенная, если требования ситуации превышают возможности индивида. Использо-

шевнобольных от 30 июня 1838 г.» с отдельным параграфом о «принудительном помещении». В других европейских странах подобные законы были приняты с некоторыми хронологическими сдвигами и отличиями на законодательном уровне.

³ М. Фуко приводит в своих лекциях пример дела женщины, которая убила свою дочь, разрезала на куски и зажарила в капустных листьях. Отсутствие внутренней логики деяния, безосновательность преступления озадачивала судей и ставила под сомнение возможность применения карательной власти.

⁴ Штехер Г. Г. Вырождение и евгеника. М.-Л., 1927. С. 10.

⁵ См. подробнее: Русский евгенический журнал. 1925. Т. 3. Вып. 2. С. 139.

⁶ Rafter N. H. *Partial Justice: Women in State Prisons 1800-1935*. Boston: New England University Press, 1985. P. 93-94.

⁷ Люблинский П. П. Евгенические тенденции и новейшее законодательство о детях // Русский евгенический журнал. 1925. Т. 3. Вып. 1. С. 19.

⁸ Rafter N. H. *Op. cit.* P. 146.

⁹ Так, Дженни Б. была помещена в реформаторий по жалобе родственника, на то, что «незамужняя девушка часто оставалась на ночь в гостиницах с молодыми людьми». Лилиан Р., бросив школу, убежала с военным, заразившись от него венерическим заболеванием, и после лечения была на неопределенный срок отправлена в реформаторий. Энн Б. стала жертвой насилия своего отца, который был заключен под стражу, девушку же отправили в исправительное учреждение. See Rafter N. H. *Op. cit.* P. 161.

¹⁰ См. подробнее Хен Ю. В. *Евгеника: основатели и продолжатели* // Человек. 2006, № 3.

Психологический стресс у сотрудников МВД: роль опосредующих переменных и практические следствия

Б. Б. Величковский, В. В. Барабанщикова

Введение. Исследования психологического стресса представляют собой одну из наиболее проблемных областей современной психологии. Существенной причиной такого положения дел является сама природа стресса как психологического явления, характеризующегося наличием сложных, реципрокных взаимосвязей между его отдельными компонентами. В комплексном стрессовом переживании трудно отделить зависимые переменные от независимых, само выделение переменных для рассмотрения наталкивается на значительные трудности выбора. Ситуация усугубляется наличием значительного количества опосредующих факторов, которые могут усилить или ослабить системную стрессовую реакцию, и даже обратить её знак на противоположный. Лишь в последнее время

наметилась тенденция к объединению теоретических подходов к психологическому стрессу на базе представлений о стрессе как о динамической транзакции между личностью и средой, в основе которых лежит когнитивно-транзактивная теория стресса Р. Лазаруса.

Центральным для когнитивной теории стресса, как и для когнитивно-транзактивного подхода в целом, являются понятия *транзакции, процесса, оценки и совладания*. Под транзакцией Р. Лазарус и С. Фолкман (Lazarus & Folkman, 1987) понимают эпизод целостного взаимодействия индивида со средой, в котором эти сущности динамически объединяются, приобретая новые, неаддитивными качествами. Транзакция характеризуется как стрессогенная, если требования ситуации превышают возможности индивида. Использо-

ние понятия транзакции препятствует локализации стресса только «внутри» ситуации или «внутри» человека. Понимание стресса требует целостного рассмотрения человека (его мотивов, знаний, установок, особенностей) в контексте конкретной ситуации.

В одной из поздних работ Р. Лазарус определяет стресс как «многомерный процесс (курсив наш - Б. В. и В. Б.), включающий стимулы, реакции и опосредующие процессы» (Lazarus, 1990, с. 4). При реализации стрессового процесса имеющиеся источники стресса (стимулы) приводят к развитию кратковременных и долговременных реакций, но характер и направленность этого влияния определяется действием целого ряда промежуточных, опосредующих переменных. Центральными опосредующими переменными в рамках когнитивно-транзактных теорий стресса считаются первичные когнитивные оценки (анализ трудностей), вторичные когнитивные оценки (анализ ресурсов преодоления) и процессы совладания (копинг-процессы, играющие по отношению к когнитивным оценкам второстепенную роль в детерминации уровня адаптации человека к стрессу).

Помимо когнитивных оценок, зависимость между интенсивностью стрессоров и интенсивностью неблагоприятных последствий стресса (связь «стрессор-стресс») может опосредовываться множеством других переменных, среди которых следует особенно выделить личностные предпосылки и базовые демографические переменные, такие как пол и возраст. Однако, согласно основным положениям когнитивно-транзактного подхода к психологическому стрессу, переменные ког-

нитивных оценок оказывают на связь «стрессор-стресс» значительно более выраженное воздействие, чем любые другие опосредующие факторы. Целью настоящего исследования является эмпирическое сравнение опосредующего влияния когнитивных оценок и основных демографических переменных на материале выборки сотрудников МВД РФ. Анализ основных компонентов стрессового процесса у данного профессионального контингента позволит сформулировать рекомендации по организации профилактики и коррекции стрессовых расстройств.

При изучении стресса особенный интерес представляет анализ лиц, для которых характерно интенсивное переживание стресса в течение длительного времени. В этом случае можно ожидать, что интересующие исследователя связи между источниками стресса и его разноуровневыми проявлениями выступят наиболее рельефно, позволяя четко выделить их на фоне случайных помех. В этих условиях вероятность обнаружения долговременных объективных свидетельств неэффективной адаптации значительно возрастает. Естественный способ получения такой выборки лиц состоит в обращении к профессиям, характеризующимся повышенной уровнем ответственности, сложными условиями труда, возможным риском для жизни и пр. Используемая в настоящем исследовании выборка - сотрудники МВД РФ - представляет собой достаточно гомогенную профессиональную группу, которая в то же время достаточно разнородна относительно базовых демографических показателей. Мы рассмотрели только одну группу профессий, отвечаю-

щих указанному требованию, с целью уменьшения возможности смещения обнаруженных эффектов с (реальной или воспринимаемой) стрессогенностью различных видов профессиональной деятельности.

Когнитивные оценки. По Р. Лазарусу (Lazarus & Folkman, 1987) первичные оценки стрессового типа могут быть подразделены на оценки типа угрозы и вреда/потери. Их наличие может быть диагностировано на основе регистрации выраженности трех сложных эмоциональных комплексов - *тревоги, гнева и депрессии* (Lazarus, 1991; Scherer, 1984). Легко прослеживается, например, связь тревоги с оценками типа угрозы. Вообще, присутствие переживания тревоги в синдроме стресса настолько типично, что концептуальное разведение этих конструктов представляет определенные трудности (Китаев-Смык, 1983). Реакция гнева возникает в ситуации, оцениваемой по типу вреда/потери, причем ответственность за причиненный вред приписывается внешнему агенту (Изард, 1999). Комплекс депрессивных переживаний также порождается в результате воспринимаемого вреда/потери, но в этом случае они приписываются собственной адаптационной неадекватности, а вероятность их спонтанной нейтрализации расценивается как крайне низкая (Изард, 1999).

Значительно труднее найти показатели, адекватно отражающих результат оценки возможностей по совладанию со стрессором. Причина этой трудности заключается в крайне широком выборе потенциально важных ресурсов совладания (Hobfoll, 2001). Вместе с тем, принципиально важным в контек-

сте оценки уровня индивидуальной устойчивости к стрессу представляется обращение к понятию функциональных ресурсов как резервных возможностей организма справиться с затруднениями (Бодров, 2006). Под функциональными ресурсами понимается доступный для актуализации потенциал внутренних средств деятельности, обеспечивающий решение стоящих перед субъектом поведенческих задач (Медведев, 1982). Фундаментальную роль играет уровень «энергетического обеспечения деятельности», понимаемой как *ресурс доступной психофизиологической мобилизации* - в классической трактовке связываемой с понятием уровней активности и бодрствования, а также функциональных состояний человека.

Оценки, порождаемые в ходе развертывания процесса адаптации к стрессу, могут быть отождествлены с определенными *состояниями*. В их возникновении существенную роль играют ситуативные факторы. Другой значимой детерминантой состояний являются, однако, *устойчивые диспозиции*, предрасполагающие к формированию состояний определенного типа. Для когнитивно-аффективных комплексов тревоги, гнева и депрессии тесное переплетение ситуативного и диспозиционного аспекта в настоящее время не вызывает сомнений (Endler, 1997). Конкретно для ресурса психофизиологической мобилизации аналогичное различение аспектов состояния и стабильной черты может заключаться в обращении к конструктам «субъективного комфорта» и «хронического утомления» (Леонова, 1984).

Таким образом, в основу метода оценки индивидуального уровня устой-

чивости к стрессу может быть положена схема, включающая в себя измерения двух типов: с одной стороны, измерения когнитивной оценки жизненных ситуаций, с другой - измерение ресурсов совладания, понятых в широком смысле, в частности, как уровень доступных психофизиологических ресурсов. Данные измерения входят в модель в двух взаимосвязанных формах - диспозиционной и ситуативной, из которых первая описывает тенденцию реагировать на жизненные стрессы определенным образом, а вторая указывает на интенсивность таких реакций.

Методика исследования. Для установления особенностей когнитивных оценок использовался психодиагностический комплекс, состав которого приведен в таблице 1. 3 методики требуются для измерения уровня типичных адаптационных оценок (тревоги, агрессии и депрессии), схваченных в диспозиционном и ситуативном аспектах. Еще 2 методики используются для оценки энергетических ресурсов индивида, также концептуализированных как стабильное свойство и как состоя-

ние. Оценки по отдельным методикам комбинировались в сводный показатель с помощью процедуры факторного анализа. На основании полученных значений сводного показателя были выделены группы обследованных с отрицательными (до 20-го процентиля), нейтральными (20-80-ый процентиль) и положительными (с 80-го процентиля) когнитивными оценками.

Кроме того, у обследованных собирались сведения о количестве и виде стрессоров в личной и профессиональной жизни, а также сведения о выраженности разнообразных последствий стресса. Эти сведения касались соматических последствий стресса (в частности, наличия острых и хронических заболеваний), поведенческих последствий (использования неадаптивных стратегий совладания) и психологических последствий (наличия вызванных стрессом личностных деформаций).

Обследование проводилось в тестном взаимодействии с Кадровым департаментом МВД РФ. Сброшюрованные опросные листы рассылались по региональным управлениям МВД РФ,

Таблица 1

**Состав психодиагностического комплекса
для выявления характера когнитивных оценок**

		Черта	Состояние
Оценка ситуации	1. Тревога	Опросник State-Trait Anxiety Inventory, STAXI (Spielberger, 1972)	
	2. Депрессия	Опросник State-Trait Depression Inventory, STDI (Spielberger, 1988)	
	3. Гнев	Опросник State-Trait Anger Inventory, STAI (Spielberger, 1988)	
Оценка ресурсов	Функциональные ресурсы	Опросник «Хроническое утомление» (Леонова, 1984)	Опросник «Шкала состояний» (Леонова, 1984)

где опрос проводился под наблюдением представителей локальных кадровых служб. Перед проведением опроса участники информировались о том, что собранные сведения не будут иметь каких-либо последствий для их профессиональной деятельности. Заполненные опросные брошюры централизованно пересылались в Кадровый департамент МВД, откуда поступали к авторам для дальнейшей обработки.

Результаты. Всего было обследовано 533 человека, 431 мужчин и 86 женщин, сотрудники МВД различных профессий и должностей из 6 регионов России. Средний возраст обследованных составил 31 год ($SD = 6,7$). Средний стаж трудовой деятельности составил 10,9 лет ($SD = 6,8$). 16,1% обследованных имеют среднее образование, 34,1% - среднее специальное, 9,2% - незаконченное высшее, 40,6% - высшее образование. В целом выборку можно считать достаточно гетерогенной по основным социально-демографическим параметрам, за исключением характерного для данного профессионального контингента преобладания доли мужчин.

Источники стресса и его последствия. Для представителей рассмотренной выборки сотрудников МВД характерно наличие широкого спектра как профессиональных, так и личных стрессоров. Из профессиональных стрессоров наиболее часто встречается стрессор наличия инноваций в организации (11,6% всех наблюдений), относительно часто встречаются также повышение по службе (10,7%), финансовые трудности в организации (10,5%) и смена работы (9%). Значительно реже фиксируются следующие стрессоры:

тяжелый конфликт на рабочем месте (3,2%) и серьезная профессиональная неудача (1,3%). Потеря работы не была зафиксирована ни у одного из опрошенных. Из личных стрессоров наиболее часто встречается стрессор переезд (10,7%), реже - рождение ребенка (6,2%) и свадьба (5,3%), а совсем редко - тяжелый конфликт в семье (3,2%), развод (3,2%), тяжелая болезнь или несчастный случай (1,7%) и смерть близкого человека (4,5%).

Невысокая в целом доля встречаемости отдельных видов стрессоров делает их дифференцированный анализ неоправданным. В этой связи в дальнейшем будут анализироваться общее число стрессоров разных типов. Примерно у половины обследованных (46%) не наблюдалось ни одного стрессора, 35,2% обследованных сообщили о наличии одного стрессора, 15,4% обследованных сообщили о наличии двух стрессоров, 2,4% обследованных сообщили о наличии трех, а 0,8% испытуемых - о наличии четырех стрессоров. Далее данные обследованных с двумя, тремя и четырьмя стрессорами будут рассматриваться совместно.

Косвенные свидетельства соматических последствий стресса встречаются в обследованной выборке не очень часто - не более чем в четверти всех наблюдений. 18,8% обследованных сообщают о наличии у них хронических заболеваний. Для общего количества хронических заболеваний характерно следующее распределение частот: 1 заболевание - 17,7%, 2 заболевания - 4%, 3 заболевания - 0,4%, 4 заболевания - 0,2%. 6,2% обследованных перенесли острое заболевание в течение 6 месяцев, предшествовавших обследованию.

дованию. 25% обследованных обращались в течение этого периода времени за врачебной помощью.

Данные об использовании неадекватных поведенческих стратегий (употребление алкоголя и курение) представляются наиболее сложными для анализа, в силу большой значимости этих вопросов для испытуемых. 55,5% обследованных курят, 84,8% сообщили об употреблении алкоголя. Более информативными представляются данные об интенсивности использования данных стратегий. 7,9% обследованных выкуривают до двух сигарет в день, 24,8% - до 10 сигарет, 19,6% - до 20 сигарет, 3,2% - более 20 сигарет в день. 59,2% испытуемых употребляют алкоголь изредка, 21,1% - не чаще 1 раза в неделю, 5,1% - 2-3 раза в неделю.

Как уже отмечалось, данные по вызванному стрессом личностным деформациям собирались только для части обследованных (N=347). Выборочные средние показателей вызванного стрессом личностных деформаций (типа А поведения и компонентов психологического выгорания - эмоционального истощения, деперсонализации и редукции достижений) ниже нормативных, за исключением среднего показателя редукции достижений (M=56,7), которое, однако, лежит в пределах одного стандартного отклонения от нормативного. Частота встречаемости повышенного по сравнению с нормой уровня типа А поведения составляет 12,6%, эмоционального истощения - 15,2%, деперсонализации - 18,9%, а редукции достижений - 37,8%.

Опосредующие переменные.

Центральное место в когнитивно-тран-

зактных моделях стресса отводится переменным, опосредующим гипотетические связи между наличием стрессоров и негативными проявлениями дистресса. Именно эти переменные определяют, как именно возникающее жизненное затруднение повлияет на соматическое и психологическое благополучие человека. Теоретический анализ позволяет предположить, что наиболее действенными опосредующими переменными являются показатели процессов когнитивных оценок, порождаемых в ходе анализа человеком самой затруднительной ситуации и своих возможностей по её преодолению. Основной задачей настоящего исследования является сопоставление действительности когнитивных оценок и двух демографических переменных - пола и возраста. Как пол, так и возраст является переменной, которая обладает значительным потенциалом по изменению зависимости между интенсивностью стрессоров и выраженностью неблагоприятных последствий стресса. Несомненно, что выявление наиболее значимых опосредующих переменных в стрессовой транзакции имеет большое значение для последующей профилактической и коррекционной работы. Для анализа использовались данные по всем трем типам негативных проявлений стресса - соматическим, поведенческим и психологическим.

На *соматическом уровне* особенный интерес предоставляют данные по наличию/отсутствию хронических заболеваний. Действительно, классические исследования связи «стресс-болезнь» (Holmes & Rahe, 1967) ориентировались на анализ острых заболеваний, так как возникновение хронических за-

болеваний подчинено, помимо стресс-факторов, действию множества других причин, прежде всего факторов образа жизни и генетических факторов. Так как даже для острых заболеваний связь «стресс-болезнь» не является очень выраженной (типичное $r = 0,2..0,4$), то для хронических заболеваний эта связь будет еще менее выраженной. Представляется, что обнаружение опосредующего эффекта рассматриваемых в данной работе переменных на примере такой слабой зависимости будет иметь большее теоретическое значение, чем обнаружение того же эффекта на примере более сильных зависимостей.

Использовался метод дисперсионного анализа с двумя факторами. Первым, постоянным фактором было общее число стрессоров, а вторым фактором была та опосредующая переменная, влияние которой изучалось. Зависимой переменной было общее количество хронических заболеваний, о которых сообщил обследуемый. В случае опосредующей переменной «пол», она одна оказала значимое влияние на зависимую переменную ($F(1,508) = 19,2$; $p < 0,001$). Мужчины в среднем сообщали о меньшем количестве хронических заболеваний, чем женщины на различных уровнях интенсивности стресса. Все остальные эффекты оказались незначимыми ($p > 0,12$). В частности, не была обнаружена зависимость между количеством стрессоров и общим числом хронических заболеваний, хотя значимость фактора «количество стрессоров» почти достигала пороговой ($p = 0,125$). Для опосредующей переменной «возраст» наблюдался такой же характер результатов. Фактор возраста оказал значимое влияние

на зависимую переменную ($F(2,487) = 12,0$; $p < 0,001$), все остальные эффекты оказались незначимыми. Более молодые обследованные устойчиво сообщают о меньшем количестве хронических заболеваний, их количество монотонно растет с возрастом. В случае опосредующей переменной «когнитивные оценки» зависимость «стресс-болезнь» проявилась на высоком уровне значимости ($F(2,474) = 4,3$; $p < 0,02$), также значимым оказался эффект самой опосредующей переменной ($F(2,474) = 18,0$; $p < 0,001$). Взаимодействие факторов оказалось незначимым ($p > 0,3$). Таким образом, хотя с ростом интенсивности стресса количество хронических заболеваний увеличивается, у лиц с положительными оценками затруднительной ситуации и собственных ресурсов совладания на каждом уровне интенсивности стресса их наблюдается меньше, чем у лиц с отрицательными оценками.

На поведенческом уровне интерес представляют данные об интенсивности использования неадекватных стратегий курения и употребления алкоголя. Как показали предыдущие исследования (Величковский, 2007), сам факт курения является плохим показателем интенсивности стресса - курение используется как лицами с высокой, так и лицами с низкой устойчивостью к стрессу. В настоящем исследовании эти данные в целом подтвердились. Было обнаружено значимое влияние опосредующей переменной «пол» ($F(1,507) = 40,1$; $p < 0,001$), причем мужчины курят более интенсивно, чем женщины. Для опосредующей переменной «возраст» не было обнаружено значимых эффектов (все $p > 0,4$). Для опосредующей переменной «когнитивные оценки» вся

модель оказалась незначимой ($p > 0,27$). Таким образом, для этих опосредующих переменных наблюдается отсутствие сколь-нибудь выраженных различий в интенсивности курения на различных уровнях выраженности стресса.

Для интенсивности употребления алкоголя наблюдается более противоречивая картина. В случае опосредующей переменной «пол» обнаруживается её значимое влияние ($F(1,505) = 11,2$; $p < 0,001$) - для мужчин характерно более интенсивное употребление алкоголя независимо от уровня переживаемого стресса; все остальные эффекты оказались незначимыми (все $p > 0,24$). В случае опосредующей переменной «возраст» проявился эффект общего числа стрессоров ($F(2,485) = 5,1$; $p < 0,01$), однако влияние собственно возраста и его взаимодействия с числом стрессоров оказались незначимыми (все $p > 0,33$). В случае опосредующей переменной «когнитивные оценки» все эффекты оказались значимыми. Помимо проявления общей возрастающей зависимости между интенсивностью стресса и интенсивностью употребления алкоголя ($F(2,472) = 6,0$; $p < 0,005$), особенный интерес представляет анализ взаимодействия факторов ($F(4,472) = 2,0$; $p < 0,095$, значимо на уровне тенденции). У лиц с отрицательными когнитивными оценками интенсивность употребления алкоголя растёт с ростом числа стрессоров, а у лиц с нейтральными когнитивными оценками она снижается. Однако у лиц с выражено положительными оценками ситуации и ресурсов интенсивность употребления алкоголя меняет первоначально снижающийся тренд и резко увеличивается при достижении макси-

мального числа испытываемых стрессоров.

На уровне психологических нарушений две типичные личностные деформации, вызываемые стрессом - тип А поведения и синдром психологического выгорания были рассмотрены в качестве зависимых переменных. При рассмотрении типа А поведения для двух опосредующих переменных - пола и возраста - не было обнаружено никаких значимых эффектов (все $p > 0,2$), помимо значимого на уровне тенденции влияния общего числа стрессоров ($F(2,322) = 2,6$; $p = 0,075$) в случае опосредующей переменной пола. Для опосредующей переменной «когнитивные оценки» был обнаружен её значимый эффект ($F(2,298) = 16,2$; $p < 0,001$). Лица с положительными когнитивными оценками ситуаций и ресурсов совладания в меньшей степени подвержены личностной деформации «тип А поведения», что проявляется на всех уровнях переживаемого стресса.

Для зависимой переменной «эмоциональное истощение» и опосредующей переменной «пол» были обнаружены значимые эффекты самой опосредующей переменной ($F(1,316) = 9,2$; $p < 0,005$) и общего числа стрессоров ($F(2,316) = 3,6$; $p < 0,05$). Эмоциональное истощение увеличивается с ростом переживаемого стресса, при этом женщины подвержены эмоциональному истощению в большей степени, нежели мужчины. Взаимодействие факторов оказалось незначимым ($p > 0,85$). Для опосредующей переменной «возраст» не было обнаружено значимых эффектов (все $p > 0,18$; только сама опосредующая переменная оказала влияние, значимое на уровне

тенденции - $p = 0,096$). Для опосредующей переменной «когнитивные оценки» был обнаружен её эффект ($F(2,293) = 143,5; p < 0,001$), а также эффект взаимодействия ($F(4,293) = 2,9; p < 0,05$). Лица с положительными когнитивными оценками в среднем в меньшей степени подвержены эмоциональному истощению, кроме того, у лиц с отрицательными когнитивными оценками зависимость эмоционального истощения от количества переживаемых стрессоров выражено гораздо сильнее, чем у лиц с положительными когнитивными оценками. Собственно эффект общего числа стрессоров оказался незначимым ($p > 0,11$). Графически результаты анализа для зависимой переменной эмоционального истощения и опосредующей переменной когнитивных оценок представлены на рисунке 1.

Для зависимой переменной «деперсонализация» и опосредующей переменной «пол» единственным обнаруженным эффектом оказалось влияние общего числа стрессоров ($F(2,320) = 3,8; p < 0,05$; все остальные $p > 0,48$). Для опосредующей переменной «возраст» не было обнаружено ни одного значимого эффекта (все $p > 0,34$). Для опосредующей переменной «когнитивные оценки» был обнаружен значимый на уровне тенденции эффект общего числа стрессоров ($F(2,298) = 2,5; p = 0,85$), а также значимый эффект самой опосредующей переменной ($F(2,298) = 24,5; p < 0,001$). Лица с положительными когнитивными оценками в значимо мень-

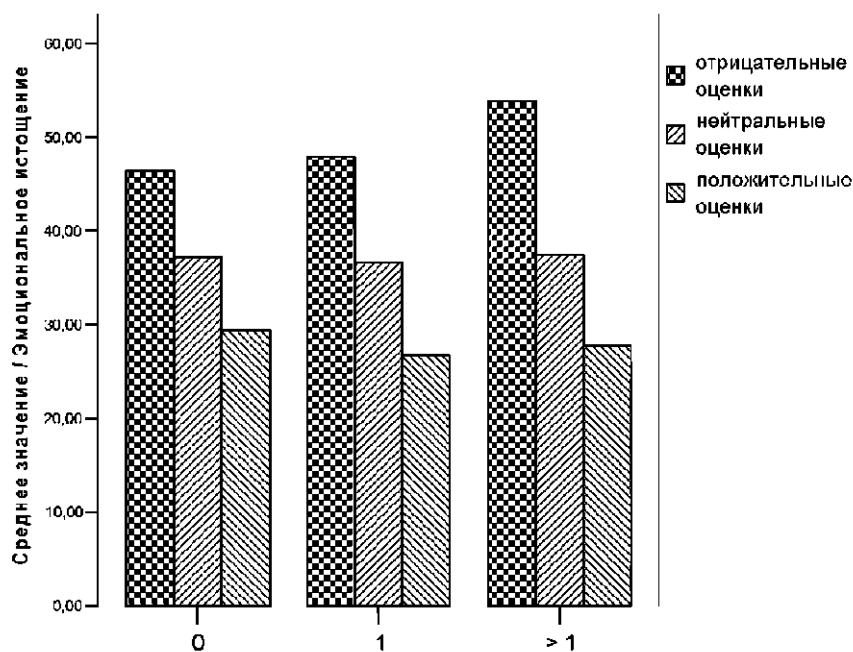

Рис. 1. Зависимость уровня эмоционального истощения от общего количества стрессоров и типа когнитивных оценок.

шей степени подвержены деперсонализации, чем лица с отрицательными когнитивными оценками. Влияние взаимодействия факторов оказалось незначимым ($p > 0,7$).

Для зависимой переменной «редукция достижений» и опосредующей переменной «пол», равно как и для опосредующей переменной «возраст» не было обнаружено ни одного значимого эффекта (все $p > 0,15$). Для опосредующей переменной «когнитивные оценки» был обнаружен значимый эффект самой опосредующей переменной ($F(2,297) = 40,9$; $p < 0,001$). Лица с положительными когнитивными оценками в значимо меньшей степени подвержены редукции собственных достижений, чем лица с отрицательными когнитивными оценками. Все остальные эффекты оказались незначимыми (все $p > 0,2$).

Обсуждение. В сжатом виде результаты проведенного выше анализа эффектов демографических и когнитивных опосредующих переменных приведены в таблице 2. Из таблицы видно, что влияние переменной «пол» обнаруживается чуть более чем в половине случаев. При этом эффекты этой переменной являются значимыми для соматических и поведенческих последствий стресса, и практически не встречаются при анализе негативных последствий стресса на психологическом уровне. Как представляется, такая зависимость значимости эффекта пола от уровня анализа негативных проявлений стресса не является случайной. Пол является одной из наиболее типичных организмических переменных, и в рамках функционирования сложной системы регуляции деятельности человека в сложных условиях влияние этой пере-

менной ограничено именно уровнем организменных реакций (таких, как долговременные соматические нарушения). Проявление влияния пола на уровне поведенческих стратегий может быть связано с тем, что именно употребление психоактивных веществ (табака и алкоголя) напрямую воздействует на соматический уровень регуляции. Из всех рассмотренных психологических показателей влияние пола обнаруживается только для показателя эмоционального истощения - наиболее «физиологически нагруженного» компонента синдрома психического выгорания.

Аналогичный анализ может быть проведен для опосредующей переменной «возраст». Возраст также является типичной организменной переменной, его влияние на общее количество хронических заболеваний представляется очевидным. Нами было установлено отсутствие влияния возраста на уровне поведенческих реакций. Таким образом, одновременное влияние переменной пол на соматический и поведенческий уровень представляется скорее исключительным явлением. Как и в случае переменной «пол», на психологическом уровне переменная «возраст» проявляется (на уровне тенденции) только для показателя эмоционального истощения. При этом повышенный уровень эмоционального истощения именно характерен именно для лиц среднего и пожилого возраста, что свидетельствует о связи этого психологического показателя с общим уровнем физиологического истощения организма.

Опосредующая переменная когнитивных оценок обнаруживает действие практически для всех показателей негативных проявлений стресса.

Таблица 2

**Значимость эффектов опосредующих переменных
в зависимости от изучаемого уровня негативных проявлений стресса
(«+» - значимый эффект, «-» - эффект отсутствует)**

Зависимая переменная	Фактор		
	Пол	Возраст	Когнитивные оценки
Хронические болезни	+	+	+
Интенсивность курения	+	-	-
Интенсивность употребления алкоголя	+	-	±*
Тип А поведения	-	-	+
Эмоциональное истощение	+		+
Деперсонализация	-	-	+
Редукция достижений	-	-	+

*Направление эффекта неоднозначно.
 †Эффект значим на уровне тенденции.

Единственное исключение составляет показатель интенсивности курения, что может частично объясняться значительной подверженностью этого показателя действию лежащих «вне индивида» социо-культурных факторов. Например, курение рассматривается как менее опасная, чем употребление алкоголя, форма преодоления стресса и в значительно меньшей степени порицается социально. В силу этого данные по показателю интенсивности курения следует интерпретировать с большой осторожностью.

Для показателя употребления алкоголя нами были получены противоречивые результаты, не позволяющие сделать однозначных выводов. Для лиц с положительно-нейтральными уровнем когнитивных оценок интенсивность употребления алкоголя монотонно снижается с ростом числа переживаемых стрессоров, однако для лиц с выражено положительным уровнем когнитивных оценок интенсивность употребления

алкоголя сначала снижается, а затем возрастает. В целом однако, эти результаты частично свидетельствуют о влиянии переменной когнитивных оценок и на поведенческом уровне неблагоприятных последствий стресса.

Характерной особенностью опосредующей переменной когнитивных оценок является наличие значимых эффектов этой переменной для всех рассмотренных нами психологических показателей негативных проявлений стресса. Отметим еще раз, что организменные, демографические опосредующие переменные практически не проявляются на этом уровне. Психологический уровень негативных проявлений стресса может быть отождествлен с уровнем личности рамках системы целостной индивидуальности, и доминирование в этом случае эффектов когнитивных оценок также не является случайным.

Таким образом, из полученных данных следуют два вывода, имеющих теоретическое и прикладное значение.

Во-первых, они могут рассматриваться как подтверждение представлений о способности человека успешно преодолевать затруднительные ситуации (стрессоустойчивости) как о системном свойстве, охватывающем всю иерархию уровней индивидуальной организации (Величковский и Марьин, 2007; Фирсов, 1996). Влияние с вышележащих уровней, таких как уровень личности, распространяясь по всей системе «сверху-вниз», обеспечивают возможность гибкой компенсации возникающих в ходе преодоления затруднения нарушений функционирования за счет активизации и перераспределения ресурсов. С другой стороны, неоптимальная организация системы регуляции деятельности в сложных условиях и, прежде всего, негативные личностные установки обладают значительным деструктивным потенциалом и могут осложнить преодоление даже несложных затруднений в относительно простых условиях.

Во-вторых, проведенный анализ позволяет подтвердить предположение о ключевой роли процессов когнитивной оценки затруднительной ситуации и собственных ресурсов человека по её преодолению в опосредовании стрессовых взаимодействий человека и среды. Именно такое предположение делается в доминирующих в настоящее время когнитивно-транзактных моделях стресса. Сложные оценочные процессы во многом определяют, успешно или неуспешно будет развиваться стрессовая реакция. Оценочные процессы имеют не только кратковременный эффект, но и приводят к формированию устойчивых поведенческих стереотипов, что, в свою очередь, определяет характер накопления эффек-

тов дистресса в жизненной перспективе. Таким образом, наличие устойчивой тенденции оценивать затруднительную ситуацию как принципиально преодолимую, а собственные ресурсы преодоления затруднений - как достаточные, позволяет добиться высокого уровня надежности деятельности в сложных профессиональных условиях при сохранении высокой эффективности преодоления возникающих сложностей. Представленные на рис. 1 результаты являются наглядным примером того, что высокий уровень положительных когнитивных оценок обладает потенциалом полностью нейтрализовать негативный эффект, который стресс-факторы оказывают на психологическое и соматическое благополучие человека.

Как показало проведенное исследование, базовые демографические характеристики играют относительно подчиненную роль по сравнению с переменными когнитивных оценок. Демографические переменные находятся на периферии стрессового процесса и оказывают на исход адаптации к стрессу сложноопосредованное влияние. Их влияние, безусловно, должно учитываться при истинно комплексном анализе протекания стрессовых реакций у представителей напряженных видов труда, например, у сотрудников правоохранительных органов. Однако при решении вопросов профессионального отбора, а также профилактики и коррекции стрессовых расстройств основное внимание должно уделяться трем центральным для стрессовой транзакции группам переменных - собственно стрессорам, центральным опосредующим переменным (когнитивным оценкам) и последствиям стресса.

Литература

1. Бодров В. А. Психологический стресс: Развитие и преодоление. М.: ПЕР СЭ, 2006. - 528 с.
2. Величковский Б. Б. Многомерная оценка индивидуальной устойчивости к стрессу / Автореферат дис. ... канд. психол. н. М.: ИПРАН, 2007.
3. Величковский Б. Б., Марьин М. И. Комплексная диагностика индивидуальной устойчивости к стрессу в рамках модели «состояние - устойчивая черта» // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 2007. №2. С. 34-46.
4. Изард К. Е. Психология эмоций / Пер с англ. СПб.: Питер, 1999. - 464 с.
5. Китаев-Смык Л. А. Психология стресса. - М.: Наука, 1983. - 368 с.
6. Леонова А. Б. Психодиагностика функциональных состояний человека. М.: Изд-во МГУ, 1994. - 200 с.
7. Медведев В. И. Классификация поведенческой адаптации // Физиология человека. 1982. Т. 8. № 3. С. 362-347.
8. Фирсов К. В. Психическая надежность летного состава. / Дис. ... канд. психол. наук. М.: МГУ, 1996.
9. Endler N.S. Stress, anxiety, coping: The multidimensional interaction model // Canadian Psychology. 1997. V. 38. P. 136-153.
10. Hobfoll S. E. The influence of culture, community, and the nested-self in the stress process: Advancing Conservation of Resources Theory // Applied Psychology. 2001. V. 50. P. 337-421.
11. Holmes T. H., Rahe R. H. The Social Readjustment Rating Scale // Journal of Psychosomatic Research. 1967. V. 11. P. 213-218.
12. Lazarus R. S. Theory-based stress measurement // Psychological Inquiry. 1990. V. 1. P. 3-13.
13. Lazarus R. S. Progress on a cognitive-motivational-relational theory of emotion // American Psychologist. 1991. V. 46. P. 819-834.
14. Lazarus R. S., Folkman S. Transactional theory and research on emotions and coping // European Journal of Personality. 1987. V. 1. P. 141-169.
15. Scherer K. R. On the nature and function of emotion: a component process approach // Approaches to emotion / Scherer K. R., Ekman P. (Eds.). - Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1984. P. 293-318.
16. Spielberger C. D. Anxiety as an emotional state. // Anxiety: Current trends in theory and research. Vol. 1 / Spielberger C. D. (Ed.). - N.-Y.: Academic Press, 1972. P. 23-49.
17. Spielberger C. D. State-trait anger expression inventory: professional manual. Revised research edition. Odessa, FL: PAR, 1988.

Результаты профессиографического исследования специальностей, на которые проводится обучение в пограничных институтах России

С. Е. Поддубный

Материалы и методы исследования

С целью определения профессионально важных качеств специалистов, подготовка которых производится в пограничных институтах России было проведено исследование, направленное на изучение качеств, влияющих на успешность профессиональной деятельности. Экспертам, из числа ведущих преподавателей, заместителей и начальников выпускающих кафедр, была предложена специально разработанная (С. Е. Поддубный, М. И. Серый,

К. В. Сугоняев,) профессиографическая анкета, содержащая перечень из 64 профессиональных качеств. Степень значимости указанных качеств для успешного выполнения профессиональной деятельности оценивалась по следующей 5 балльной шкале:

1 балл - качество играет отрицательную роль в профессиональной деятельности, оно мешает в работе, препятствует достижению успеха (крайне нежелательное качество);

2 балла - качество незначимо для

Литература

1. Бодров В. А. Психологический стресс: Развитие и преодоление. М.: ПЕР СЭ, 2006. - 528 с.
2. Величковский Б. Б. Многомерная оценка индивидуальной устойчивости к стрессу / Автореферат дис. ... канд. психол. н. М.: ИПРАН, 2007.
3. Величковский Б. Б., Марьин М. И. Комплексная диагностика индивидуальной устойчивости к стрессу в рамках модели «состояние - устойчивая черта» // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 2007. №2. С. 34-46.
4. Изард К. Е. Психология эмоций / Пер с англ. СПб.: Питер, 1999. - 464 с.
5. Китаев-Смык Л. А. Психология стресса. - М.: Наука, 1983. - 368 с.
6. Леонова А. Б. Психодиагностика функциональных состояний человека. М.: Изд-во МГУ, 1994. - 200 с.
7. Медведев В. И. Классификация поведенческой адаптации // Физиология человека. 1982. Т. 8. № 3. С. 362-347.
8. Фирсов К. В. Психическая надежность летного состава. / Дис. ... канд. психол. наук. М.: МГУ, 1996.
9. Endler N.S. Stress, anxiety, coping: The multidimensional interaction model // Canadian Psychology. 1997. V. 38. P. 136-153.
10. Hobfoll S. E. The influence of culture, community and the nested-self in the stress process: Advancing Conservation of Resources Theory // Applied Psychology. 2001. V. 50. P. 337-421.
11. Holmes T. H., Rahe R. H. The Social Readjustment Rating Scale // Journal of Psychosomatic Research. 1967. V. 11. P. 213-218.
12. Lazarus R. S. Theory-based stress measurement // Psychological Inquiry. 1990. V. 1. P. 3-13.
13. Lazarus R. S. Progress on a cognitive-motivational-relational theory of emotion // American Psychologist. 1991. V. 46. P. 819-834.
14. Lazarus R. S., Folkman S. Transactional theory and research on emotions and coping // European Journal of Personality. 1987. V. 1. P. 141-169.
15. Scherer K. R. On the nature and function of emotion: a component process approach // Approaches to emotion / Scherer K. R., Ekman P. (Eds.). - Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1984. P. 293-318.
16. Spielberger C. D. Anxiety as an emotional state. // Anxiety: Current trends in theory and research. Vol. 1 / Spielberger C. D. (Ed.). - N.-Y.: Academic Press, 1972. P. 23-49.
17. Spielberger C. D. State-trait anger expression inventory: professional manual. Revised research edition. Odessa, FL: PAR, 1988.

Результаты профессиографического исследования специальностей, на которые проводится обучение в пограничных институтах России

С. Е. Поддубный

Материалы и методы исследования

С целью определения профессионально важных качеств специалистов, подготовка которых производится в пограничных институтах России было проведено исследование, направленное на изучение качеств, влияющих на успешность профессиональной деятельности. Экспертам, из числа ведущих преподавателей, заместителей и начальников выпускающих кафедр, была предложена специально разработанная (С. Е. Поддубный, М. И. Серый,

К. В. Сугоняев,) профессиографическая анкета, содержащая перечень из 64 профессиональных качеств. Степень значимости указанных качеств для успешного выполнения профессиональной деятельности оценивалась по следующей 5 балльной шкале:

1 балл - качество играет отрицательную роль в профессиональной деятельности, оно мешает в работе, препятствует достижению успеха (крайне нежелательное качество);

2 балла - качество незначимо для

профессиональной деятельности, успех в работе достигается независимо от уровня развития данного качества (нейтральное качество);

3 балла - качество играет незначительную роль в профессиональной деятельности, высокий уровень данного качества может способствовать достижению более высоких результатов деятельности (нейтрально-желательное качество);

4 балла - качество играет значительную роль в профессиональной деятельности, высокий уровень данного качества может способствовать достижению более высоких результатов деятельности, низкий уровень развития данного качества может затруднять достижение профессионального успеха (желательное качество);

5 баллов - качество играет очень важную роль, имеет особое значение для профессиональной деятельности, только при высоком уровне развития данного качества возможно ее эффективное осуществление (крайне необходимое качество).

Изучались следующие основные массовые специальности, по которым осуществляется подготовка в базовых пограничных институтах (условные обозначения):

1. Пограничный контроль (ПК).
2. Оперативно-розыскная деятельность оперативных подразделений пограничных органов (ОРД).
3. Управление служебно-боевой деятельностью подразделений пограничных органов (УСД).
4. Социальный педагог-психолог (СПП).
5. Эксплуатация и применение специальных средств минирования и раз-

минирования (СС).

6. Эксплуатация и ремонт технических средств пограничного контроля (ТС ПК).

7. Эксплуатация и ремонт технических средств охраны государственной границы (ТС ОГ).

Всего была проанализирована 51 анкета, по 5-7 анкет на каждую из указанных выше специальностей. Применялись методы описательной статистики, кластерный и факторный анализ.

**Результаты анализа ПВК
специальностей, по которым
проводится подготовка
в пограничных институтах России**

На основании результатов статистической обработки экспертных оценок по обобщенной выборке (все специальности) составлен рейтинг профессионально-важных качеств исследуемых специальностей (табл.1).

Как видно из табл.1, наиболее высокие экспертные оценки получили:

1. Ценностно-мотивационные характеристики: интерес и любовь к профессии (4,00), стремление к профессиональному совершенствованию (3,373).
2. Особенности характера: принципиальность (3,569), ответственность и добросовестность (3,549); настойчивость в достижении поставленной цели (3,431); дисциплинированность и исполнительность (3,235); следование правовым и нравственным нормам (3,325).
3. Нервно-эмоциональная устойчивость: выдержка, самообладание, самоконтроль (3,314), способность к быстрой перестройке деятельности в связи с изменяющимися условиями (3,157).
4. Особенности когнитивных процессов: способность творчески подходить к

Таблица 1

**Ранжированный список профессионально-важных качеств
для всех специальностей, по которым производится подготовка
в пограничных институтах**

Наименования качеств (их порядковые номера по анкете)	Средние значения	Станд. отклонения	Ранги
Интерес и любовь к профессии, выполняемой деятельности (1)	3,588	0,572	1
Принципиальность в вопросах, касающихся профессиональной деятельности(61)	3,569	0,539	2
Ответственность и добросовестность(62)	3,549	0,61	3
Настойчивость в достижении поставленной цели (59)	3,431	0,64	4
Стремление к профессиональному совершенствованию (5)	3,373	0,599	5
Выдержка, самообладание и развитый самоконтроль эмоций (58)	3,314	0,735	6
Следование правовым и нравственным нормам (60)	3,235	0,79	7,5
Дисциплинированность и исполнительность (4)	3,235	0,651	7,5
Способность к быстрой перестройке деятельности в связи с изменяющимися условиями (57)	3,157	0,612	10
Способность рационально планировать свое время и организовывать его (5)	3,157	0,784	10
Способность выявлять взаимосвязи и закономерности в фактах и событиях, различать причины и следствия, делать логические умозаключения (17)	3,157	0,857	10
Способность к обучению и воспитанию людей (6)	3,118	0,791	12,5
Способность работать самостоятельно (11)	3,118	0,816	12,5
Мотивация к профессиональным достижениям (3)	3,098	0,7	14
Способность к руководству людьми (7)	3,059	0,785	15,5
Способность к выделению существенного в информационных потоках (15)	3,059	0,835	15,5
Способность творчески подходить к решению проблем, проявлять разумную инициативу (13)	3,039	0,799	17
Способность сохранять высокую работоспособность в условиях действия неблагоприятных факторов (38)	2,98	0,707	18
Способность к четкому и понятному изложению информации в устной форме (18)	2,961	0,894	19
Способность к обобщению различных фактов, нахождению общности между ними (16)	2,941	0,904	20

решению проблем (3,039); способность выявлять взаимосвязи и закономерности в фактах и событиях, различать причины и следствия, делать логические умозаключения (3,157); способность к

выделению существенного в информационных потоках (3,059).

С целью выявления специфических требований к кандидатам на конкретные специальности проведена статис-

Таблица 2

**Ранжированный список профессионально-важных качеств для специальности
«Эксплуатация и применение специальных средств»**

Наименования качеств	Средние значения	Станд. отклонения	Ранги
1	2	3	4
Технические способности	4,000	0,000	1
Интерес и любовь к профессии, выполняемой деятельности	3,800	0,447	3,5
Дисциплинированность и исполнительность	3,800	0,447	3,5
Способность работать самостоятельно	3,800	0,447	3,5
Способность к предвосхищению ситуаций и событий	3,800	0,447	3,5
Мотивация к профессиональным достижениям	3,600	0,548	8,5
Способность выявлять взаимосвязи и закономерности в фактах и событиях, различать причины и следствия, делать логические умозаключения	3,600	0,548	9
Память на местность, обстановку и ее элементы	3,600	0,548	9
Способность не обращать внимание на помехи, не отвлекаться при работе, наблюдении за объектом	3,600	0,548	9
Выдержка, самообладание и развитый самоконтроль эмоций	3,600	0,548	9
Принципиальность в вопросах, касающихся профессиональной деятельности	3,600	0,548	9
Оптимизм, позитивное принятие мира	3,600	0,548	9
Стремление к профессиональному совершенствованию	3,400	0,548	16,6
Память на лица, внешность и поведение людей	3,400	0,548	16,5
Способность ориентироваться на местности	3,400	0,548	16,5
Высокая работоспособность в условиях монотонной и однообразной деятельности	3,400	0,894	16,5
Способность быстро и точно выполнять мелкие действия с помощью пальцев рук	3,400	0,548	16,5
Способность быстро и точно реагировать на сигналы различных модальностей и их сочетания	3,400	0,548	16,5
Способность к быстрой перестройке деятельности в связи с изменяющимися условиями	3,400	0,548	16,5
Настойчивость в достижении поставленной цели	3,400	0,548	16,5

тическая обработка экспертных оценок по каждой специальности. В частности, на основе анализа данных экспертного опроса составлен рейтинг профессионально-важных качеств по специальности «Эксплуатация и применение специальных средств» (табл. 2).

Наибольшее значение для успешной деятельности по специальности «Эксплуатация и применение специальных средств» имеют следующие качества (табл. 2):

1. Технические способности (4,000).

Таблица 3
Ранжированный список профессионально-важных качеств для специальности
«Эксплуатация и ремонт технических средств пограничного контроля»

Наименования качеств	Средние значения	Станд. отклонения	Ранги
Принципиальность в вопросах, касающихся профессиональной деятельности(61)	4,000	0,000	1
Стремление к профессиональному совершенствованию (2)	3,833	0,408	2,5
Настойчивость в достижении поставленной цели (59)	3,833	0,408	2,5
Следование правовым и нравственным нормам (60)	3,667	0,516	4,5
Ответственность и добросовестность(62)	3,667	0,516	4,5
Интерес и любовь к профессии, выполняемой деятельности (1)	3,500	0,548	7,5
Мотивация к профессиональным достижениям (3)	3,500	0,548	7,5
Способность работать самостоятельно (11)	3,500	0,837	7,5
Технические способности(32)	3,500	0,548	7,5
Способность рационально планировать свое время и организовать его (5)	3,333	0,516	11
Способность к быстрой перестройке деятельности в связи с изменяющимися условиями (57)	3,333	0,516	11
Способность к выделению существенного в информационных потоках (15)	3,333	0,816	11
Большой объем долговременной памяти (26)	3,167	0,753	15
Выдержка, самообладание и развитый самоконтроль эмоций (58)	3,167	0,983	15
Оптимизм, позитивное принятие мира (63)		0,753	15
Способность выявлять взаимосвязи и закономерности в фактах и событиях, различать причины и следствия, делать логические умозаключения (17)	3,167	0,408	15
Большой объем оперативной памяти (27)	3,167	0,408	15
Дисциплинированность и исполнительность (4)	3,000	0,632	19
Способность к обучению и воспитанию людей (6)	3,000	0,632	19
Способность работать в составе группы (10)	3,000	1,095	19

2. Ценностно-мотивационные характеристики - интерес и любовь к профессии, выполняемой деятельности (3,800).

3. Особенности когнитивных процессов: способность к предвосхищению ситуаций и событий (3,800); способность выявлять взаимосвязи и закономерности в фактах и событиях, различать причины и следствия, делать

логические умозаключения (3,600); память на местность, обстановку и ее элементы (3,600); способность не обращать внимание на помехи, не отвлекаться при работе, наблюдении за объектом (3,600).

4. Социально-психологическая зрелость - самостоятельность (3,800).

В результате обработки данных эк-

Таблица 4

Ранжированный список профессионально-важных качеств для специальности «Эксплуатация и ремонт технических средств охраны государственной границы»

Наименования качеств	Средние значения	Станд. отклонения	Ранги
Технические способности(32)	4,000	0,000	1
Способность творчески подходить к решению проблем, проявлять разумную инициативу (13)	3,571	0,535	3,5
Математические способности (33)	3,571	0,535	3,5
Принципиальность в вопросах, касающихся профессиональной деятельности(61)	3,571	0,535	3,5
Ответственность и добросовестность (62)	3,571	0,787	3,5
Стремление к профессиональному совершенствованию (2)	3,286	0,488	6,5
Настойчивость в достижении поставленной цели (59)	3,286	0,756	6,5
Интерес и любовь к профессии, выполняемой деятельности (1)	3,000	0,577	9
Способность рационально планировать свое время и организовывать его (5)	3,000	0,816	9
Способность сохранять высокую работоспособность в условиях действия неблагоприятных факторов (38)	3,000	0,577	9
Способность к руководству людьми (7)	2,857	1,069	11,5
Способность к быстрой перестройке деятельности в связи с изменяющимися условиями (57)	2,857	0,378	11,5
Способность к обучению и воспитанию людей (6)	2,714	0,951	15,5
Способность работать самостоятельно (11)	2,714	1,113	15,5
Способность к выделению существенного в информационных потоках (15)	2,714	0,951	15,5
Способность выявлять взаимосвязи и закономерности в фактах и событиях, различать причины и следствия, делать логические умозаключения (17)	2,714	1,380	15,5
Способность к четкому и понятному изложению информации в письменной форме (19)	2,714	0,756	15,5
Способность одновременно выполнять несколько видов деятельности (56)	2,714	0,488	15,5
Мотивация к профессиональным достижениям (3)	2,571	0,787	19,5
Дисциплинированность и исполнительность (4)	2,571	0,787	19,5

спертного опроса составлен рейтинг профессионально-важных качеств по специальности «Эксплуатации и ремонт технических средств пограничного контроля» (табл. 3)

Согласно данным, представленным в табл. 5.3, можно сделать вывод, что

наибольшее влияние на эффективность деятельности по специальности «Эксплуатация и ремонт технических средств пограничного контроля» оказывают такие качества как: принципиальность в вопросах, касающихся профессиональной деятельности (4,00);

Таблица 5
Ранжированный список профессионально-важных качеств для специальности
«Оперативно-розыскная деятельность»

Наименования качеств	Средние значения	Станд. отклонения	Ранги
Интерес и любовь к профессии, выполняемой деятельности (1)	3,900	0,316	1
Принципиальность в вопросах, касающихся профессиональной деятельности (61)	3,800	0,422	2,5
Ответственность и добросовестность(62)	3,800	0,422	2,5
Дисциплинированность и исполнительность (4)	3,700	0,483	4,5
Следование правовым и нравственным нормам (60)	3,700	0,483	4,5
Способность рационально планировать свое время и организовывать его (5)	3,600	0,516	7
Способность к обобщению различных фактов, нахождению общности между ними (16)	3,600	0,516	7
Способность выявлять взаимосвязи и закономерности в фактах и событиях, различать причины и следствия, делать логические умозаключения (17)	3,600	0,516	7
Способность к выделению существенного в информационных потоках (15)	3,500	0,527	9,5
Настойчивость в достижении поставленной цели (59)	3,500	0,850	9,5
Способность к быстрой перестройке деятельности в связи с изменяющимися условиями (57)	3,400	0,516	11,5
Выдержка, самообладание и развитый самоконтроль эмоций (58)	3,400	0,516	11,5
Способность к четкому и понятному изложению информации в устной форме (18)	3,300	0,483	13
Стремление к профессиональному совершенствованию (2)	3,200	0,422	16,5
Способность к обучению и воспитанию людей (6)	3,200	0,789	16,5
Способность работать самостоятельно (11)	3,200	0,632	16,5
Способность творчески подходить к решению проблем, проявлять разумную инициативу (13)	3,200	0,422	16,5
Словарный запас и эрудиция (14)	3,200	0,789	16,5
Способность к четкому и понятному изложению информации в письменной форме (19)	3,200	0,422	16,5
Способность не обращать внимание на помехи, не отвлекаться при работе, наблюдении за объектом (2)	3,200	0,632	16,5

стремление к профессиональному совершенствованию (3,833); мотивация к профессиональным достижениям (3,500); способность работать самостоятельно (3,500); технические способности (3,500); большой объем дол-

говременной памяти (3,167); большой объем оперативной памяти (3,167).

Рейтинг профессионально-важных качеств по специальности «Эксплуатация и ремонт технических средств охраны государственной границы» пред-

Таблица 6
Ранжированный список профессионально-важных качеств для специальности
«Социальный педагог-психолог»

Наименования качеств	Средние значения	Станд. отклонения	Ранги
Интерес и любовь к профессии, выполняемой деятельности (1)	3,700	0,483	2,5
Выдержка, самообладание и развитый самоконтроль эмоций (58)	3,700	0,675	2,5
Следование правовым и нравственным нормам (60)	3,700	0,675	2,5
Ответственность и добросовестность (62)	3,700	0,483	2,5
Стремление к профессиональному совершенствованию (2)	3,600	0,699	6,5
Способность к обучению и воспитанию людей (6)	3,600	0,516	6,5
Принципиальность в вопросах, касающихся профессиональной деятельности(61)	3,600	0,516	6,5
Оптимизм, позитивное принятие мира (63)	3,600	0,699	6,5
Настойчивость в достижении поставленной цели (59)	3,400	0,516	9
Способность выявлять взаимосвязи и закономерности в фактах и событиях, различать причины и следствия, делать логические умозаключения (17)	3,300	0,823	10
Способность к четкому и понятному изложению информации в устной форме (18)	3,200	1,229	14,5
Мотивация к профессиональным достижениям (3)	3,200	0,632	14,5
Дисциплинированность и исполнительность (4)	3,200	0,422	14,5
Способность рационально планировать свое время и организовывать его(5)	3,200	0,789	14,5
Способность к руководству людьми (7)	3,200	0,919	14,5
Способность быстро входить в контакт с незнакомыми людьми, вызывать у них доверие (9)	3,200	0,632	14,5
Способность к быстрой перестройке деятельности в связи с изменяющимися условиями (57)	3,200	0,919	14,5
Способность работать самостоятельно (11)	3,200	0,789	14,5
Чувство юмора (64)	3,200	0,789	14,5
Способность сохранять высокую работоспособность в условиях действия неблагоприятных факторов (38)	3,100	0,876	20

ставлен в табл. 4.

Специальность «Эксплуатация и ремонт технических средств охраны государственной границы» предполагает работу с техническими средствами, умение самостоятельно принимать решения, наличие технических и математических способностей. Это под-

тверждается данными, представленными в табл. 4: технические способности (4,00); способность творчески подходить к решению проблем, проявлять разумную инициативу (3,571); математические способности (3,571); принципиальность в вопросах, касающихся профессиональной деятельности

Таблица 7
Ранжированный список профессионально-важных качеств для специальности
«Пограничный контроль»

Наименования качеств	Средние значения	Станд. отклонения	Ранги
Интерес и любовь к профессии, выполняемой деятельности (1)	3,667	0,516	1
Ответственность и добросовестность(62)	3,333	0,516	2,5
Выдержка, самообладание и развитый самоконтроль эмоций (58)	3,333	0,816	2,5
Дисциплинированность и исполнительность (4)	3,167	0,408	5
Способность к руководству людьми (7)	3,167	0,408	5
Принципиальность в вопросах, касающихся профессиональной деятельности (61)	3,167	0,408	5
Настойчивость в достижении поставленной цели (59)	3,000	0,632	7,5
Чувство юмора (64)	3,000	0,000	7,5
Стремление к профессиональному совершенствованию (2)	2,833	0,408	9
Мотивация к профессиональным достижениям (3)	2,833	0,408	10
Способность рационально планировать свое время и организовывать его (5)	2,833	0,408	14,5
Способность к обучению и воспитанию людей (6)	2,833	0,408	14,5
Способность работать самостоятельно (11)	2,833	0,408	14,5
Память на лица, внешность и поведение людей (25)	2,833	0,408	14,5
Способность одновременно выполнять несколько видов деятельности (56)	2,833	0,408	14,5
Способность к быстрой перестройке деятельности в связи с изменяющимися условиями (57)	2,833	0,408	14,5
Оптимизм, позитивное принятие мира (63)	2,833	0,753	14,5
Следование правовым и нравственным нормам (60)	2,833	0,753	14,5
Способность к различению цветов (46)	2,667	0,516	19
Тактичность(8)	2,500	0,837	20

(3,571); настойчивость в достижении поставленной цели (3,286); способность к выделению существенного в информационных потоках (2,714); способность к четкому и понятному изложению информации в письменной форме (2,714); способность одновременно выполнять несколько видов деятельности (2,714).

Рейтинг профессионально-важных качеств по специальности «Оператив-

но-розыскная деятельность» представлен в табл. 5.

Успешность проведения оперативно-розыскной деятельности оперативных подразделений пограничных органов, основу которой составляют переработка и анализ информации, установление межличностных контактов, в первую очередь зависит от уровня следующих ПВК: интерес и любовь к профессии, выполняемой деятельнос-

Таблица 8
Ранжированный список профессионально-важных качеств для специальности
«Управление служебно-боевой деятельностью»

Наименования качеств	Средние значения	Станд. отклонения	Ранги
Дисциплинированность и исполнительность (4)	3,250	0,957	2
Способность творчески подходить к решению проблем, проявлять разумную инициативу (13)	3,250	0,957	2
Настойчивость в достижении поставленной цели (59)	3,250	0,500	2
Интерес и любовь к профессии, выполняемой деятельности (1)	3,000	0,816	8,5
Стремление к профессиональному совершенствованию (2)	3,000	0,816	8,5
Способность к обучению и воспитанию людей (6)	3,000	0,816	8,5
Способность к руководству людьми (7)	3,000	0,816	8,5
Способность к выделению существенного в информационных потоках (15)	3,000	0,816	8,5
Способность к обобщению различных фактов, нахождению общности между ними (16)	3,000	0,816	8,5
Критичность к поступающей информации, способность к определению ее достоверности (20)	3,000	0,816	8,5
Способность к различению цветов (46)	3,000	0,816	8,5
Выдержка, самообладание и развитый самоконтроль эмоций (58)	3,000	0,816	8,5
Оптимизм, позитивное принятие мира (63)	3,000	0,000	8,5
Мотивация к профессиональным достижениям (3)	2,750	0,957	17
Способность быстро входить в контакт с незнакомыми людьми, вызывать у них доверие (9)	2,750	0,500	17
Способность работать в составе группы (10)	2,750	0,500	17
Способность распознавать эмоциональные состояния и мотивы поведения людей (12)	2,750	0,500	17
Словарный запас и эрудиция (14)	2,750	0,500	17
Способность к четкому и понятному изложению информации в устной форме (17)	2,750	0,500	17
Способность к четкому и понятному изложению информации в письменной форме (18)	2,750	0,500	17

ти (3,900); принципиальность в вопросах, касающихся профессиональной деятельности (3,800); дисциплинированность и исполнительность (3,700); способность к обобщению различных фактов, нахождению общности между ними (3,600); способность выявлять взаимосвязи и закономерности в фак-

тах и событиях, различать причины и следствия, делать логические умозаключения (3,600); способность к выделению существенного в информационных потоках (3,500); способность к четкому и понятному изложению информации в устной форме (3,300); словарный запас и эрудиция (3,200).

Рейтинг профессионально-важных качеств по специальности «Социальный педагог-психолог» представлен в табл. 6.

Деятельность педагогов-психологов связана с умением устанавливать межличностные контакты, способностью быстро находить творческие решения задач, переработкой большого объема информации.

Данные, приведенные в табл. 6, указывают, что преобладающее влияние на успешность деятельности педагогов-психологов оказывают следующие качества: интерес и любовь к профессии, выполняемой деятельности (3,900); выдержка, самообладание и развитый самоконтроль эмоций (3,700); стремление к профессиональному совершенствованию (3,600); способность сохранять высокую работоспособность в условиях действия неблагоприятных факторов (3,100); способность работать самостоятельно (3,200); способность выявлять взаимосвязи и закономерности в фактах и событиях, различать причины и следствия, делать логические умозаключения (3,300); способность к четкому и понятному изложению информации в устной форме (3,200).

Рейтинг профессионально-важных качеств по специальности «Пограничный контроль» представлен в табл. 7.

На эффективность деятельности специалистов пограничного контроля в первую очередь оказывают такие качества как: любовь к профессии, выполняемой деятельности (3,667); выдержка, самообладание и развитый самоконтроль эмоций (3,333); дисциплинированность и исполнительность (3,167); память на лица, вне-

шность и поведение людей (2,833); способность к различению цветов (2,500); способность работать самостоятельно (2,833) (табл. 5.7). Рейтинг профессионально-важных качеств по специальности «Управление служебно-боевой деятельностью» представлен в табл. 8.

В основе управления служебно-боевой деятельностью лежит установление межличностных контактов, переработка и анализ информации, умение принимать самостоятельные решения. Как необходимые условия эффективного управления служебно-боевой деятельностью эксперты выделяют, в первую очередь, следующие качества: дисциплинированность и исполнительность (3,250); способность творчески подходить к решению проблем, проявлять разумную инициативу (3,250); способность к выделению существенного в информационных потоках (3,000); критичность к поступающей информации, способность к определению ее достоверности (3,000); способность работать в составе группы (2,750); словарный запас и эрудиция (2,750); способность распознавать эмоциональные состояния и мотивы поведения людей (2,750).

Классификация специальностей, по которым производится подготовка в пограничных институтах России

Для классификации специальностей были рассчитаны средние значения ПВК по каждой специальности и проведен иерархический кластерный анализ. Исследовались 7 специальностей. По результатам анализа были выделены следующие кластеры специальностей:

1. Эксплуатация и применение специальных средств (СС).

2. Группа эксплуатационно-технических специальностей:

- эксплуатация и ремонт технических средств пограничного контроля (ТС ПК);

- эксплуатация и ремонт технических средств охраны государственной границы (ТС ОГ).

3. Группа специальностей оперативно-поискового типа:

- оперативно-розыскная деятельности оперативных подразделений пограничных органов (ОРД);

- пограничный контроль (ПК).

4. Группа коммуникативных специальностей:

- управление служебно-боевой деятельностью подразделений пограничных органов (УСД);

социальный педагог-психолог (СПП).

В отдельный кластер выделилась специальность по эксплуатации и применению специальных средств. Особенность данной специальности заключается в том, что наряду с техническими знаниями и способностями, немаловажное значение играет способность работать самостоятельно, умение предвосхищать ситуацию и события, хорошо развитая память на лица, внешность и поведение людей, способность ориентироваться на местности, способность не обращать внимания на помехи, не отвлекаться в процессе деятельности, наблюдения за объектом.

Во второй кластер объединились специальность по эксплуатации и ремонту технических средств пограничного контроля и специальность по эксплуатации и ремонту технических средств

охраны государственной границы. Для них значимыми являются такие качества как способность работать самостоятельно, способность рационально планировать свое время и организовывать его, способность к вычленению существенного в информационном потоке, способность выявлять взаимосвязи и закономерности в фактах и событиях, различать причины и следствия, делать логичные умозаключения.

В третий кластер вошли специальности оперативно-розыскная деятельность оперативных подразделений пограничных органов и пограничный контроль. Значимыми ПКВ для данной области являются способность к обучению и воспитанию людей, стремление к профессиональному совершенствованию, способность творчески подходить к решению проблем, проявлять разумную инициативу, умение обобщать различные факты и находить общности между ними, способность четко и понятно излагать информацию, как в устной так и в письменной форме.

Специальности управление служебно-боевой деятельностью подразделений пограничных органов и социальный педагог-психолог составляют четвертый кластер. Основными ПКВ для данной группы являются высокий уровень самообладания и развитый самоконтроль эмоций, ответственность и добросовестность, принципиальность в вопросах касающихся профессиональной деятельности, настойчивость в достижении поставленной цели, тактичность, способность работать самостоятельно, мотивация к профессиональным достижениям.

Результаты факторного анализа ПВК

С целью определения основных констелляций ПВК был осуществлен фак-

торный анализ, результаты которого представлены в табл. 9 (выделены факторные нагрузки, превышающие значение 0,5).

Таблица 9

Результаты факторного анализа ПВК

Качество	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5	Фактор 6	Фактор 7
Способность к обучению и воспитанию людей	0,02	0,11	-0,03	0,68	-0,06	-0,02	0,48
Способность работать в составе группы	0,07	0,37	0,18	0,22	0,17	0,53	0,03
Способность работать самостоятельно	0,43	0,05	0,09	-0,00	-0,06	0,60	0,09
Способность распознавать эмоциональные состояния и мотивы поведения людей	0,77	0,02	0,17	0,24	-0,33	0,01	0,06
Способность творчески подходить к решению проблем, проявлять разумную инициативу	0,09	-0,14	0,63	0,01	0,20	0,23	0,10
Способность к вычлениению существенного в информационных потоках	0,24	-0,06	0,72	0,26	0,08	-0,08	0,10
Способность к обобщению различных фактов, нахождению общности между ними	0,38	0,08	0,72	0,17	-0,07	0,10	-0,11
Способность выявлять взаимосвязи и закономерности в фактах и событиях, различать причины и следствия, делать логические умозаключения	0,23	-0,04	0,68	0,02	0,00	0,33	-0,13
Способность к предвосхищению ситуаций и событий	0,69	-0,02	0,12	-0,00	-0,01	0,26	0,03
Память на слова, текст, речевые сообщения	0,76	0,16	0,31	0,10	0,02	-0,13	0,34
Память на числа, знаки символы	0,61	0,22	0,41	-0,03	0,29	-0,09	0,11

Прикладные и экспериментальные исследования

Память на лица, внешность и поведение людей	0,75	0,21	-0,009	0,20	-0,12	0,10	-0,04
Большой объем долговременной памяти	0,63	0,02	0,33	0,04	0,37	0,01	0,05
Большой объем оперативной памяти	0,63	0,04	0,27	0,09	0,38	0,20	0,08
Способность быстро переключать внимание с одного объекта на другой	0,74	0,02	0,26	0,16	0,07	0,04	0,17
Способность ориентироваться на местности	0,37	0,63	0,203	0,19	0,31	0,09	-0,08
Технические способности	-0,19	0,29	0,06	-0,24	0,74	0,17	0,10
Математические способности	-0,18	0,34	0,28	-0,03	0,71	0,00	-0,06
Способность к перевоплощению	0,76	-0,08	-0,06	0,26	-0,03	-0,24	0,15
Двигательная ловкость, координированность движений большой амплитуды	0,31	0,79	-0,08	0,05	0,17	0,06	0,01
Способность быстро и точно выполнять мелкие действия с помощью пальцев рук	0,22	0,64	0,00	-0,32	0,27	0,15	0,01
Способность к различению силы и длительности зрительного сигнала	0,13	0,73	-0,17	-0,11	0,30	0,04	0,29
Способность к правильной глазомерной оценке величин предметов	-0,00	0,83	-0,00	0,03	0,12	0,09	0,28
Способность к оценке скорости и направления движения объекта	-0,05	0,82	0,15	-0,03	0,19	-0,08	0,17
Способность к различению цветов	-0,10	0,81	0,04	0,15	0,00	0,01	-0,13
Способность к узнаванию и различию формы фигуры	-0,01	0,85	0,08	0,00	-0,08	0,09	-0,03
Способность к различению величин углов	-0,03	0,86	0,09	-0,00	0,15	0,09	-0,00
Способность к обнаружению и различению тихих и недостаточно четких звуков	0,04	0,86	-0,09	0,00	0,08	0,16	-0,05

Способность к быстрому определению направления на источник звука	0,11	0,87	-0,03	-0,12	-0,02	0,21	-0,08
Способность к узнаванию и различению звуковых ритмов	0,08	0,86	-0,19	0,02	0,03	-0,09	0,11
Способность к различению звуковых раздражителей по громкости, тону и тембру.	0,15	0,84	-0,10	0,06	0,071	0,01	-0,09
Способность к обнаружению и различению вибраций	-0,008	0,79	0,00	-0,07	0,049	-0,14	0,09
Способность к быстрой и точной оценке и сравнению временных интервалов	0,05	0,80	0,09	-0,01	0,036	-0,10	0,28
Способность одновременно отслеживать несколько сигналов	0,22	0,10	-0,10	0,09	0,212	-0,05	0,73
Следование правовым и нравственным нормам	0,31	-0,07	0,33	0,66	-0,035	0,06	0,22
Оптимизм, позитивное принятие мира	0,10	-0,07	0,20	0,76	-0,113	-0,01	0,02

Полученный семифакторный вариант решения объясняет более 67 % дисперсии переменных.

В *первый фактор* вошли следующие качества:

а) мнемические особенности: память на слова, текст, речевые сообщения; память на числа, знаки символы; память на лица, внешность и поведение людей; объем долговременной памяти; объем оперативной памяти;

б) способность распознавать эмоциональные состояния и мотивы поведения людей;

в) способность к предвосхищению ситуаций и событий;

г) способность быстро переключать внимание с одного объекта на другой;

д) артистические способности.

Данный фактор может быть интерпретирован как фактор социального интеллекта (умение прогнозировать поведение людей и развитие ситуаций, опыт, сохранение в памяти большого количества рациональных способов действий, оптимальное распределение сил и внимания).

Во *второй фактор* вошли такие качества как: способность ориентироваться на местности; сенсорно-моторные особенности: двигательная ловкость, координированность движений большой амплитуды (руками, ногами, туловищем); способность быстро и точно выполнять мелкие действия с помощью пальцев рук; способность к различению силы и длительности зрительного сигнала; способность к пра-

вильной глазомерной оценке величин предметов; способность к оценке скорости и направления движения объекта; способность к различению цветов; способность к узнаванию и различию формы фигуры; способность к различению величин углов; способность к обнаружению и различению тихих и недостаточно четких звуков; способность к быстрому определению направления на источник звука; способность к узнаванию и различению звуковых ритмов; способность к различению звуковых раздражителей по громкости, тону и тембру; способность к обнаружению и различению вибраций; способность к быстрой и точной оценке и сравнению временных интервалов.

На наш взгляд, данный фактор может быть интерпретирован как праксический.

Третий фактор включает в себя такие качества как: способность творчески подходить к решению проблем, проявлять разумную инициативу; способность к вычленению существенного в информационных потоках; способность к обобщению различных фактов, нахождению общности между ними; способность выявлять взаимосвязи и

закономерности в фактах и событиях, различать причины и следствия, делать логические умозаключения. Состав фактора позволяет интерпретировать его как фактор интеллектуально-креативных способностей.

Четвертый фактор объединяет следующие качества: способность к обучению и воспитанию людей; следование правовым и нравственным нормам; оптимизм, позитивное принятие мира, что можно трактовать, в целом, как организаторско-педагогические способности.

В *пятый фактор*, достаточно однородный по своей природе, вошли технические и математические способности, что соответствует фактору невербального интеллекта.

В *шестой фактор* с позитивными нагрузками, вошли способность работать самостоятельно и способность работать в составе группы. Этот фактор получил условное название самостоятельность.

Седьмой фактор, условно обозначенный как мультиактивность, образован преимущественно способностью одновременно отслеживать несколько объектов одновременно.

Изучение общепрофессиональных качеств сотрудников спецподразделений по конвоированию и подразделений охраны уголовно-исполнительной системы на основе экспертной оценки

Б. Г. Бовин, А. В. Кокурин, Д. А. Красов

В 2005-2007 гг. Научно-исследовательским институтом ФСИН России совместно с практическими психологами УИС в рамках темы «Психологическое сопровождение сотрудников ФСИН России в экстремальных условиях деятельности» было проведено исследование в управлениях (отделах) по конвоированию и отделах охраны ИУ и СИЗО уголовно-исполнительной системы России.

Для проведения такого исследования НИИ ФСИН России направил в 25 территориальных органов УИС¹ анкету, направленную на оценку экспертами общепрофессиональных качеств, которыми в той или иной степени обладают сотрудники вышеуказанных подразделений².

Анкета содержала семьдесят качеств, разделенных на семь групп:

1. Физическое развитие
2. Умственные способности
3. Отношение к работе
4. Нравственные качества
5. Характерные черты
6. Лидерские качества
7. Отношение к людям

Экспертам надлежало дать оценку профессиональных качеств и характеристик сотрудников своего подразделения.

В каждой из семи групп руководитель оценивал только те качества конкретного сотрудника, в которых он не сомневался.

Оценка 7 означала яркую выраженность качества; 4 - средний уровень; 1 - слабую выраженность; остальные оценки отражали промежуточные уровни (6 и 5 - выше среднего; 3 и 2 - ниже среднего).

Пример:

Физическое развитие

Спортивный	7	6	5	4	3	2	1
Физически сильный	7	6	5	4	3	2	1
Выносливый	7	6	5	4	3	2	1
Здоровый	7	6	5	4	3	2	1
Активный	7	6	5	4	3	2	1
Бодрый	7	6	5	4	3	2	1
Энергичный	7	6	5	4	3	2	1
Быстрый	7	6	5	4	3	2	1
Ловкий	7	6	5	4	3	2	1
Подтянутый	7	6	5	4	3	2	1

Изучение общепрофессиональных качеств сотрудников спецподразделений по конвоированию и подразделений охраны уголовно-исполнительной системы на основе экспертной оценки

Б. Г. Бовин, А. В. Кокурин, Д. А. Красов

В 2005-2007 гг. Научно-исследовательским институтом ФСИН России совместно с практическими психологами УИС в рамках темы «Психологическое сопровождение сотрудников ФСИН России в экстремальных условиях деятельности» было проведено исследование в управлениях (отделах) по конвоированию и отделах охраны ИУ и СИЗО уголовно-исполнительной системы России.

Для проведения такого исследования НИИ ФСИН России направил в 25 территориальных органов УИС¹ анкету, направленную на оценку экспертами общепрофессиональных качеств, которыми в той или иной степени обладают сотрудники вышеуказанных подразделений².

Анкета содержала семьдесят качеств, разделенных на семь групп:

1. Физическое развитие
2. Умственные способности
3. Отношение к работе
4. Нравственные качества
5. Характерные черты
6. Лидерские качества
7. Отношение к людям

Экспертам надлежало дать оценку профессиональных качеств и характеристик сотрудников своего подразделения.

В каждой из семи групп руководитель оценивал только те качества конкретного сотрудника, в которых он не сомневался.

Оценка 7 означала яркую выраженность качества; 4 - средний уровень; 1 - слабую выраженность; остальные оценки отражали промежуточные уровни (6 и 5 - выше среднего; 3 и 2 - ниже среднего).

Пример:

Физическое развитие

Спортивный	7	6	5	4	3	2	1
Физически сильный	7	6	5	4	3	2	1
Выносливый	7	6	5	4	3	2	1
Здоровый	7	6	5	4	3	2	1
Активный	7	6	5	4	3	2	1
Бодрый	7	6	5	4	3	2	1
Энергичный	7	6	5	4	3	2	1
Быстрый	7	6	5	4	3	2	1
Ловкий	7	6	5	4	3	2	1
Подтянутый	7	6	5	4	3	2	1

Кроме того, по пятибалльной шкале в анкете руководителями оценивались: социометрический статус обследуемого в подразделении, а также давалась общая оценка работы сотрудника.

Пример:

Если бы Вам предложили формировать новое аналогичное подразделение, взяли бы Вы оцениваемого сотрудника с собой?

- 01 - взял бы без всякого сомнения;
- 02 - скорее взял бы, чем нет;
- 03 - и да, и нет;
- 04 - наверное, не взял бы;
- 05 - в любом случае не взял бы.

Оцените работу сотрудника:

- 01 - работой удовлетворен;
- 02 - скорее удовлетворен, чем нет;
- 03 - и да, и нет;
- 04 - скорее неудовлетворен
- 05 - неудовлетворен в значительной степени.

Занесение информации в базу данных, интерпретация результатов, а также качественная их обработка осуществлялись при помощи многофункциональной программной среды *Psychometric Expert*, разработанной научно-технической лабораторией «Интроспекция» совместно с Межрегиональной психологической лабораторией УФСИН России по Ярославской области.

Система работает в среде Windows (98/2000/XP).

I. Первоначальным результатом обработки данных анкет стало усреднение операциональных характеристик по каждому фактору (физическое развитие, умственные способности и т.д.) и группировка качеств сотрудников управлений (отделов) по конвоированию и отделов охраны ИУ и СИЗО по трем категориям: 1) сниженное развитие

свойства, качества, способности ($\Phi < M - a$), где Φ - фактор (качество), M - среднее значение, a - стандартное отклонение); 2) среднее значение, лежащее в диапазоне ($\Phi = M \pm a$); высокое значение, лежащее в диапазоне ($\Phi > M + a$).

Затем последовательно были сравнены усреднённые экспертные оценки на сотрудников спецподразделений по конвоированию и подразделений охраны. Для этого мы определили достоверность разницы средних по формулам:

$$d = M_1 - M_2;$$

$$m = \frac{\sigma}{\sqrt{n}};$$

Следующим шагом было определение уровня различия между экспертными оценками сотрудников управлений (отделов) по конвоированию и отделов охраны ИУ и СИЗО с использованием t-критерия Стьюдента по формуле:

$$t_{jd} = \frac{d}{\sigma_{\text{общ}}} \rightarrow t_s,$$

Результаты произведенных расчетов представлены в таблице 1.

Из данных, представленных в таблице 1, следует:

1) различие по экспертной оценке «**физическое развитие**» между сотрудниками спецподразделений по конвоированию и сотрудниками подразделений охраны ($t_d = 5,47$) значительно на уровне $p < 0,001$ (пороговое значение для $n = 500$ составляет $3,31$)³.

Можно сделать вывод, что, как правило, сотрудники охраны ИУ и СИЗО превосходят сотрудников управлений (отделов) по конвоированию, по мнению их руководителей, в физическом развитии. Они не только более *сильны физически*, но и более *спортивны*,

Таблица 1
Различия между экспертными оценками сотрудников спецподразделений по конвоированию и подразделений охраны

Блоки качеств	спецподраздел. по конвоированию				подразделения охраны					
	М	о	Ф = М ± о	Шков.	М	о	Ф = М ± о	Шохр	Шобщ	td
Физическое развитие	3,82	1,41	2,41+5,23	0,05746	4,21	1,01	3,2+5,22	0,04218	0,07128	5,47
Характерологические особенности	5,0	1,04	3,96+6,04	0,04237	5,03	0,64	4,39+5,67	0,02668	0,13662	0,42
Отношение к работе	5,19	1,24	3,95+6,43	0,05052	4,97	1,31	3,66+6,28	0,05462	0,0744	2,96
Нравственные качества	4,70	1,37	3,33+6,07	0,05582	4,83	0,96	3,87+5,79	0,04003	0,06869	1,89
Отношение к людям	5,08	1,08	4,0+6,16	0,04400	4,99	0,76	4,23+5,75	0,03169	0,05422	1,65
Умственные способности	4,53	1,31	3,22+5,84	0,05338	4,89	0,70	4,19+5,59	0,02919	0,06084	5,92
Лидерские качества	4,53	0,87	3,66+5,4	0,03545	4,60	0,89	3,71+5,49	0,037	0,05124	1,37
Социометрический статус	4,39	0,49	3,9+4,88	0,01997	3,90	1,09	2,81+4,99	0,03852	0,04339	11,29
Оценка работы сотрудника	4,48	0,36	4,18+4,84	0,01467	4,15	0,77	3,38+4,92	0,02721	0,03091	10,6

выносливы, здоровы, активны, бодры, энергичны, быстры, ловки и подтянуты⁴.

2) t-критерий Стьюдента при сравнении оценки характера подчиненных руководителями спецподразделений по конвоированию и подразделений охраны ($td = 0,42$) ниже минимального порогового значения (1,97 при $p < 0,05$, где $n = 500$), что свидетельствует о том, что различие по экспертной оценке «**характерологические особенности**» между двумя этими выборками статистически не значимо.

Следовательно, характеристики таких сильных сторон характера сотрудников управлений (отделов) по конвоированию и сотрудников отделов охраны ИУ и СИЗО, как: «уверенный в себе», «смелый», «волевой», «целеустремленный», «настойчивый», «рискованный», «упрямый», «спокойный», «терпели-

вый», «умеющий владеть собой» экспертами этих подразделений оценены, в целом, одинаково, со сдвигом оценок выше среднего уровня.

3) Различие в оценке экспертов спецподразделений по конвоированию и подразделений охраны относительно качеств блока «**отношение к работе**» ($td = 2,96$) выше минимального порогового значения (1,97 при $p < 0,05$, где $n = 500$), что свидетельствует о статистически значимом различии.

То есть, такие общепрофессиональные качества, как *инициативность, ответственность, увлеченность, исполнительность, дисциплинированность, аккуратность, самостоятельность, ос новательность, трудолюбие, безотказность*, а также *мотивированность на служебную деятельность* с точки зрения экспертов развиты у сотрудников управлений (отделов) по конвоирова-

нию в большей степени, чем у сотрудников отделов охраны ИУ и СИЗО⁵.

4) t-критерий Стьюдента при сравнении оценок, данных экспертами блоку **«нравственные качества»** сотрудникам спецподразделений по конвоированию и подразделений охраны ниже, хотя и незначительно ($t_d = 1,89$), минимального порогового значения: 1,97 при $p < 0,05$, где $n = 500$).

Это означает, что выраженность таких нравственных качеств, как *сопереживание, справедливость, бескорыстие, великодушие, откровенность, искренность, правдивость, скромность*, а также *надежность* («можно доверять») примерно одинаково оценивается как экспертами - представителями управлений (отделов) по конвоированию, так и экспертами в отделах охраны ИУ и СИЗО.

5) Различие в экспертной оценке **«отношение к другим людям»** между сотрудниками спецподразделений по конвоированию и сотрудниками подразделений охраны также статистически не значимо ($t_d = 1,65$).

На практике это будет означать, что сотрудники отделов охраны ИУ и СИЗО примерно в той же степени неконфликтны, миролюбивы, добродушны, дружелюбны, отходчивы, застенчивы, доверчивы, неприхотливы, уживчивы, лучше умеют «ладить с людьми», как и представители управлений (отделов) по конвоированию.

Таким образом, по сильным сторонам характера, нравственным качествам, отношениям с другими людьми и лидерским качествам сотрудники подразделений охраны и конвоирования не различаются, то есть оцениваются на одном уровне.

Иные результаты были получены в ходе экспертного оценивания выборок сотрудников отделов специального назначения и охраны. Было установлено, что различие по экспертной оценке «отношение к другим людям» между сотрудниками ОСН и подразделений охраны статистически значимо на уровне $p < 0,001$. Причем у сотрудников отделов охраны ИУ и СИЗО качества этого блока выражены в большей степени⁶.

6) t-критерий Стьюдента при сравнении оценок блока **«умственные способности»** между сотрудниками спецподразделений по конвоированию и сотрудниками подразделений охраны ($t_d = 5,92$) так же, как и «физическое развитие» значимо на уровне $p < 0,001$.

То есть, сотрудники отделов охраны ИУ и СИЗО более *зрудированны, оригинальны, любознательны, сообразительны, остроумны, находчивы, понятливы, непротиворечивы*, а также более *вдумчивы*, чем представители управлений (отделов) по конвоированию⁷.

По физическому и умственному развитию сотрудники подразделений охраны превосходят сотрудников спецподразделений по конвоированию.

Однако не эти качества оказываются решающими в оценке профессиональной успешности личного состава сопоставляемых подразделений. Оценки сотрудников управлений (отделов) по конвоированию оказываются значительно выше по фактору «отношения к работе». Они более ответственны, исполнительны, дисциплинированы, трудолюбивы, аккуратны и т.д.

Кроме того, по социометрическому статусу они оцениваются выше, чем сотрудники отделов охраны ИУ и СИЗО,

то есть их непосредственные начальники значительно чаще «брали бы их с собой» во вновь формируемые подразделения. И последнее, работой сотрудников спецподразделений по конвоированию руководители удовлетворены в большей мере, чем руководители подразделений охраны деятельностью своих сотрудников.

7) Различий в оценке составляющих блока «**лидерские качества**» среди сотрудников спецподразделений по конвоированию и подразделений охраны экспертами не отмечено ($td = 1,37$).

То есть выраженность таких лидерских качеств, как «разговорчивый», «общительный», «яркий», «компанейский», «не склонный к подчинению», «честолюбивый», «требовательный», «организованный», «раскрепощенный», «авторитетный» с точки зрения экспертов на значимом уровне не различается у сотрудников управлений (отделов) по конвоированию и сотрудников отделов охраны ИУ и СИЗО.

Нельзя не отметить, что ранее проведенные исследования на выборках сотрудников ОСН и подразделений охраны показали, что и там это различие статистически не значимо. Из этого следует, что во всех видах подразделений УИС, несущих службу с оружием, составляющие блока «лидерские качества» сотрудников (если только они не являются руководителями) выражены достаточно слабо (ОСН - 7-й, охрана - 6-й, конвой - 5,5-й ранг по значимости (из 7-ми возможных) в иерархии блоков профессионально важных качеств).

8),9) Различия по экспертной оценке «**социометрический статус**», а также «**оценки работы сотрудника**» между респондентами спецподразделений по

конвоированию и подразделений охраны ($td = 11,29$ и $td = 10,6$ соответственно) так же как «физическое развитие» и «умственные способности» значимо на уровне $p < 0,001$. Но если в последних двух блоках качеств экспертами выше оцениваются сотрудники отделов охраны ИУ и СИЗО, то первых двух - сотрудники управлений (отделов) по конвоированию.

Таким образом, мы выяснили, что **с точки зрения экспертов, основные различия в структуре общепрофессиональных качеств сотрудников спецподразделений по конвоированию и подразделений охраны касаются в большей степени их физического развития и умственных способностей** (у сотрудников отделов охраны ИУ и СИЗО оно руководителями оценивается выше), **а также отношения к работе, социометрического статуса в подразделении и оценки работы сотрудника** (здесь командами более высокие оценки были даны сотрудникам управлений (отделов) по конвоированию), то есть руководители в большей степени удовлетворены работой сотрудников спецподразделений по конвоированию, чем подразделений охраны, хотя последние по физическому и умственному развитию оценены выше, чем первые.

II. Следующим этапом нашего исследования было ранжирование полученных выше результатов.

Для этого мы нашли достоверную разницу средних между различными факторами каждой из выборок:

$$d = M_1 - M_2;$$

$$t_{\text{эм}} = \frac{d}{\sigma} ; T_{\text{общ}} = \% / m_1^2 + m_2^2 ;$$

а также определили уровень различия между близкими (исходя из близости абсолютного значения M) экспертными оценками блоков качеств сотрудников управлений (отделов) по конвоированию и отделов охраны ИУ и СИЗО с использованием t -критерия Стьюдента по формуле:

$$td = \frac{d}{\dots} > ts,$$

Результаты произведенных расчетов, свидетельствуют:

Специальные подразделения по конвоированию.

1) оценки отношения к работе и отношения к людям не различаются на статистически значимом уровне ($td = 1,64 < tst = 1,98$ при $p < 0,05$), и, следовательно, различие средних значений в 0,11 балла ($M_{отн. к раб.} = 5,19$; $M_{отн. к лю-}$ $дям = 5,08$) является случайным. Эти две оценки являются наиболее высокими в структуре общепрофессиональных качеств и занимают одинаково высокий ранг (1,5).

2) различия между экспертными оценками отношения к работе и характерологических особенностей статистически значимы на 1% уровне ($td = 2,88 > tst = 2,58$ при $p < 0,01$), следовательно, можно сказать, что *сила характера оценивается ниже, чем отношение к работе и людям* и занимает следующий (3-й) ранг в комплексной оценке сотрудников спецподразделений по конвоированию их непосредственными начальниками.

3) экспертные оценки характерологических особенностей и нравственных качеств различаются на 0,1% уровне значимости ($td = 4,28 > tst = 3,29$ при $p < 0,001$). Следовательно, *нравствен-*

ные качества оцениваются ниже, чем сила характера и занимают следующий, более низкий ранг (4-й) в комплексной оценке общепрофессиональных качеств сотрудников управлений (отделов) по конвоированию.

4) различие между экспертными оценками нравственных качеств и умственных способностей статистически значимо на 5% уровне ($td = 2,20 > tst = 1,96$ при $p < 0,05$) и, следовательно, *умственные способности сотрудников спецподразделений по конвоированию* занимают следующий ранг, то есть *оцениваются ниже, чем нравственные качества*. К этому же рангу относятся и экспертные оценки лидерских качеств, имеющие такие же средние значения (4,53), как и оценки умственных способностей.

5) различие между экспертными оценками умственного и физического развития статистически значимо на 0,1% уровне ($td = 9,05 > tst = 3,29$ при $p < 0,001$), то есть *физическое развитие оценивается ниже умственного* и занимает последний ранг в комплексной оценке общепрофессиональных качеств сотрудников управлений (отделов) по конвоированию.

Подразделения охраны.

1) оценки характера и отношения к людям не различаются на статистически значимом уровне ($td = 0,04 < tst = 1,98$ при $p < 0,05$) и, следовательно, различие средних значений в 0,04 балла ($M_{хар.} = 5,03$; $M_{отн. к лю-}$ $дям = 4,99$) является случайным.

2) точно также, как и при анализе данных сотрудников спецподразделений по конвоированию, *не найдено различий в оценках экспертами отделов охраны ИУ и СИЗО блоков качеств отношения к людям и к работе* ($td = 0,04$).

Таблица 2

Ранговая иерархия общепрофессиональных качеств сотрудников управлений (отделов) по конвоированию и отделов охраны ИУ и СИЗО

Блоки качеств	Конвой		Охрана		d	d ²
	M	ранг	M	ранг		
Физическое развитие	3,82	7	4,21	7	0	0
Характерологические особенности	5,00	3	5,03	2	1	1
Отношение к работе	5,19	1,5	4,97	2	-0,5	0,25
Нравственные качества	4,70	4	4,83	4,5	-0,5	0,25
Отношение к людям	5,08	1,5	4,99	2	-0,5	0,25
Умственные способности	4,53	5,5	4,89	4,5	1	1
Лидерские качества	4,53	5,5	4,60	6	-0,5	0,25
					x = 0	x = 4

Примечания: M - средняя, d - разность рангов, d² - квадрат разности рангов, X - сумма.

Эти три оценки (сила характера, отношение к людям и отношение к работе) являются наиболее высокими в структуре общепрофессиональных качеств сотрудников подразделений охраны и занимают одинаково высокий ранг (2).

3) различие между экспертными оценками отношения к работе и умственных способностей является статистически значимым и, следовательно, *умственные способности сотрудников отделов охраны ИУ и СИЗО* занимают следующий ранг, то есть *оцениваются ниже, чем их отношение к работе*. К этому же рангу (4,5) относится и блок *нравственных качеств*, различие в оценке которого с умственными способностями статистически не значимо (td = 0,06).

4) экспертные оценки лидерских и нравственных качеств сотрудников подразделений охраны различаются (как и у сотрудников управлений (отделов) по конвоированию) на статистически значимом уровне. Следовательно, *лидер-*

ские качества оцениваются ниже, чем нравственные качества и занимают следующий, более низкий ранг (6-й) в комплексной оценке общепрофессиональных качеств сотрудников отделов охраны ИУ и СИЗО.

5) Различие между экспертными оценками лидерских качеств и физического развития также является статистически значимым, то есть *физическое развитие оценивается ниже лидерских качеств* и занимает последний (7-й) ранг в комплексной оценке общепрофессиональных качеств сотрудников управлений (отделов) охраны ИУ и СИЗО.

Таким образом, структура общепрофессиональных способностей и качеств сотрудников спецподразделений по конвоированию и подразделений охраны имеет следующий вид, представленный в таблице 2.

III. Далее, для определения уровня сходства структуры общепрофессиональных качеств сотрудников спецпод-

разделений по конвоированию и подразделений охраны мы использовали коэффициент корреляции Спирмена.

$$r_{sp} = 1 - \frac{6 \sum d^2}{n(n^2 - 1)} = 1 - \frac{6 \cdot 4}{7(49 - 1)} = 1 - \frac{24}{336} = 0,929$$

Мы видим, что корреляционная связь между структурой экспертных оценок сотрудников управлений (отделов) по конвоированию и отделов охраны ИУ и СИЗО выше критического значения коэффициента корреляции (0,874 при $p < 0,01$, где $n = 7$)⁸.

Это значит, что структуры общепрофессиональных качеств сотрудников спецподразделений по конвоированию и подразделений охраны имеют очень высокий уровень сходства ($r_{sp} = 0,929$). То есть, можно считать, что структура общепрофессиональных качеств у сотрудников управлений (отделов) по конвоированию и отделов охраны ИУ и СИЗО идентична.

Наиболее высоко руководителями спецподразделений по конвоированию и подразделений охраны оцениваются блоки качеств: отношение к работе и людям, а также сильные стороны характера; средний уровень характерен для нравственных и умственных способностей; и относительно низко оцениваются лидерские качества и физическое развитие сотрудников.

Несмотря на в целом идентичную представленность общепрофессиональных поведенческих качеств сотрудников спецподразделений по конвоированию и подразделений охраны, мы видим, что в управлениях (отделах) по конвоированию структура таких качеств несколько отличается от струк-

туры профессионально значимых качеств сотрудников отделов охраны ИУ и СИЗО и имеет следующую иерархию (от наиболее важных к наименее важным): высокий уровень выраженности имеют отношение к работе и к людям, средний - характерологические, нравственные, лидерские качества, умственные способности; низкий - физическое развитие.

Подобная структура отражает в значительной мере групповое содержание профессиональной деятельности сотрудников управлений (отделов) по конвоированию, где группа является хорошо организованной единицей, выполняющей совместные действия в особых условиях. В таких условиях наиболее важными являются: *инициативность, ответственность, исполнительность, дисциплинированность* (отношение к работе); *дружелюбие, неприхотливость, уживчивость* (отношение к людям); чуть менее важными: *уверенность в себе, смелость, целеустремленность, настойчивость, склонность к риску, терпеливость, умение владеть собой* (характерологические черты). Эти поведенческие характеристики являются наиболее важными в групповой деятельности, связанной с противостоянием, противоборством и умением побеждать в этой борьбе. На необходимость высокого развития вышеупомянутых качеств у сотрудников спецподразделений указывают также другие авторы⁹.

Меньшая значимость нравственных качеств (причем как у сотрудников спецподразделений по конвоированию (4-й ранг), так и подразделений охраны (4,5-й ранг) в определенной мере может объясняться характеристика-

Таблица 3

На Ваш взгляд, какие явления, происходящие в стенах исправительных учреждений или за их пределами представляют сегодня наибольшую угрозу для обеспечения личной безопасности сотрудников (укажите не более трех вариантов ответов]

	ОСН (% ответивших]	Спецподразделения по конвоированию(%)	Подразделения охраны (%)
Межличностные конфликты (осужденный-осужденный)	5,9	11,9	19,6
Межгрупповые конфликты (группа против группы)	4,4	10,2	10,8
Нападения на персонал	14,6	44,8	41,8
Массовые отказы от работы	8,7	11,1	8,4
Вспышки насилия и агрессивности	16,1	28,9	32,7
Побеги	8,9	30,5	30,3
Высокая вероятность захватов заложников из числа осужденных	3,0	7,6	4,5
Высокая вероятность захватов заложников из числа персонала ИУ	11,4	26,6	23,3
Усиление влияния лидеров неформальных группировок	9,8	16,1	17,1
Возрастание влияния неформальных групп негативной направленности	9,7	13,6	13,9
Обострение межнациональных противоречий	4,6	7,8	9,4
Иное мнение (укажите)	2,8	10,1	5,0

ми спецконтингента, который является основным объектом воздействия для сотрудников данных подразделений. Между тем, реформирование уголовно-исполнительной системы России, являющееся следствием происходящей гуманизации уголовной и уголовно-исполнительной политики государства, привело в последние годы «к ухудшению криминогенного состава осужденных, сосредоточению в местах лишения свободы лишь наиболее опасных преступников»¹⁰. Такое изменение качественного состава лиц, лишенных свободы не могло не отразиться на отношении к ним сотрудников силовых подразделе-

ний уголовно-исполнительной системы (охрана, конвой, «спецназ»). Так, из результатов анкеты «Ваше мнение», оценивающей социально-психологический климат в отделах специального назначения, спецподразделениях по конвоированию и подразделениях охраны видно, что наибольшую угрозу своей личной безопасности сотрудники видят в возможных нападениях осужденных на персонал исправительных учреждений; вспышках насилия и агрессивности среди спецконтингента; высокой вероятности захвата заложников из числа персонала; усилении влияния лидеров неформальных группировок; влиянии

неформальных групп; в побегах; массовых отказах от работы осужденных и т.п. Кроме того, в графе «иное мнение» сотрудники отмечали, например, такие факторы, как ослабление режима содержания осужденных и некомпетентность сотрудников уголовно-исполнительной системы - см. табл. 3¹¹.

Относительно низкая значимость лидерских качеств в иерархии общепрофессиональных характеристик сотрудников спецподразделений по конвоированию, скорее всего, связана опять же с групповым характером деятельности, где в определенной мере индивидуальные характеристики нивелируются.

Из социальной психологии известно, что интеллектуальные характеристики группы ниже, чем интеллект отдельных индивидов, составляющих эту группу. Это необходимо, чтобы обеспечить подчиняемость и управляемость группы. То же самое относится и к лидерским качествам.

Структура профессионально важных качеств сотрудников отделов охраны ИУ и СИЗО несколько иная. Первые три места в иерархии (высокие значения) занимают характерологические особенности, отношение к людям и отношение к работе. Умственные способности и нравственные качества занимают следующее место в иерархии рангов (4,5), на шестом и седьмом местах располагаются соответственно лидерские качества и физическое развитие.

Связана такая стратификация, очевидно, с тем, что охранный вид деятельности в меньшей степени является групповым и на первый план выступают индивидуально-характерологические особенности сотрудников. Кроме того, эта деятельность не предъявляет осо-

рых требований к физическим и лидерским качествам. Видимо поэтому, два последних из перечисленных выше параметров и занимают последние места по значимости в нашем рейтинге.

Как мы видим, сниженные значения характеристик личности, входящих в блок «лидерские качества» характерны как для сотрудников спецподразделений по конвоированию (5,5-й ранг), так и для сотрудников отделов охраны ИУ и СИЗО (6-й ранг). Вообще, тенденция низких показателей лидерских качеств очень характерна для всех силовых структур. Сама деятельность в таких структурах направлена на установление и поддержание беспрекословного подчинения исполнителей командирам и начальникам. В этих условиях попытки военнослужащих, сотрудников и т.п. проявить без формального права на это свои лидерские качества будут подавляться (и это оправдано) руководителями. Командир должен являться и формальным и неформальным лидером, иначе резко снижается боеспособность группы в особых условиях деятельности. В этом случае наличие явно выраженных лидерских характеристик у некоторых членов группы, не являющихся ее формальными руководителями, является скорее негативным фактором, нарушающим сплоченность подразделения. Отсюда, кстати, и знаменитая армейская поговорка «Инициатива наказуема».

Таким образом, мы выяснили, что структуры общепрофессиональных качеств у сотрудников управлений (отделов) по конвоированию и подразделений охраны в целом идентичны. Из этого, однако, не следует, что и содержание профессионально-психоло-

гического отбора в данные подразделения должно быть одинаково. Такой отбор, на наш взгляд, с одной стороны, должен отличаться от формализованного отбора на службу в уголовно-исполнительную систему, осуществляемого, с одной стороны, на сегодняшний день без учета специфики будущей служебной деятельности кандидатов, а с другой - быть различным для кандидатов на службу в управления (отделы) по конвоированию и отделы охраны ИУ и СИЗО.

Нельзя забывать и о специфических особенностях, которые могут характеризовать потенциальных кандидатов на службу в заведомо экстремальных условиях деятельности (и которые, как правило, еще более обостряются в процессе службы). К ним могут относиться: демонстративность, неконструктивные способы разрешения конфликтов, склонность к нарушению норм и правил, инфантильность, невосприимчивость к внешним условиям (не учитывают в поведении многие элементы среды, окружения) и др.

Соединение эгоцентризма, импульсивности, неустойчивой или завышенной самооценки, снобизм (необоснованное приписывание себе исключительности), высокого уровня физического развития и слабой рефлексии создает весьма опасную «взрывчатую смесь».

Зачастую (и это давно известно многим психологам подразделений, деятельность которых осуществляется в экстремальных условиях), профессионально успешный впоследствии сотрудник в процессе первоначального отбора в центре психодиагностики (ЦПД) признается непригодным к службе в УИС¹².

В этом, на наш взгляд, и заключается недостаток формализованного подхода к психологическому отбору в ЦПД, где нормы едины для всех профессий и специальностей уголовно-исполнительной системы.

Мы, в данной статье, опираясь на экспертную оценку, предприняли попытку уточнить систему и степень выработанности общепрофессиональных качеств, необходимых сотрудникам управлений (отделов) по конвоированию и отделов охраны ИУ и СИЗО уголовно-исполнительной системы России, что поможет впоследствии сформировать пакеты психодиагностических методик, адекватные задаче качественного профессионально-психологического отбора кандидатов на службу в данные подразделения.

¹ В качестве экспертов в ходе проведения исследования выступали руководители различного уровня:

- управления (отделы) по конвоированию - (ГУ)ФСИН России Республики Карелия; Алтайского, Пермского и Хабаровского краев; Брянской, Воронежской, Калужской, Новгородской, Оренбургской, Тамбовской, Ульяновской областей, а также г. Москвы;

- отделы охраны ИУ и СИЗО - (ГУ)ФСИН России республик Дагестан, Мордовия, Кабардино-Балкарской республики; Пермского, Ставропольского и Хабаровского краев; Брянской, Курской, Мурманской, Омской, Орловской, Рязанской, Свердловской, Тверской, Томской и Читинской областей.

Общий объем выборки составил: 602 оцененных экспертами сотрудников спецподразделений по конвоированию и 575 сотрудников подразделений охраны.

² См. об этом: Бовин Б. Г., Кокурин А. В. Диагностика профессионально значимых качеств сотрудников спецподразделений Минюста России на основе экспертной оценки // Юридическая психология. №2. 2006.

³ Бурлачук Л. Ф., Морозов С. М. Словарь-справочник по психодиагностике. - СПб.: Питер Ком, 1999. С. 452.

⁴ В ходе ранее проведенных исследований при сравнении структуры общепрофессиональных ка-

честв в части, касающейся блока «физическое развитие» у личного состава отделов специального назначения (ОСН) и сотрудников подразделений охраны было установлено, что бойцы ОСН, в свою очередь, превосходят сотрудников охраны в физическом развитии. Это различие значимо на уровне $p < 0,05$. См. об этом: Бовин Б. Г., Кокурин А. В., Красов Д. А. Сравнительный анализ структуры общепрофессиональных качеств сотрудников отделов специального назначения и подразделений охраны ФСИН России // Вопросы психологии экстремальных ситуаций. № 2007.

⁵ Напротив, существенных различий в оценках экспертами качеств блока «отношение к работе» у бойцов ОСН и сотрудников отделов охраны ИУ и СИЗО в ходе ранее проведенных исследований выявлено не было. См.: «Психологическое сопровождение сотрудников отделов охраны ИУ и СИЗО в экстремальных условиях деятельности». Аналитический обзор. НИИ ФСИН России. - М., 2007.

⁶ «Психологическое сопровождение сотрудников отделов охраны ИУ и СИЗО в экстремальных условиях деятельности». Аналитический обзор. НИИ ФСИН России. - М., 2007.

⁷ Интересно, что сравнительный анализ структуры общепрофессиональных качеств сотрудников отделов специального назначения показал, что экспертами блок качеств «умственные способности» у сотрудников ОСН также оценивается ниже, чем у сотрудников подразделений охраны, причем различие это также статистически значимо на уровне $p < 0,001$. См.: Бовин Б. Г., Кокурин А. В., Красов Д. А.

Сравнительный анализ структуры общепрофессиональных качеств сотрудников отделов специального назначения и подразделений охраны ФСИН России // Вопросы психологии экстремальных ситуаций. № 2007.

⁸ Бурлачук Л. Ф., Морозов С. М. Словарь-справочник по психодиагностике. - СПб.: Питер Ком, 1999. С. 454.

⁹ См., например: Смирнов В. Н. Особенности профессионально-психологической подготовки сотрудников специальных подразделений органов внутренних дел к действиям в экстремальных условиях: Монография. - М.: Академия управления МВД России, 2002; Столяренко А. М. Экстремальная психопедагогика: Учеб. пособие для вузов. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002.

¹⁰ Бовин Б. Г., Данилин Е. М., Кокурин А. В. и др. Характеристика личности осужденного (социально-психологический портрет) / Учебно-методическое пособие. - М.: НИИ УИС Минюста России, 2004. С. 3.

¹¹ Кокурин А. В., Мокрецов А. И. Социально-психологические предпосылки эффективной деятельности специальных подразделений // Вопросы психологии экстремальных ситуаций. №3. 2006.

¹² Психологическое обеспечение деятельности сотрудников отделов специального назначения: сборник методических рекомендаций и статей пенитенциарных психологов. Раздел 1. Психологический отбор сотрудников в отделы специального назначения УИС Минюста России. - М.: ГУИН МЮ РФ, НИИ УИС МЮ РФ, 2004. С. 4.

Антиманипулятивное поведение и его формирование у сотрудников УИС

И. С. Дорошенко

Опыт показывает, что большинство людей хотят быть сильными и непотопляемыми в процессе общения, но в тоже время цивилизованными и тонкими [17].

Любая манипуляция не может состояться без таких ролей как манипулятор и его жертва.

Во - первых манипуляция может быть рассмотрена как социально-психологический феномен.

Во - вторых, манипуляция представляет собой узел, в котором сплелись важнейшие проблемы психологии воздействия: преобразование информации, наличие силовой борьбы, проблемы: истина - ложь и тайное - явное, динамика перемещения ответственности, изменения баланса интересов и другие.

И в третьих, интерес к механизмам защиты от манипуляции перемещает

честв в части, касающейся блока «физическое развитие» у личного состава отделов специального назначения (ОСН) и сотрудников подразделений охраны было установлено, что бойцы ОСН, в свою очередь, превосходят сотрудников охраны в физическом развитии. Это различие значимо на уровне $p < 0,05$. См. об этом: Бовин Б. Г., Кокурин А. В., Красов Д. А. Сравнительный анализ структуры общепрофессиональных качеств сотрудников отделов специального назначения и подразделений охраны ФСИН России // Вопросы психологии экстремальных ситуаций. № 2. 2007.

⁵ Напротив, существенных различий в оценках экспертами качеств блока «отношение к работе» у бойцов ОСН и сотрудников отделов охраны ИУ и СИЗО в ходе ранее проведенных исследований выявлено не было. См.: «Психологическое сопровождение сотрудников отделов охраны ИУ и СИЗО в экстремальных условиях деятельности». Аналитический обзор. НИИ ФСИН России. - М., 2007.

⁶ «Психологическое сопровождение сотрудников отделов охраны ИУ и СИЗО в экстремальных условиях деятельности». Аналитический обзор. НИИ ФСИН России. - М., 2007.

⁷ Интересно, что сравнительный анализ структуры общепрофессиональных качеств сотрудников отделов специального назначения показал, что экспертами блок качеств «умственные способности» у сотрудников ОСН также оценивается ниже, чем у сотрудников подразделений охраны, причем различие это также статистически значимо на уровне $p < 0,001$. См.: Бовин Б. Г., Кокурин А. В., Красов Д. А.

Сравнительный анализ структуры общепрофессиональных качеств сотрудников отделов специального назначения и подразделений охраны ФСИН России // Вопросы психологии экстремальных ситуаций. № 2. 2007.

⁸ Бурлачук Л. Ф., Морозов С. М. Словарь-справочник по психодиагностике. - СПб.: Питер Ком, 1999. С. 454.

⁹ См., например: Смирнов В. Н. Особенности профессионально-психологической подготовки сотрудников специальных подразделений органов внутренних дел к действиям в экстремальных условиях: Монография. - М.: Академия управления МВД России, 2002; Столяренко А. М. Экстремальная психопедагогика: Учеб. пособие для вузов. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002.

¹⁰ Бовин Б. Г., Данилин Е. М., Кокурин А. В. и др. Характеристика личности осужденного (социально-психологический портрет) / Учебно-методическое пособие. - М.: НИИ УИС Минюста России, 2004. С. 3.

¹¹ Кокурин А. В., Мокрецов А. И. Социально-психологические предпосылки эффективной деятельности специальных подразделений // Вопросы психологии экстремальных ситуаций. №3. 2006.

¹² Психологическое обеспечение деятельности сотрудников отделов специального назначения: сборник методических рекомендаций и статей пенитенциарных психологов. Раздел 1. Психологический отбор сотрудников в отделы специального назначения УИС Минюста России. - М.: ГУИН МЮ РФ, НИИ УИС МЮ РФ, 2004. С. 4.

Антиманипулятивное поведение и его формирование у сотрудников УИС

И. С. Дорошенко

Опыт показывает, что большинство людей хотят быть сильными и непотопляемыми в процессе общения, но в тоже время цивилизованными и тонкими [17].

Любая манипуляция не может состояться без таких ролей как манипулятор и его жертва.

Во - первых манипуляция может быть рассмотрена как социально-психологический феномен.

Во - вторых, манипуляция представляет собой узел, в котором сплелись важнейшие проблемы психологии воздействия: преобразование информации, наличие силовой борьбы, проблемы: истина - ложь и тайное - явное, динамика перемещения ответственности, изменения баланса интересов и другие.

И в третьих, интерес к механизмам защиты от манипуляции перемещает

нас в область психологии личности, поскольку предполагает пристальное внимание к внутриспсихической динамике, связанной с процессами принятия решений, внутриличностной коммуникацией, интергацией и диссоциацией [7].

Человек становится более сильным потому, что он знает, что стоит за чужим поведением и чего оно стоит. Это обуславливает необходимость научного обоснования, экспериментального апробирования и внедрения в систему психологической подготовки личного состава УИС психологического тренинга «Антиманипулятивное поведение персонала УИС», который позволил бы сформировать новые ценностные ориентации, давал бы знания и формировал умения по осуществлению противодействия манипуляциям со стороны осужденных [18].

С учетом анализа научных публикаций и международных нормативных актов [15, 6], антиманипулятивное поведение рассматривается как демонстрация гуманных установок и компетентного поведения, направленного на противостояние и разрушение специально применяемых другими людьми скрытых психологических воздействий-манипуляций и психологических игр.

Проблема психологии манипулятивных воздействий активно разрабатывалась на протяжении всего XX столетия, как зарубежными учеными (Э. Берн, 1956; Г. Франке, 1963; Дж. Маркс, 1979 и др.), так и отечественными исследователями (В. М. Бехтерев, 1903; Г. В. Грачев, 1998; Е. Л. Доценко, 1997; С. Г. Кара-Мурза, 2000; Г. Г. Почепцов, 2000 и др.). Однако, по мнению современных авторов (В. В. Знаков, 2003), здесь еще много «белых пятен».

Термин «манипуляция» происходит от латинского слова *manipulus* (пригоршня, горсть, на основе словосочетания *manus* - рука и *ple* - наполнять). Американский исследователь Д. Бровн (J. A. C. Brown, 1963) доказывает, что манипуляции могут различаться по форме и степени интенсивности: от уловок и лжи, через скрытое стимулирование определенных факторов мотивации, до «промывания мозгов» [22].

Уже в одной из первых монографий, написанной немецким социологом Гербертом Франке «Манипулируемый человек» (1963), особо подчеркивается: «Под манипулированием в большинстве случаев следует понимать психическое воздействие, которое производится тайно, в ущерб тем лицам, на которых оно направлено».

Закономерности и механизмы феномена манипуляции объясняются с позиции ряда психологических доктрин [12]:

- Первоначально в контексте идей Г. Ле Бона о «инстинкте подчинения» [13], а также В. Ф. Кандинского и В. М. Бехтерева о механизме «психического заражения» [3].

- С 1930-х гг. в соответствии с теорией «рациональности внушения», где утверждается, что при внушении человек не меняет свои убеждения и оценки, а меняет объект суждения.

- С 1950-х гг. на достижения в области психоанализа: вход в подсознание через актуализацию базовых инстинктов (прежде всего Эроса и Танатоса) или неосознаваемых влечений и желаний человека, а также за счет снятия психологических защит (прежде всего по символам и архетипам коллективного бессознательного) и сублиминальных (подпороговых по восприятию,

но не для реагирования) воздействий (в частности, за счет специального сочетания вербальных, невербальных и других воздействий);

- С 1960-х гг. активное использование технологий «модификации поведения», базирующихся на когнитивно-бихевиориальных психологических концепциях, а также психологических сценариев, раскрытых Э. Берном в теории транзактного анализа;

- С 1970-х гг. акцент на НЛП и другие интегративные психотехнологии, приводящие к измененному сознанию;

- С 1980-х гг. на концепциях о социодинамике культуры (прежде всего воздействие на «человека массы» с учетом психосемантических и психолингвистических закономерностей распространения информации (слов) и др.).

В чем причины обращения конкретных людей к использованию манипуляции? Во-первых, недоверие к другим людям и убеждение, что не поймут, или, состояние (по Эверетт Шостром (1992)), в вечном конфликте между опорой на себя и опорой на внешнюю среду, где в результате из-за недоверия к другим и возникает стремление лгать, блефовать, манипулировать [20]. Во-вторых, риск и неопределенность, постоянно сопровождающие современную жизнь, заставляют прятаться за социальной ролью или уловками, позволяющими вроде бы чувствовать себя безопаснее и не раскрывать истинные намерения и чувства [16]. В-третьих, манипуляция может выступать как вид применения власти, при котором обладающий ею влияет на поведение других, не раскрывая своих целей, но, создавая условия для реализации поведения, которое от них ожидают [11].

Итак, *манипуляцию характеризует ряд признаков:*

1. С манипулируемым человеком обращаются как с вещью, причем за счет соблазна и учета конкретных личностных особенностей, вовлекают во взаимодействие и делают соучастником.

2. Скрытость цели и психологическая закамуфлированность воздействий, чтобы те, на кого оказывается воздействие, не видели манипулятивного влияния, а поэтому их внимание специально направляют в иное русло.

3. Перед овладением умами людей необходима нейтрализация стереотипов или разрушение психологических защит (ранее имевшихся у них «святых символов») и подключение нужных субличностей человека (частичных Я).

4. Сильно подчеркиваются факторы мотивации (прежде всего более низкого уровня), чтобы действия человека направить к целям, важным манипулятору.

5. У человека, на которого воздействуют, создают ложное впечатление, что он действует в собственных интересах.

Продуктивное общение у персонала УИС с осужденными возможно лишь при наличии доминирующей направленности личности «отделение через соединение» (по терминологии М. Ш. Магомед-Эминова [14]). В итоге для персонала УИС должно быть характерно: с одной стороны, принятие гуманистической нормы взаимоотношений и признание другого человека безусловной и высшей ценностью, а с другой стороны, определенное дистанцирование от манипулятивных воздействий осужденного и показ ему не конструктивности подобного типа поведения для жизни среди людей.

Чтобы научиться взаимодействовать с людьми без манипуляций и игр, нужно:

- *Полюбить себя и поверить в свои силы.*
- *Принять ответственность за свои мысли, чувства и поступки.*
- *Использовать рефлексию и эмпатию для анализа сути манипулятивных воздействий.*

Чтобы понимать, что происходит, руководствуйся правилом «Ищи, кому выгодно», введенном еще в Древнем Риме. Для верификации вида психологических игр и конкретных манипулятивных приемов полезным является опора на алгоритмы, разработанные Э. Берном в транзактном анализе [2, 5].

• *Умение владеть собой.* Будучи же расстроенным, вы можете потерять способность конструктивно реагировать на манипуляцию.

Конструктивным является освоение сотрудниками УИС Минюста России 10 правил ассертивного (компетентного) поведения: [10]

1. *Вы имеете право сами судить о своем поведении, мыслях и эмоциях и несете ответственность за последствия.*

2. *Вы имеете право не давать никаких объяснений и обоснований, оправдывающих ваше поведение.*

3. *Вы имеете право сами решить, отвечаете ли и в какой мере за проблемы других людей.*

4. *Вы имеете право менять взгляды.*

5. *Вы имеете право совершать ошибки и отвечать за них.*

6. *Вы имеете право сказать «Я не знаю».*

7. *Вы имеете право не зависеть от доброй воли других людей.*

8. *Вы имеете право на нелогичные решения.*

9. *Вы имеете право сказать: «Я тебя не понимаю».*

10. *Вы имеете право сказать: «Меня это не волнует».*

Согласно Э. Дубрину (2003), среди наиболее распространенных тактик манипулирования в организации выступают [8]:

1. Тактика примыкания.
2. Тактика «всегда».
3. Тактика «дверь перед носом».
4. Тактика «угрозы».
5. Тактика «смещенные акценты».
6. Тактика «психологический саботаж».

От манипуляции необходимо отличать общение с трудными людьми, которые задают массу эмоциональных проблем, т.к. слишком сильно вовлекают в свое эмоциональное поле. В этой связи некоторые авторы считают, что манипулирование с помощью эмоций некоторыми людьми (прежде всего у тех, у кого превалирует пассивность и пессимизм) - это «энергетический вампиризм». Его они реализуют различными способами: постоянно жалуются на жизнь и требуют сочувствия, провоцируя эмоциональные реакции у партнеров по общению, но в итоге доводя их до крика и слез; «режут правду-матку», когда никто их об этом не просит; проявляют постоянное недовольство, упрямство или авторитарность и т.д. («Никто меня не любит, не жалеет»; «Вот, так всегда не везет!» и пр.). Если на их манипулятивные игры кто-то с сочувствием и искренне реагирует, то он в итоге становится для них своеобразным «энергетическим донором». Признаки того, что это действительно так [9]:

а. Перед сном и сразу после пробуждения вы думаете о поведении этого человека и о том, как бы вы могли помочь ему измениться.

б. Вы часто и подолгу разговариваете с ним о его профессиональных и личных проблемах.

в. Этот человек часто спрашивает вашего совета по любому вопросу и даже звонит вам домой.

г. Когда его (ее) нет рядом, вам его не хватает, несмотря на все его (ее) недостатки.

д. Вы часто оправдываете для себя, его (ее) поведение, подчеркивая, что он (она) стали жертвой обстоятельств или несправедливого отношения.

е. Вы так много времени проводите с ним и его (ее) проблемами, что забываете о своих обязанностях.

Одним из способов избавления от эмоциональной загрузки партнером - это перевод отношений на более деловой уровень или демонстрация подхода «жесткой любви» (по типу родитель - ребенок). В последнем случае это показ на фоне заинтересованности и любви к человеку необходимости принятия им ответственности за свои поступки и за свою судьбу.

В проводимом нами исследовании приняли участие сотрудники отдела воспитательной работы с осужденными, начальники отрядов и сотрудники отдела безопасности подразделения, состоящего на учете, как учреждение со сложной оперативной обстановкой.

Цель исследования состояла в том, чтобы изучить причины подверженности сотрудников манипуляциям со стороны осужденных, разработать тренинг антиманипулятивного поведения, с помощью которого научить сотрудников

противостоять манипуляциям со стороны осужденных.

В качестве психодиагностического инструментария использовались методики: А. Басса-А. Дарки, «Шкала реактивной (ситуативной) и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера-Ю.Л. Ханина» [21], Проективный тест (МИРП) «Отношение к Другому» [1].

Результаты первичного психодиагностического исследования показали, что у 63% опрошенных отмечен высокий показатель «Оп» (методика (МИРП) «Отношение к другому»). Данный показатель говорит о таких аспектах профессионального отношения, как коммуникативный и деловой типы отношения к другому (с целью личного успеха - успеха дела), а также о модели отношения профессионала к другому человеку. Люди с высокими показателями «Оп» сами подбирают вокруг себя окружение, придавая этому большое значение, т.к. считают, что близкие люди во многом влияют на их жизнь. Они и требовательны к другим, и считают своим долгом им помогать. Им свойственны жесткость по отношению к противникам, и активное преодоление их сопротивления.

У 69% отмечается высокий показатель ситуационной тревожности СТ1 по методике ШРЛТ. Ситуативная тревожность возникает как реакция человека на различные социально-психологические стрессоры такие как, ожидание негативной оценки или агрессивной реакции, восприятие неблагоприятного к себе отношения, угрозы своему самоуважению, престижу. Другими словами, мы говорим, об устойчивой склонности человека воспринимать угрозу своему «я» в самых различных ситуациях и реа-

гировать на это повышением ситуативной тревожности.

У 53% опрошенных отмечен высокий показатель физической агрессии (использование физической силы против другого лица), у 62% опрошенных высокий показатель вербальной агрессии (выражение негативных чувств через ссоры, крик, визг, угрозы, проклятье, ругань).

Так, результаты эмпирического исследования показали, что на первоначальном этапе коррекционной работы необходимо провести пост-диагностический тренинг, в процессе которого необходимо научить сотрудников управлять своими отрицательными эмоциями и использовать ресурсные состояния.

Человек - существо эмоциональное. Отрицательные эмоции угнетают его, под их влиянием хуже работают все органы, качество крови ухудшается. Установлено, что для психического здоровья оптимальным соотношением положительных и отрицательных эмоций является 7:1 [19].

Работа на «линии времени» поможет нам быстро и эффективно решить проблемы, связанные с отрицательными эмоциями, а так же продуктивно использовать свои ресурсные состояния. Данный метод работает с любой отрицательной эмоцией, включая депрессию, стыд, страх прошлого, горе, печаль, агрессивность, негативизм, раздражение, подозрительность, обиду, вину и враждебность и учит находить и эффективно использовать свои ресурсные состояния [4].

Результаты повторного психодиагностического обследования показали, что у 41% испытуемых снизился по-

казатель ситуационной тревожности СТ1 по методике ШРЛТ. У 27% опрошенных снизился показатель физической агрессии, у 54% снизился показатель вербальной агрессии по методике А. Басса - А. Дарки.

Далее была разработана программа социально-психологического тренинга антиманипулятивного поведения.

Цель тренинга: раскрыть механизм и сущность манипулятивных действий; формирование, развитие и совершенствование навыков антиманипулятивного поведения через решение следующих задач:

- Развитие позитивной, адекватной самооценки
- Развитие уверенности в себе, уверенности в своей личностной позиции.
- Развитие умения сказать «НЕТ».
- Развитие умения сохранять эмоциональное равновесие в ситуациях эмоционального шантажа (эмоционально - волевая саморегуляция личности).
- Развитие чувства субъектности (интернальности), ответственности самого себя за происходящее с собой. (Чем больше субъектность, тем меньше поступки определяются автоматической эмоциональной реакцией на ситуацию, тем больше они зависят от собственного «хочу», «не хочу»)
- Осознание того, что чужое мнение «обо мне», это чужое мнение и может учитываться лишь для анализа относительно него своего поведения.
- Развитие умения выслушивать о себе любое мнение совершенно безобязанно и безболезненно, без состояния эйфории.
- Совершенствование эмоционально - волевой саморегуляции путем формирования умения снимать излишнее

напряжение, волнение, преодолевать в себе нерешительность и скованность, осуществлять самоконтроль и самокоррекцию эмоционально - волевого настроя.

Оптимальный состав группы - 8-10 человек.

Продолжительность каждого занятия - 2-2,5 часа. Всего было проведено 11 занятий. Перед началом проведения тренинговых занятий мы рассказали об основных целях и задачах, о форме совместной работы, о возможных результатах.

Участников группы познакомили с режимом работы, предупредив о том, что работа в тренинге предполагает жесткое подчинение правилам.

Результаты психодиагностического обследования после проведения полного курса занятий по программе «Антиманипулятивное поведение и его формирование у сотрудников УИС» показали, что у 41% испытуемых снизился показатель ситуационной тревожности, у 27% опрошенных снизился показатель физической агрессии, у 54% снизился показатель вербальной агрессии.

Использование метода вложенного наблюдения позволило отметить следующие изменения: у участников тренинговых занятий повысилась самооценка, уверенность в себе и своей жизненной позиции. Как, отметили сотрудники в процессе занятий, они научились регулировать свое эмоциональное состояние, справляться с излишним волнением, скованностью, нерешительностью, что повлияло на их взаимоотношения с осужденными и сотрудниками. Так же участники занятий отметили улучшение семейных отношений.

Мониторинг социально-психологического климата в учреждении показал изменения показателя с $K=3,9$ (средне благоприятный) до $K=5,2$ (благоприятный).

Контрольная проверка работы всех служб учреждения, в котором проводилась реализация тренинговой программы, по итогам года показала улучшение показателей в работе, что позволило снять данное подразделение с особого учета, как подразделение со сложной оперативной обстановкой.

Литература

1. Александров Ю. В. Методики диагностики отношений взрослого человека: роли, позиции, нравственная сущность. - М. - Воронеж, 2001. 96с.
2. Берн Э. Люди, которые играют в игры. Игры, в которые играют люди. - М., 1995.
3. Бехтерев В. М. Внушение и его роль в общественной жизни. - СПб., 1903.
4. Боденхаммер Б., Холл М. НЛП - практик: полный сертификационный курс. Учебник магии НЛП. - СПб.: «прайм -ЕВРОЗНАК», 2003. - 272 с.
5. Борисов А. Ю. Роскошь человеческого общения. - М., 1998. С. 78-86.
6. Декларация ЮНЕСКО «Принципы толерантности», 1995г.
7. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. - СПб.: Речь, 2003. - с. 7-8.
8. Дубрин Э. Успешный руководитель. - М., 2003. С. 274-275.
9. Дубрин Э. Успешный руководитель. - М., 2003. С. 276-282.
10. Каппони В., Новак Т. Как делать все по-своему, или ассертивность - в жизнь! - СПб, 1995. 47-52.
11. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. - Киев, 2000. С. 14.
12. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. - Киев, 2000. С. 40.
13. Ле Бон Г. Психология толпы. - СПб., 1872.
14. Магомед-Эминов М. Ш. Трансформация личности. - М., 1998.
15. Минимальные стандартные нормы обращения с осужденными, утвержденные Генеральной Ассамблеей ООН в 1995г.;
16. Рюшшина Л. И. Игры и манипуляции в межличностном общении. - Ростов-на-Дону: Изд-во

Рост. университета, 1997. С. 28.

17. Сидоренко Е. В. Тренинг влияния и противостояния влиянию. - СПб.: Речь, 2001. - с. 9.

18. Ушатилов А. И., Казак Б. Б. Психология деятельности личности и коллектива сотрудников пенитенциарных учреждений. Рязань, 1999 г.

19. Шейнов В. П. Психология влияния: Скрытое управление, манипулирование и защита от них. М.: Ось-89, 2002. - 720 с.

20. Шостром Э. Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор. - М., 1992.

21. Сборник методов и методик, применяемых при проведении мероприятий профессионального отбора военных специалистов для органов и войск Федеральной пограничной службы РФ» - М., Граница, 1997, С. 462-469.

22. Brown J. A. C. Techniques of persuasion. - Harmondsworth, 1963.

Динамика эмоциональных состояний у операторов пульта централизованной охраны

И. В. Блинникова, Е. П. Бочарова, Т. Н. Савченко

В современной научной и практической психологии большой интерес у специалистов вызывает динамика эмоциональных состояний человека, вызванная влиянием различных по своей природе факторов (Прохоров, 1994; Сочивко, 2007). Предполагается, что состояния формируют устойчивые оценки ситуаций, опосредуют поведение и существенным образом влияют на эффективность деятельности (Леонова, Блинникова, Капица, 2004; Spielberger, 1972; Fridhondler, 1986). Кроме этого текущие состояния аккумулируются в более устойчивые, которые приводят к изменению мотивационной структуры, влияют на психическое и соматическое здоровье. В конечном итоге характер и изменения эмоциональных состояний определяет систему отношений личности к миру. Особое значение придается эмоциональной динамике в ходе профессиональной деятельности, связанной с обеспечением личной и государственной безопасности (Тодосько, 1998). Специалисты в таких областях должны поддерживать оптимальное

функциональное состояние в течение длительных периодов времени, сопротивляясь воздействию множества стрессогенных факторов, сознательно контролируя основные эмоциональные реакции (см. статью Величковский, Барбанщикова в этом номере).

Операторы пульта централизованной охраны являются первым звеном в работе специализированных учреждений, призванных реагировать на экстремальные ситуации, происходящие в частных квартирах, домах и организациях. Принимая звонки и сигналы о происшествиях на охраняемых объектах, они вынуждены работать под непрерывным эмоциональным прессингом. Оператор должен принимать сигналы, классифицировать их по важности, обрабатывать в зависимости от инструкции, отправлять экипаж милиции на объект, обеспечить перезакрытие объекта уполномоченными, своевременно оповещать клиентов о срабатывании сигнализации, грамотно описывать ситуацию. От них требуется в любых условиях, сохраняя хладнокровие, органи-

Рост. университета, 1997. С. 28.

17. Сидоренко Е. В. Тренинг влияния и противостояния влиянию. - СПб.: Речь, 2001. - с. 9.

18. Ушатилов А. И., Казак Б. Б. Психология деятельности личности и коллектива сотрудников пенитенциарных учреждений. Рязань, 1999 г.

19. Шейнов В. П. Психология влияния: Скрытое управление, манипулирование и защита от них. М.: Ось-89, 2002. - 720 с.

20. Шостром Э. Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор. - М., 1992.

21. Сборник методов и методик, применяемых при проведении мероприятий профессионального отбора военных специалистов для органов и войск Федеральной пограничной службы РФ» - М., Граница, 1997, С. 462-469.

22. Brown J. A. C. Techniques of persuasion. - Harmondsworth, 1963.

Динамика эмоциональных состояний у операторов пульта централизованной охраны

И. В. Блинникова, Е. П. Бочарова, Т. Н. Савченко

В современной научной и практической психологии большой интерес у специалистов вызывает динамика эмоциональных состояний человека, вызванная влиянием различных по своей природе факторов (Прохоров, 1994; Сочивко, 2007). Предполагается, что состояния формируют устойчивые оценки ситуаций, опосредуют поведение и существенным образом влияют на эффективность деятельности (Леонова, Блинникова, Капица, 2004; Spielberger, 1972; Fridhqundler, 1986). Кроме этого текущие состояния аккумулируются в более устойчивые, которые приводят к изменению мотивационной структуры, влияют на психическое и соматическое здоровье. В конечном итоге характер и изменения эмоциональных состояний определяет систему отношений личности к миру. Особое значение придается эмоциональной динамике в ходе профессиональной деятельности, связанной с обеспечением личной и государственной безопасности (Тодосько, 1998). Специалисты в таких областях должны поддерживать оптимальное

функциональное состояние в течение длительных периодов времени, сопротивляясь воздействию множества стрессогенных факторов, сознательно контролируя основные эмоциональные реакции (см. статью Величковский, Барабанщикова в этом номере).

Операторы пульта централизованной охраны являются первым звеном в работе специализированных учреждений, призванных реагировать на экстремальные ситуации, происходящие в частных квартирах, домах и организациях. Принимая звонки и сигналы о происшествиях на охраняемых объектах, они вынуждены работать под непрерывным эмоциональным прессингом. Оператор должен принимать сигналы, классифицировать их по важности, обрабатывать в зависимости от инструкции, отправлять экипаж милиции на объект, обеспечить перезакрытие объекта уполномоченными, своевременно оповещать клиентов о срабатывании сигнализации, грамотно описывать ситуацию. От них требуется в любых условиях, сохраняя хладнокровие, органи-

зовать эффективное коммуникативное взаимодействие, получить необходимые сведения, взвешенно оценить ситуацию, успокоить обратившихся за помощью, дать им необходимые советы, передать информацию по назначению.

Операторы являются одновременно лицом (или голосом) охранного агентства, информационными аналитиками, психологами и опытными переговорщиками, улаживающими конфликты, предупреждающие правонарушения, оказывающими первую юридическую и психологическую помощь. Режим их работы суточный (с 9.00 до 9.00 следующего дня). В течение рабочей смены они находятся в состоянии повышенной *психической напряженности*, вызванным экстремальными по интенсивности эмоциональными воздействиями, повышенными требованиями профессиональных задач, которые требуется решать, неоднородным распределением нагрузок в течение смены, необходимостью работать 24 часа под жестким контролем старших офицеров. Однако они не должны демонстрировать этого состояния ни своему руководству, ни коллегам, ни, тем более, тем, кто звонит на пульт. Важным профессиональным качеством операторов является умение контролировать свои эмоциональные реакции. Такое сочетание факторов вызывает специальный интерес психологов к этой профессиональной группе.

Понятие психической напряженности связано с анализом процессов мобилизации психофизиологических, когнитивных, эмоциональных, мотивационных ресурсов человека (Бодров, 2000; Леонова, 1984). При этом результат такой мобилизации может быть разным - это и продуктивное

разрешение проблемы, и невозможность справиться с ситуацией и деградация деятельности, и накопление остаточных эффектов перенапряжения, пагубно сказывающихся на здоровье человека. Возможно, что эффекты психической напряженности связаны с тем, какие эмоциональные переживания оказываются в центре субъективной составляющей этого состояния. Переживание положительных эмоций (радостного возбуждения, интереса, ощущение собственной силы, профессионализма и т.д.) приводят к положительному исходу, и наоборот, переживание негативных эмоций приводят к разрушительным последствиям.

Неоднократно демонстрировалось, что актуальные состояния зависят от ситуаций и личностной предрасположенности к специфическому типу реагирования¹. ... Гораздо менее изученным является характер зависимости актуальных состояний от предыдущих и вклад в их формирование процессов произвольной регуляции. В тоже время в реальной жизни и профессиональной практике именно эти факторы имеют преимущественное значение.

Целью данного исследования

было выявить специфику изменений эмоциональных состояний у операторов централизованного пульта охраны в зависимости от этапа рабочей смены и структуры их личностных свойств. Также предполагалось исследовать взаимосвязи между эмоциональной динамикой и функциональными состояниями, формирующимися в течение длительных периодов профессиональной деятельности и во многом определяемыми трудовой мотивацией и отношением к работе в той или иной организации.

Мы предполагали, что эмоциональные состояния будут меняться с течением рабочей смены, при этом характер этих изменений будет зависеть от структуры личностных черт испытуемых, определяющих их склонность реагировать тем или иным образом и изменять разные типы копинг-стратегий.

Методика исследования

Испытуемые: В исследовании принимали участие 19 операторов пульта цен централизованной охраны (женщины в возрасте от 20 до 45 лет).

Методики тестирования²: Методики, направленные на диагностику личностных черт: Опросник «Большая пятерка (Big Five)», позволяющий диагностировать базовые личностные характеристики (адаптация А. Г. Шмелева); опросники Ч. Спилбергера, направленные на выявление тревожности (адаптация Ю. Ханина), гнева, депрессии как личностных черт. Методики, направленные на диагностику устойчивых функциональных состояний на рабочем месте: Опросник А. Б. Леоновой «Степень хронического утомления», позволяющий оценить базовый уровень доступных энергетических ресурсов; Опросник ДОРС (утомление, монотония, пресыщение, стресс), позволяющих получить субъективные оценки типичных состояний на рабочем месте. Методики, направленные на диагностику текущих состояний: Шкала состояний, опросники Ч. Спилбергера, направленные на выявление тревожности (адаптация Ю. Ханина), гнева, депрессии как состояния, Шкала дифференциальных эмоций К. Изарада.

Процедура тестирования: На первом этапе проводилось тестирование устойчивых личностных черт и функ-

циональных состояний, формирующих в течение длительных периодов профессиональной деятельности. Испытуемые получали набор бланков тестов личностных методик для заполнения их в нерабочее время. На втором этапе осуществлялось тестирование динамики актуальных эмоциональных состояний. Оно проводилось непосредственно на рабочих местах операторов: первое тестирование - через 1 час после начала работы; второе тестирование - в 16.00; третье тестирование - в 21.00; четвертое тестирование - в 8.30 следующего дня. Тестирование занимало около 10-15 минут.

Статистическая обработка данных: Для оценки значимости сдвига в текущих эмоциональных состояниях применялся критерий Т-Вилкоксона. Для оценки вклада личностных черт и устойчивых функциональных состояний в формируемые текущие состояния применялся корреляционный анализ.

Результаты и их обсуждение

Динамика психических состояний в течение рабочей смены. Результаты проведенного исследования позволили проследить изменения эмоциональных состояний течение рабочей смены операторов (см. Табл. 1, Рис. 1.).

Не вызывает удивления тот факт, что от начала к концу смены снижаются показатели положительных эмоций и субъективного комфорта, а показатели депрессии и тревоги, напротив, возрастают. Такие сдвиги вполне ожидаемы. Наиболее заметными и статистически подтвержденными является усиление депрессивных переживаний (разница в оценках по Шкале ситуативной депрессии между первым и третьим, а также вторым и третьим измерением являют-

Таблица 1

**Показатели индексов текущих эмоциональных состояний
в каждом из четырех измерений***

	I измерение	II измерение	III измерение	IV измерение
ситуативный гнев	15,58	16,23	15,47	15,21
ситуативная депрессия	17,26	18,47	20,68	20,68
ситуативная тревожность	37,26	38,21	39,52	39
индекс негативных эмоций	11,7	11,9	11,4	11
индекс позитивных эмоций	23,7	20,26	17,68	17,74
индекс шкалы состояний	52,21	48,57	42,1	44,1

* Белый цвет заливки соответствует низкому уровню выраженности негативных состояний; светло-серый цвет указывает на умеренную негативность; темно-серый на явно выраженную негативность.

ся значимыми, соответственно $T=24,5$, $p=0,008$; $T=11,5$, $p=0,006$) и снижение уровня субъективного комфорта (разница в оценках по Шкале состояний между первым и третьим, а также вторым и третьим измерением являются значимыми, соответственно $T=18,0$, $p=0,003$; $Z=23,5$, $p=0,004$) на третьем измерении.

Однако показатели негативных эмоций и гнева остаются достаточно стабильными (наблюдаемые сдвиги не имеют статистической значимости), более того наблюдается тенденция к их снижению. Показатели всех негативных эмоций (включая эмоции тревожно-депрессивного комплекса) по Шкале дифференцированных эмоций К.Изарда вообще очень низкие. В большинстве случаев испытуемые оценивали их самым низким баллом - единицей. Оценки положительных эмоций во всей измерениях выше по абсолютным показателям.

Для того, чтобы лучше проанализировать динамику и соотношение всех

эмоциональных компонентов на разных этапах рабочей смены мы перевели все полученные показатели в *Z-оценки*, которые представлены на Рис.1. *Z-оценки* хорошо отражают динамические изменения показателей вне зависимости от соотношений их абсолютных величин. На наш взгляд, использование их в психологическом анализе вполне оправдано, поскольку для людей часто наиболее важным оказывается не сам уровень субъективных переживаний, а именно их изменения во времени.

Из графиков, демонстрирующих динамику изменений негативных эмоций (коричневая линия тренда) и показателей ситуативного гнева и ярости (красная линия), можно видеть, что к середине рабочего дня они начинают возрастать и затем резко уменьшаются. Такие данные можно объяснить только тем, что негативные эмоции (гнев, отвращение, презрение и т.д.) сознательно контролируются операторами и при их появлении подавляются. При этом надо отметить, что снижение

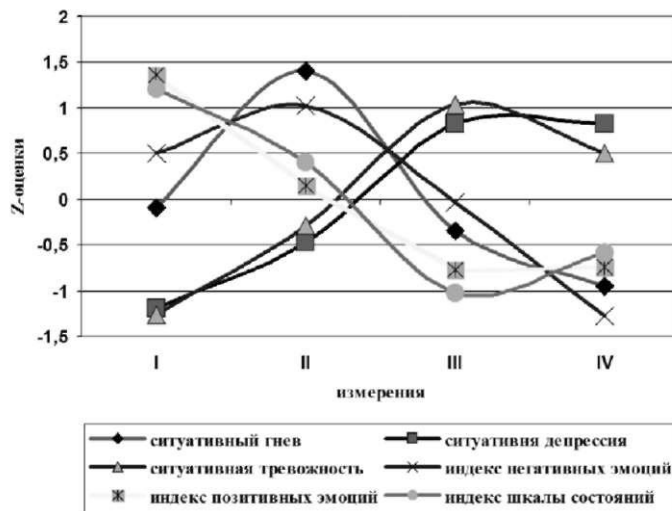

Рис. 1. Динамика индексов текущих состояний в течение рабочей смены

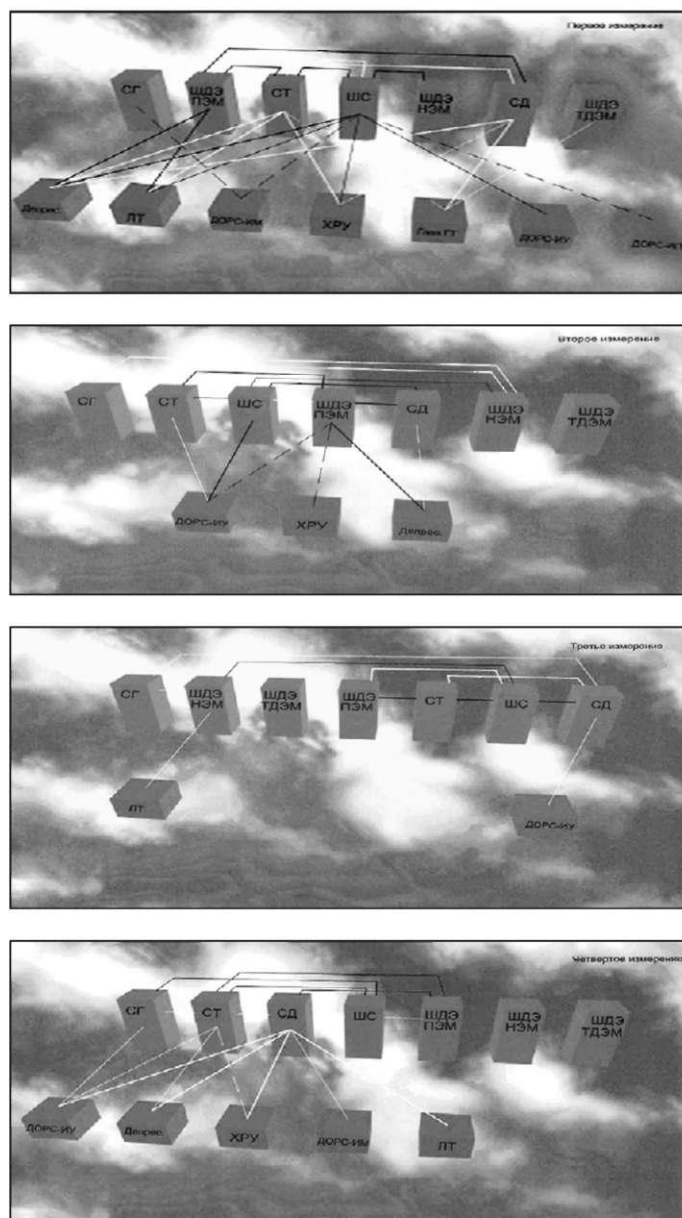
гнева и других негативных эмоций сопровождается резким скачком депрессивных переживаний.

С точки зрения динамических сдвигов каждое измерение (и, следовательно, каждый этап рабочей смены) характеризуется преобладанием тех или иных эмоциональных компонентов. Преобладающий на первом этапе высокий уровень эмоционального и субъективного комфорта сменяется резким скачком негативных эмоций и ситуативного гнева, которые, подавляясь, вызывают повышение ситуативной тревожности и депрессии. К концу рабочей смены негативные эмоции и гнев продолжают снижаться, при этом наблюдается тенденция к повышению субъективного комфорта и незначительному снижению тревожности, однако депрессивные переживания остаются неизменными и, по всей видимости, задают тон общему состоянию операторов.

Полученные нами данные о соотно-

шении динамики ситуативного гнева и депрессии согласуются с результатами других исследований, в которых демонстрируется, что формирование хронических депрессивных состояний связано с использованием таких стратегий совладания со стрессом и психическим напряжением как подавление негативных эмоций (Endler, Parker, 1994; Abramson et al., 1999; Rafnsson, Jonsson, Windle, 2006).

Влияние устойчивых личностных факторов на формирование текущих эмоциональных состояний. Был проведен корреляционный анализ показателей текущих эмоциональных состояний, индексов монотонии, стресса и пресыщения, уровня доступных функциональных ресурсов и личностными чертами, такими как личностная тревожность, гнев, депрессия (см. Рис. 2). Он показал, что вклад устойчивых личностных черт и уровня проявленности более стабильных пролонгированных

(Используемые обозначения: светлыми линиями отмечены положительные корреляционные связи, черными – отрицательные; толщина линий указывает на значимость корреляции; СГ – ситуативный гнев, СД – ситуативная депрессия, СТ – ситуативная тревожность, ШДЭ – шкала дифференцированных эмоций, ПЭМ – индекс положительных эмоций, НЭМ – индекс негативных эмоций, ТДЭМ – индекс депрессивных эмоций, ШС – индекс шкалы состояний, ДОРС – опросник Утомление-Монотония-Пресыщение-Стресс, ИУ – индекс утомления, ИМ – индекс монотонии, ИП – индекс пресыщения, ИС – индекс стресса, ХРУ – индекс хронического утомления, Депрес – депрессия как личностная черта, ЛТ – личностная тревожность, Гнев – гнев как личностная черта).

Рис. 2. Динамика корреляционных связей на разных этапах рабочей смены между показателями текущих состояний, функциональных состояний и устойчивыми чертами личности.

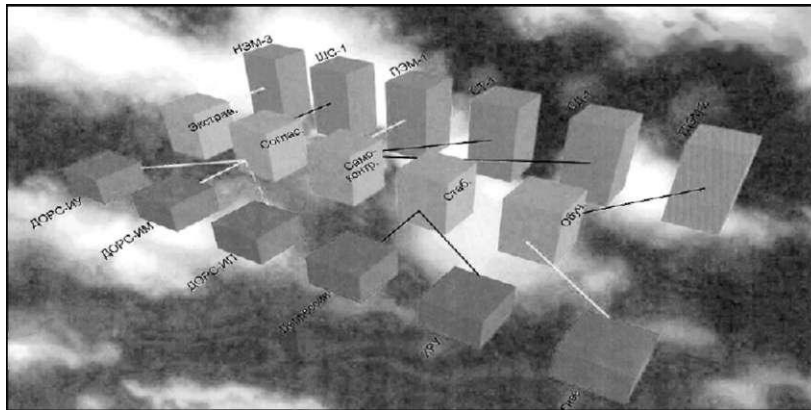

Рис. 3. Корреляционные связи личностных свойств, измеряемых опросником «Большая пятерка», с показателями текущих эмоциональных состояний (условные обозначения см. в подписях к Рис. 2, цифрами обозначены измерения).

состояний оказывается наиболее существенным в начале и в конце рабочей смены. При этом наибольшее количество выявленных связей приходится на первое измерение. После вхождения в рабочий процесс характер текущих состояний определяется в большей степени параметрами ситуации и уровнем наличных функциональных ресурсов (последние оцениваются по показателям хронического утомления и личностной депрессии).

Характер эмоциональных состояний в большей степени зависят от уровня личностной тревожности и депрессии. Именно эти свойства в значительной степени определяют интенсивность негативных переживаний в течение рабочей смены, которые, в свою очередь, ведут к расходованию дополнительных энергетических и функциональных ресурсов, и, как следствие, развитию хронического утомления, потере интереса к работе. Накапливаемое утомление не позволяет начинать рабочую смену в оптимальном состоянии. Таким образом,

негативные состояния аккумулируются, что ведет к нервному и физическому истощению, развитию стрессогенных заболеваний.

Важно подчеркнуть, что усиливающееся к концу рабочей смены (четвертое измерение) состояние ситуативной депрессии имеет наибольшее количество связей с показателями пролонгированных функциональных состояний. Оно связано положительными корреляциями с индексами утомления, монотонии, личностной депрессии и тревожности. Чем выше утомление и монотония, чем больше проявлена склонность к депрессии и возникновению тревоги, тем более интенсивно переживаются угнетенные состояния в конце рабочего дня. Субъективные ощущения постоянного усталости ведут к возрастанию ситуативного гнева на завершающем этапе рабочей смены. Гнев в данном случае может быть направлен на саму рабочую ситуацию и вести к изменению в структуре трудовой мотивации.

Еще менее значительное влияние (и

тоже только в начале рабочей смены) оказывают на формирование эмоциональных состояний устойчивые личностные черты, определяемые с помощью опросника «Большая пятерка» (см. Рис 3). Если рассмотреть существующие корреляционные связи, то можно выявить следующие закономерности: чем выше уровень самоконтроля, тем выше показатель позитивных эмоций и ниже состояния тревоги и депрессии, но только в начале рабочей смены; чем выше интеллектуальный потенциал и обучаемость тем ниже уровень тревожно-депрессивных эмоций во втором измерении; чем выше экстраверсия, тем больше проявляются негативные эмоции в третьем измерении.

Незначительное количество корреляционных связей заставляет сделать вывод, что эмоциональные состояния, формирующиеся в ходе рабочей смены зависят скорее от ситуаций, чем от личностных факторов. Такие данные подтверждаются и в ряде других работ (Ouweland., De Ridder, Bensing, 2006), в которых демонстрируется зависимость формируемых состояний и применяемых копинг-стратегий, скорее от ситуации, чем от личностных черт. Такие данные позволяют усомниться в правильности интерактивного подхода, который предполагает взаимодействие личностных факторов и факторов ситуации при формировании текущих состояний. Однако не стоит полностью от него отказываться. Существующие противоречия могут быть преодолены в модели многоступенчатого формирования текущих состояний. Базовые личностные черты задают характер взаимоотношений с миром, мотивационную направленность, готовность к выполне-

нию профессиональных обязанностей, которые и формируют пролонгированные функциональные состояния (проявляющиеся в индексах утомления, монотонии, пресыщения) и активно влияют на состояния в начале рабочей смены, которые в дальнейшем определяют темп и направленность эмоциональной динамики.

Это подтверждается, в частности тем, что проявленность такой личностной черты как *согласие* (см. Рис. 3), определяющее склонность к сотрудничеству, кооперации, дружелюбию, а также готовность подчиняться требованиям окружающих и руководства ведет к формированию утомления монотонии, пресыщения на рабочем месте и состояния пониженного субъективного комфорта на первом этапе рабочей смены. Другое подтверждение мы находим при анализе корреляционных связей личностной черты *эмоциональная стабильность*. Она не оказывает прямого влияния на ситуативные эмоциональные показатели, но чем выше эмоциональная стабильность, тем ниже уровень личностной депрессии и хронического утомления, которые во многом определяют характер текущих состояний.

Личностные особенности и стратегии регуляции состояний операторов пульта централизованной охраны. На основе анализа результатов опросника «Большая пятерка» был составлен личностный профиль операторов (см. Рис. 4), где наиболее проявленными качествами выступили согласие, самоконтроль и тревожность, только по этим факторам средние значения приближаются к границе выраженности личностных свойств, остальные остаются в области статистической нормы.

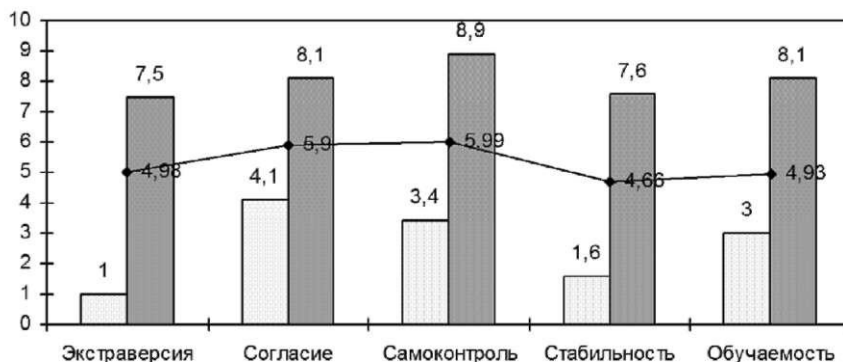

Рис. 4. Личностный профиль операторов пульта централизованной охраны по опроснику «Большая пятерка» (столбиками заданы верхние и нижние показатели по группе, сплошная линия соединяет средние значения).

Обращает на себя внимание склонность достаточно большой группы испытуемых к повышенной тревожности. У 45% участников исследования показатели по этому фактору являются выраженными. Эта тенденция подтверждается и анализом результатов опросников Личностная тревожность и ДОРС. Такие личностные тенденции способствуют развитию острых и пролонгированных стрессовых состояний. В то же время у 50% операторов, принимавших участие в исследовании, ярко выражено такое качество как согласие, отражающее склонность к сотрудничеству, кооперации, дружелюбию, ведомости и подчинению. Выраженные показатели самоконтроля, которые отражают наличие таких качеств как планомерность, целенаправленность, умение следовать стандарту проявляются у 55% испытуемых. Такие особенности личности операторов определяют выбор стратегий совладания с нарастающими в течение смены негативными переживаниями. Они контро-

лируют и подавляют гнев и негативные эмоции, позволяя усиливаться тревоге и депрессивным переживаниям. Такие стратегии ведут к аккумуляции напряжения, утомления, депрессивных переживаний.

В целом, выявленные тенденции свидетельствуют скорее об эмоциональном неблагополучии исследуемой группы профессионалов. На основании полученных данных можно прогнозировать развитие стрессогенных заболеваний невротического и соматического характера, изменение в структуре трудовой мотивации, которая будет проявляться в желании сменить работу или выполнять ее недостаточно качественно. Чтобы избежать таких негативных явлений с операторами пульта централизованной охраны необходимо проводить комплекс профилактических мероприятий. Существенное положительное влияние смогут оказать релаксационные сеансы, включающиеся с определенной периодичностью в рабочий цикл, обучение операторов мето-

дам саморегуляции состояний, а также повышение их ориентации на поиск социальной поддержки. Последнего можно добиться, усиливая корпоративную сплоченность и благоприятные отношения в коллективе, особенно между операторами и старшими по смене, через организацию совместного отдыха и другие корпоративные мероприятия. Режим релаксационных сеансов и на более эффективный тип приемов саморегуляции должен быть определен в дополнительном исследовании.

¹ Речь идет о традиции так называемых интерактивных персоналистических концепциях (Magnusson, Endler, 1977) и исследованиях, выполняемых в их русле (Fleeson, 2004; Ouwehand, De Ridder, Bensing, 2006).

² Для исследования использовался комплекс методик, разработанный для комплексной оценки состояний на рабочем месте в лаборатории психологии труда МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством А.Б. Леоновой (см. Leonova A.B., Blinnikova I.V., Kapitsa, 2001; Леонова, Величковская, 2002; Леонова, Капица, 2003; Величковский, 2007).

Литература

- Бодров В. А. Психологический стресс: Развитие и преодоление. М.: Изд-во ПЭР СЕ, 2006.
- Величковский Б. Б. Многомерная оценка индивидуальной устойчивости к стрессу / Автореферат дис. ... канд. психол. н.- М.: ИПРАН, 2007.
- Леонова А. Б. Психодиагностика функциональных состояний человека. МГУ, 1984.
- Леонова А. Б., Величковская С. Б. Дифференциальная диагностика состояний сниженной работоспособности // Психология психических состояний: Сборник статей. Вып. 4. / Под ред. А. О. Прохорова. - Казань: Изд-во ЦИТ, 2002. С. 326-343.
- Леонова А. Б., Капица М. С. Методы субъективной оценки функциональных состояний человека // Практикум по инженерной психологии и эргономике / Под ред. Ю. К. Стрелкова. М.: Академия, 2003.
- Леонова А. Б., Блинникова И. В., Капица М. С. Эффекты прерываний и регуляция деятельности: опыт применения структурно-интегративного подхода к оценке состояний // Психология психических состояний: Сборник статей. Вып.5 / Под ред. А. О. Прохорова. Казань: Изд-во ЦИТ, 2004. С.298-319.
- Прохоров А. О. Психические состояния и их функции. Казань, 1994.
- Сочивко Д. В. Психодинамика. М.: Изд-во МПСИ, 2007.
- Тодосько Е. В. Психологические средства направленности изменений эмоциональных состояний личности. Дис..канд. психол. н., Новосибирск, 1998.
- Abramson, L.Y., Alloy, L.B., Hogan, M.E., Whitehouse, W. G., Donovan, P., Rose, D. T., Panzarella, C., Raniere, D. Cognitive vulnerability to depression: Theory and evidence. *Journal of Cognitive Psychotherapy*, 1999. V.13. Pp. 5-20.
- Endler, N. S., & Parker, J. D. A. Assessment of multidimensional coping: Task, emotion, and avoidance strategies. *Psychological Assessment*, 1994. V.6. Pp. 50-60.
- Fleeson, W. Moving personality beyond the person-situation debate: The challenge and the opportunity of within-person variability. *Current Directions*, 2004, V.13. Pp. 83-87.
- Leonova A. B., Blinnikova I. V., Kapitsa M. S. Methods of assessment and prevention of human error. In: V. De Keyser, A. B. Leonova (Eds) *Error prevention and well-being at work in Western Europe and Russia: Psychological traditions and new trends*. Dordrecht: Kluwer APG, 2001. Pp.135-152.
- Magnusson D., Endler N. S. Interactional psychology: present status and future prospects. — In: *Personality on the Crossroads* / Ed. by Magnusson, Endler. Hillsdale, 1977. Pp. 3-35.
- Ouwehand C., De Ridder D., Bensing J. Situational aspects are more important in shaping proactive coping behaviour than individual characteristics: A vignette study among adults preparing for ageing. *Psychology and Health*, 2006. V.21 (6). Pp.809-825.
- Rafnsson F. D., Jonsson F. H., Windle M. Coping strategies, stressful life events, problem behaviors, and depressed affect. *Anxiety, Stress & Coping*, 2006. V. 19 (3). Pp. 241-257.

Психологические особенности лиц, совершивших мошенничество, и их учет при расследовании преступлений

С. Е. Борисова

Изучение психологических особенностей преступников продолжает оставаться одним из актуальных направлений современных научных исследований и имеет практическое значение. Оно заключается в том, что познание психологии преступника объясняет истоки его поведения и позволяет более точно установить мотивы преступления, помогает оптимально выбрать тактику и приемы правомерного воздействия на подозреваемого и обвиняемого. Особенности личности преступника учитываются при принятии решений уголовно-правового и уголовно-процессуального характера, например, при квалификации противоправных действий, избрании меры пресечения обвиняемому, определении меры наказания подсудимому с учетом характера совершенного преступления и психологических свойств личности.

Особое место занимает научное изучение психологических особенностей мошенника и их учет в ходе расследования преступлений.

По результатам опроса сотрудников правоохранительных органов 72% опрошенных утверждают, что расследование мошенничества вызывает затруднения, и 60% не считают, что на сегодняшний день существует достаточный объем периодической литературы, раскрывающей проблемы с хищением в форме мошенничества¹.

Согласно классическому определению, *мошенничество - хищение чужо-*

*го имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием*².

Наиболее отличительными психологическими особенностями мошенников, по данным современных исследований, являются определенные мотивы преступного поведения - жажда наживы, алчность, стремление приобрести материальные блага и склонность к легкой жизни³, более высокий уровень интеллекта (в частности, по сравнению с другими категориями преступников), умение быстро приспосабливаться к современным условиям жизни, хладнокровие, расчетливость, способность владеть собой, умение понять психологию другого человека и вызвать к себе доверие, демонстрация сочувствия и сопереживания, актерские способности, наблюдательность, раскрепощенность поведения⁴, готовность использовать обман⁵, стремление к паразитизму, моральная распушенность, лицемерие, наглость и грубость (по данным А. И. Гурова⁶), владение приемами психологического воздействия на другого человека⁷ и иные качества.

Не имея возможности подробного рассмотрения всех перечисленных качеств личности мошенника, остановимся на характеристике некоторых из них.

Прежде всего, стоит сказать, что ведущее место среди устойчивых психологических особенностей личности занимают *мотивы*.

Мотив - это побуждение к деятельности, связанное с удовлетворением потребностей субъекта; причина, лежащая в основе выбора действий и поступков личности⁸.

Мотив, представляя собой одну из психологических форм отражения действительности, лежит как бы внутри поведения. Он пронизывает все его содержание и проявляется на всех его этапах, соединяя поведение с личностью. Мотив - внутренняя непосредственная причина преступления, выражающая личностное отношение к тому, на что направлены преступные действия⁹.

Одной из научно обоснованных с психологической точки зрения является классификация мотивов преступлений, включающая мотивы самоутверждения, замещения, самооправдания, защитные и игровые мотивы¹⁰.

При этом для мошенников свойственны *стремление к утверждению на социально-психологическом уровне* (связано с потребностью добиться признания со стороны ближайшего окружения - семьи, друзей, знакомых, коллег по работе) и *на индивидуальном уровне* (связано с желанием повысить самооценку и усилить самоуважение путем совершения поступков, способствующих, по мнению личности, преодолению каких-либо психологических слабостей)¹¹.

Отметим, что стремление к самоутверждению выступает важнейшей потребностью человека. Однако, встречаясь среди разных категорий преступников, она выражается в извращенной и социально неприемлемой форме.

Не менее типичными для мошенников являются *игровые мотивы*, при-

сущие лицам, совершающим преступления не только и не столько с целью получения материальной выгоды, сколько ради игры, доставляющей острые ощущения.

Уместным здесь видится упоминание теории сторонников изучения биологических особенностей, чаще встречающихся среди преступников, чем среди законопослушных граждан. Согласно этому подходу преступление рассматривается как результат «физиологического вознаграждения»: совершение преступления приводит к повышению уровня адреналина в крови. Некоторым людям нравится это состояние и, чтобы испытать его еще раз, они идут на преступление повторно¹².

Как отмечается в исследованиях¹³, достаточно ярко эти мотивы проявляются в ситуациях, в которых осуществляется интеллектуальное противоборство и состязание в ловкости, требуется сообразительность, умение максимально использовать благоприятные обстоятельства и быстро принимать решения.

Характерными для мошенников (как и для большинства преступников), представляются мотивы самооправдания, отличающиеся отрицанием вины и отсутствием раскаяния, нейтрализацией или снятием барьеров нравственного контроля при нарушении уголовно-правовых запретов.

На этой основе происходит *самооправдание и внутреннее освобождение от ответственности* за совершенное преступление.

Согласно исследованиям А. Р. Ратинова и Г. Х. Ефремовой, обобщенно мотивы самооправдания преступного поведения выражаются в следующих формах¹⁴:

- искаженное представление о кри-
минальной ситуации или ее понимание
как рокового стечения обстоятельств,
- убеждение в формальности нару-
шаемых норм, обыденности подобных
действий,
- приукрашивание своей роли в со-
вершенном преступлении,
- облагораживание истинных моти-
вов собственных действий (стремле-
ние играть роль «борца за справедли-
вость»),
- изображение себя жертвой при-
нуждения, вероломства и обмана, не-
нормальных условий жизни,
- утверждение своей исключитель-
ности.

Также большинство преступников отрицают сознательный выбор проти-
воправного варианта поведения и стре-
мятся доказать его обусловленность
внешними обстоятельствами, а не внут-
ренними причинами, стараются пред-
ставить свои действия как обыденные
и распространенные, а наказание как
незаслуженное и несправедливое¹⁵.

Нередко мотивы самооправдания
сочетаются с так называемым «комп-
лексом Робина Гуда» - психологичес-
кими качествами, проявляющимися в
попытке преступника акцентировать
внимание на личности жертвы, пред-
ставить свое деяние как *вид справедли-
вого возмездия или наказания*: жертва
превращается в злодея, а преступник
- в благородного мстителя. По данным
научных исследований В. Ю. Вельского,
А. И. Кравченко, С. И. Курганова среди
опрошенных осужденных 45,4% счита-
ют, что не нужно быть справедливым с
несправедливым человеком¹⁶.

А. В. Молоствов в результате опроса
осужденных выяснил, что степень согла-

сия с утверждением о том, что жертвы
сами часто совершают преступления
осужденными за корыстные преступле-
ния выше, чем осужденными за насиль-
ственные преступления, что указывает
на стремление осужденных за корыст-
ные преступления обвинять другого че-
ловека в незаконном деянии¹⁷, оправ-
дывая тем самым свои поступки.

Для корыстных преступников, в том
числе и для мошенников, характерны
убеждения, что преступное поведение
- наиболее распространенный и при-
емлемый способ извлечения допол-
нительных и основных материальных
доходов. Поэтому убеждение мошенни-
ков, что «воруют все», выступает само-
оправданием собственного корыстного
поведения¹⁸.

Мотивы самооправдания и отри-
цание вины важно учитывать в период
следствия и судебного разбирательст-
ва, когда преступник меняет показания
и часто отказывается от уже данных по-
казаний. Во время следствия и судебно-
го разбирательства поведение мошен-
ников во многом строится на полном
непринятии вины и внутренней уверен-
ности в неправильной правовой оценке
их действий органами следствия¹⁹.

По сведениям Г. В. Бембеевой в ходе
допроса 53% лиц, обвиняемых в совер-
шении мошенничества, не признают
себя виновными, 25% - частично при-
знают себя виновными, 17% - отказы-
ваются давать показания и только 5%
- признают свою вину²⁰.

Внутриличностная позиция обвиня-
емого, связанная с непринятием вины,
во многом объясняет его нежелание да-
вать правдивые показания. Поэтому ос-
новным методом изобличения мошен-
ников, как указывает Г. В. Бембеева в

методических рекомендациях по совершенствованию процесса расследования мошенничества, для получения правдивых показаний следует признать тактически правильное предъявление доказательств в сочетании с умелым использованием во время допроса оперативных данных. Наиболее часто при допросах обвиняемых по делам о мошенничестве применяется метод нарастающих доказательств: в этом случае ложные объяснения обвиняемого по предыдущему допросу опровергаются новым предъявленным доказательством. Причем не рекомендуется предъявлять весь доказательственный материал сразу, так как не исключается возможность, что обвиняемый, учтя все имеющиеся против него аргументы, выдвинет не только правдоподобную, но и трудно опровержимую версию²¹.

Возвращаясь к рассмотрению мотивов, отметим, что приведенная выше классификация носит условный характер и не может охватить все многообразие существующих мотивов преступного поведения. Однако она во многом позволяет разобраться в психологических факторах этого поведения и имеет практическое значение. Так, мотив характеризует субъективную сторону преступления, учет которой важен при расследовании, например, для разграничения составов преступлений, имеющих сходные признаки, и учета мотива преступления как отягчающего или смягчающего уголовную ответственность обстоятельства.

Существенной особенностью исследований психологии преступника, как отмечает А. Н. Пастушеня, является то, что они проводятся исходя, из признания мотивации в качестве ведущего ре-

гулятора преступного поведения. В то же время исследования подтверждают, что мотивы (значительная их часть) не являются причиной выбора субъектом именно преступного способа действий. Одни и те же мотивы могут порождать юридически альтернативные поступки²².

Другими словами, *мотивы сами по себе не приводят к совершению преступления*, их реализация зависит от совокупности относительно стабильных психологических особенностей личности, определяющих *типичные формы* реагирования и обобщенные способы поведения.

Поэтому особое значение приобретает изучение и систематизация личностных черт преступника, в нашем случае - мошенника.

Одной из таких личностных черт выступает *умение мошенника быстро приспособливаться к современным условиям жизни*, использовать в корыстных целях те или иные изменения в сфере обслуживания населения и в зависимости от этого разрабатывать новые способы совершения преступлений.

По мнению О. Р. Онищенко, мошенники, действующие под видом финансовых пирамид, достаточно эффективно используют стереотипы и мифы нашего сознания, в частности, стереотип, в основе которого лежит образ сильного, успешного, современного бизнесмена, внешне лишенного переживаний и страхов. Используя данный социальный стереотип, мошенник способен стать в глазах обывателя смелым предпринимателем и благодаря этому оказывать манипулятивное воздействие на жертву²³.

Другой характерной особенностью мошенников является демонстрация со-

чувствия и сопереживания. Отмечая данную особенность, важно подчеркнуть не искренность переживаний, а их демонстрацию при внутренней сдержанности в эмоциональных проявлениях.

Это качество подтверждается фактом²⁴, согласно которому мошенник относится к жертве как к неодушевленному объекту. Человек для него в первую очередь - возможный источник собственных материальных благ. Внутренний мир жертвы и ее страдания при лишении материальных ценностей для преступника не имеют значения.

Следующее важное качество личности мошенника - *готовность использовать обман* (как сознательное сообщение жертве заведомо ложной информации с целью нанесения имущественного ущерба) и изобретательность в его применении²⁵.

Эта психологическая особенность, как отмечает О. Р. Онищенко, сочетается с «опьянением» безнаказанностью, своеобразным куражом, когда преступник не может остановиться сам и обман становится для него неотъемлемой частью жизни²⁶.

Более того, рассматривая деятельность финансовых пирамид, тот же автор называет еще одну особенность мошенников - невозможность самостоятельно прекратить преступную деятельность, *наличие психологической зависимости от эмоциональных переживаний, связанных с обманом потерпевших*. Однажды реализовав преступный замысел и оказавшись безнаказанным, мошенник вновь и вновь прибегает к обману как способу приобретения материальных благ²⁷.

Характерной чертой современных мошенников является *владение при-*

емами и методами психологического воздействия на другого человека - убеждением, внушением.

Среди методов психологического воздействия мошенников достаточно распространен *уличный гипноз* и так как его часто используют цыгане, он еще называется *цыганским гипнозом*. Цыганский гипноз проводится в состоянии бодрствования и применяется чаще всего для незаметного кратковременного погружения жертвы в состояние управляемого контакта и извлечения корыстной выгоды. Чаще всего цыганский гипноз применяется на пляжах, вокзалах, рынках, в аэропортах, поездах и парках. Психологическое воздействие со стороны мошенника направлено на то, чтобы человек перестал частично или полностью соображать и трезво контролировать свое поведение²⁸. Это достигается во многом за счет использования преступником состояния повышенного эмоционального напряжения потенциальной жертвы и перераспределения ее внимания²⁹, при котором происходит максимальное сосредоточение на процессе психологического контакта с мошенником.

Важно отметить, что далеко не всегда жертва случайна. Действия жертвы и преступника в определенной мере взаимобусловлены, поэтому требуется рассматривать их поведение в едином пространстве. Как отмечает немецкий исследователь Г. Шнайдер, определенные физические, психические и социальные черты человека могут сделать его предрасположенным к превращению в жертву преступления³⁰.

Анализ очень многих случаев мошенничества дает возможность определить, что воздействие на жертву час-

то осуществляется непосредственно при контакте с ней³¹.

По данным исследования Г. В. Бембеевой, 91 % потерпевших от мошенничества были знакомы с преступником и только 9% - незнакомы³².

В 1956 году И. Г. Шульц ввел понятие преступления на почве личных отношений между преступником и жертвой. Между ними могут существовать различные связи по степени их близости и интенсивности. Преступник и его жертва могут быть знакомы лишь заочно, они могут знать друг друга в лицо. Знакомство может быть «шапочным», основанным на совместном проживании по соседству или взаимодействии по работе. Связь может возникнуть только непосредственно перед совершением преступления. В данном подходе заложены принцип степени близости жертвы и преступника³³.

Поэтому при анализе механизма преступления и в процессе его расследования важно рассматривать не только роль личностных особенностей преступника, социальной среды и конкретной ситуации, но и учитывать психологические свойства жертв преступных посягательств.

По мнению Т. Н. Секераж, изощренность используемых преступником средств и методов принуждения либо индивидуальные особенности жертвы могут обуславливать трудности квалификации деяний без применения специальных познаний. В связи с этим целесообразным является назначение судебно-психологической экспертизы, предметом которой выступает установление имеющих значение для правосудия фактических данных о признаках психологического воздействия и ре-

зультатах его влияния на психическую деятельность человека³⁴.

Д. С. Чижова отмечает, что в период с конца 90-х годов XX века по настоящее время наблюдается увеличение количества судебно-психологических экспертиз, связанных с выявлением психологического воздействия на личность при совершении преступлений, а также в процессе расследования уголовных дел. Хотя проведение этого вида экспертиз связано с определенными трудностями по причине недостаточной разработки его концептуальных, процессуальных и методических основ³⁵.

В завершение следует сказать, что, несмотря на существующие в научной литературе весомые сведения об особенностях преступников, их недостаточно для формирования целостного, завершеного и относительно полного представления о психологии мошенника и возможностях учета его внутреннего мира и поведенческих проявлений в процессе расследования.

Психологические особенности мошенника изучаются без должного анализа механизма преступного деяния, недостаточно учитывается соотношение социальной роли преступника и роли жертвы в конкретной ситуации, остаются малоизученными личностные качества разных типов мошенников и психология преступных групп, занимающихся мошенничеством. Эти и другие вопросы науке в целом и криминальной психологии в частности еще предстоит исследовать.

¹ Бембеева Г. В. Тактические и психологические особенности расследования мошенничества: диссертация ... к. юрид.н. - Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2001. С. 177.

² Юридический энциклопедический словарь /

- М. О. Буянова и др.; отв. Ред. М. Н. Марченко. - М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. С. 349.
- ³ Бембеева Г. В. Тактические и психологические особенности расследования мошенничества: диссертация ... к. юрид.н. - Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2001. С. 174.
- ⁴ Аминов И. И. Юридическая психология: Учебное пособие. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. С. 97.
- ⁵ Шейнов В. П. Психология обмана и мошенничества: Библиотека практической психологии. - М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2005. С. 5.
- ⁶ Цит. по: Аминов И. И. Юридическая психология: Учебное пособие. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. С. 98.
- ⁷ Христенко В. Е. Психология поведения жертвы: Учебное пособие. - Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. С. 360-388.
- ⁸ Словарь практического психолога / Сост. С. Ю. Головин. - Минск: Харвест, 1997. С. 309.
- ⁹ Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступления и наказания. - М.: Пенатес-Пенаты, 2000. С. 88.
- ¹⁰ См., в частности: Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступления и наказания. - М.: Пенатес-Пенаты, 2000. С. 105-122; Курбатов В. И. Юридическая психология: Учебное пособие. - М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К»; Ростов-на-Дону: Наука-Пресс, 2007. С. 296-233.
- ¹¹ Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступления и наказания. - М.: Пенатес-Пенаты, 2000. С. 116.
- ¹² Цит. по: Гулевич О. А. Психологические аспекты юриспруденции: Учебное пособие. - М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. С. 175.
- ¹³ Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступления и наказания. - М.: Пенатес-Пенаты, 2000. С. 121.
- ¹⁴ Цит. по: Шиханцов Г. Г. Юридическая психология: Учебник. - М.: ИКД «ЗЕРЦАЛО-М», 2006. С. 95.
- ¹⁵ Ефремова Г. Х., Ратинов А. Р. Самооправдание преступного поведения Энциклопедия юридической психологии / Под общ. ред. проф. А. М. Столяренко. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. С. 129.
- ¹⁶ Цит. по: Аминов И. И. Юридическая психология: Учебное пособие. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. С. 93.
- ¹⁷ Молозцов А. В. Представления осужденных о жертвах преступлений: диагностика и коррекция. - Рязань, 2006. С. 18.
- ¹⁸ Онищенко О. Р. Манипулирование сознанием и поведением жертв при мошенничестве: диссертация ... к. псих.н. - М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ, 2005. С. 110.
- ¹⁹ Там же. С. 121.
- ²⁰ Бембеева Г. В. Тактические и психологические особенности расследования мошенничества: диссертация ... к. юрид.н. - Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2001. С. 175.
- ²¹ Бембеева Г. В. Тактические и психологические особенности расследования мошенничества: диссертация ... к. юрид.н. - Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2001. С. 186.
- ²² Пастушеня А. Н. Криминогенная сущность личности преступника: методология познания и психологическая концепция. - Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 1998. С. 50.
- ²³ Онищенко О. Р. Манипулирование сознанием и поведением жертв при мошенничестве: диссертация ... к. псих.н. - М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ, 2005. С. 81.
- ²⁴ Там же. С. 103.
- ²⁵ См. об этом: Шейнов В. П. Психология обмана и мошенничества: Библиотека практической психологии. - М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2005.
- ²⁶ Онищенко О. Р. Манипулирование сознанием и поведением жертв при мошенничестве: диссертация ... к. псих.н. - М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ, 2005. С. 109.
- ²⁷ Там же. С. 123.
- ²⁸ Христенко В. Е. Психология поведения жертвы: Учебное пособие. - Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. С. 360-361.
- ²⁹ Христенко В. Е. Психология поведения жертвы: Учебное пособие. - Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. С. 125-126.
- ³⁰ Цит. по: Христенко В. Е. Психология поведения жертвы: Учебное пособие. - Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. С. 12-13.
- ³¹ Там же. С. 353.
- ³² Бембеева Г. В. Тактические и психологические особенности расследования мошенничества: диссертация ... к. юрид.н. - Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2001. С. 173.
- ³³ Христенко В. Е. Психология поведения жертвы: Учебное пособие. - Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. С. 7.
- ³⁴ Секераж Т. Н. Применение специальных познаний при расследовании преступлений с категориями психологического воздействия в составе // Юридическая психология: современные технологии психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности сотрудников правоохранительной системы: Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 19 мая 2005г. / Под ред. В. П. Сальникова. -

СПб: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2005. С. 175-177.

³⁵ Д. С. Чижова Судебно-психологическая экспертиза психологических воздействий // Юридическая психология: современные технологии психологического обеспечения оперативно-служебной

деятельности сотрудников правоохранительной системы: Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 19 мая 2005г. / Под ред. В. П. Сальникова. - СПб: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2005. С.204-207.

Психодинамика формирования криминальной деструктивности личности сотрудников правоохранительных органов

Е. Е. Гаврина

В связи с высокой текучестью кадров в правоохранительных органах (ПОО) основной личный состав составляют сотрудники в возрасте 20-30 лет. Согласно базе данных, доля преступников из числа сотрудников ОВД составляет наибольший процент в возрасте от 18-30 лет (48,7%)¹. Поэтому требуется разработка мероприятий, направленных на предупреждение формирования антисоциального поведения именно для молодых сотрудников, чтобы обеспечить процесс адаптации к условиям службы и снизить риск совершения ими поступков антисоциальной направленности.

Исследование специфики формирования криминального поведения сотрудников ПОО было осуществлено через сравнительный анализ трех категорий сотрудников:

1. Сотрудники ПОО, отбывающие наказание в исправительных учреждениях России;

2. Сотрудники ПОО, работающие в ПОО, но отнесенные к группе риска;

3. Сотрудники ПОО (ФСИН России), не склонные к деструктивному поведению.

Данная выборка позволяет всестороннее исследовать проблему форми-

рования деструктивного поведения у сотрудников ПОО.

Основной акцент данной статьи мы делаем на установление влияния специфики овладения должностными обязанностями на процесс формирования криминального поведения сотрудников ПОО.

Согласно полученным данным нашего исследования антисоциальное поведение сотрудников ПОО чаще всего проявляется в возрасте 24-30 лет. Хотелось бы обратить ваше внимание на то, что именно в этот период происходит адаптация сотрудника к должности и овладение им должностными обязанностями. Мы можем выдвинуть несколько гипотез по данному факту: во-первых, приход в ПОО молодых людей с уже сформировавшимся антисоциальным поведением; во-вторых, склонные к антисоциальному поведению молодые специалисты оказались под влиянием более опытных сотрудников с криминальным поведением; в-третьих, законопослушные молодые сотрудники ПОО, склонные к суггестивности и имеющие невысокий интеллектуальный потенциал, оказались под влиянием лиц с криминальным поведе-

СПб: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2005. С. 175-177.

³⁵ Д. С. Чижова Судебно-психологическая экспертиза психологических воздействий // Юридическая психология: современные технологии психологического обеспечения оперативно-служебной

деятельности сотрудников правоохранительной системы: Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 19 мая 2005г. / Под ред. В. П. Сальникова. - СПб: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2005. С.204-207.

Психодинамика формирования криминальной деструктивности личности сотрудников правоохранительных органов

Е. Е. Гаврина

В связи с высокой текучестью кадров в правоохранительных органах (ПОО) основной личный состав составляют сотрудники в возрасте 20-30 лет. Согласно базе данных, доля преступников из числа сотрудников ОВД составляет наибольший процент в возрасте от 18-30 лет (48,7%)¹. Поэтому требуется разработка мероприятий, направленных на предупреждение формирования антисоциального поведения именно для молодых сотрудников, чтобы обеспечить процесс адаптации к условиям службы и снизить риск совершения ими поступков антисоциальной направленности.

Исследование специфики формирования криминального поведения сотрудников ПОО было осуществлено через сравнительный анализ трех категорий сотрудников:

1. Сотрудники ПОО, отбывающие наказание в исправительных учреждениях России;

2. Сотрудники ПОО, работающие в ПОО, но отнесенные к группе риска;

3. Сотрудники ПОО (ФСИН России), не склонные к деструктивному поведению.

Данная выборка позволяет всестороннее исследовать проблему форми-

рования деструктивного поведения у сотрудников ПОО.

Основной акцент данной статьи мы делаем на установление влияния специфики овладения должностными обязанностями на процесс формирования криминального поведения сотрудников ПОО.

Согласно полученным данным нашего исследования антисоциальное поведение сотрудников ПОО чаще всего проявляется в возрасте 24-30 лет. Хотелось бы обратить ваше внимание на то, что именно в этот период происходит адаптация сотрудника к должности и овладение им должностными обязанностями. Мы можем выдвинуть несколько гипотез по данному факту: во-первых, приход в ПОО молодых людей с уже сформировавшимся антисоциальным поведением; во-вторых, склонные к антисоциальному поведению молодые специалисты оказались под влиянием более опытных сотрудников с криминальным поведением; в-третьих, законопослушные молодые сотрудники ПОО, склонные к суггестивности и имеющие невысокий интеллектуальный потенциал, оказались под влиянием лиц с криминальным поведе-

нием (либо из числа сотрудников ПОО, либо вне ПОО) и т. д.

Результаты проведенного обследования позволяют утверждать, что обследуемые категории сотрудников имели возможность овладеть в полном объеме должностными обязанностями и пройти процесс вхождения в должность.

Нами было проведено исследование, направленное на изучение знания работающими сотрудниками своих должностных инструкций и их отношения к качеству разработанности данного документа. В основном сотрудники заявляют, что в разработанных для них должностных инструкциях недостаточно полно и точно изложены основные права, обязанности, полномочия и ответственность.

Анализ полученных результатов показывает, что сотрудники, не склонные к деструктивному поведению, более критичны к следующим пунктам должностных инструкций: состав, подразделения, в котором находятся, основные обязанности, круг ответственности. Сотрудники, отнесенные к группе риска, низко оценивают разработанность таких пунктов функциональных обязанностей, как периодичность выполнения работ и сроки представления результатов (или отчетов), служебные связи с сотрудниками, занимающими смежные должности, а также сотрудниками других подразделений и учреждений, критерии и показатели оценки работы.

Сотрудники, отнесенные к группе риска, негативно воспринимают пункты должностных инструкций, которые связаны со временем выполнения служебных обязанностей, критериями оценки работы и не позволяют им халатно

и беспечно относиться к выполнению своих обязанностей, то есть ограничивают их интересы.

На формирование криминального поведения сотрудников ПОО (ФСИН России) во многом оказывает существенное влияние неисполнение или ненадлежащее исполнение функциональных обязанностей по должности, что может быть связано с беспечностью сотрудников или нежеланием изучать и придерживаться их. Исследуя эту закономерность, мы провели сравнительный анализ влияния профессиональных факторов на исполнение сотрудниками ПОО (ФСИН России) обязанностей по должности.

Большинство сотрудников всех трех выделенных нами групп заявляют о хорошем знании основных документов, регулирующих исполнение ими обязанностей по должности, а также о высоком качестве документов, организующих их профессиональную деятельность, и удовлетворенности своими должностными обязанностями. В основном сотрудники заинтересованы в своей профессии и имеют достаточную профессиональную подготовленность. В целом сотрудники отмечают взаимоотношения с непосредственным руководителем, коллегами по работе как положительные и не оказывающие негативного влияния на исполнение ими обязанностей по должности. Условия работы и особенности решаемых служебных задач, а также предоставленные согласно должностным инструкциям объем полномочий и прав по должности, степень регламентации ответственности обеспечивают эффективное исполнение сотрудниками ПОО (ФСИН России) обязанностей по долж-

ности. Обращает на себя внимание тот факт, что приблизительно 5% всех опрошенных сотрудников заявляют о негативном влиянии вышеперечисленных факторов на исполнение ими функциональных обязанностей. 50% сотрудников, не склонных к деструктивному поведению, 12% сотрудников, работающих в ПОО, отнесенных к группе риска, и 32% сотрудников ПОО, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, заявляют о наличии поручений, выходящих за пределы функциональных обязанностей со стороны руководства организаций, что в свою очередь оказывало отрицательное влияние на качество исполнения служебных задач.

Можно предположить, что сотрудники, склонные к антисоциальному поведению, так же как и все остальные сотрудники хорошо ориентируются в своих должностных обязанностях и этот факт им не только не мешает совершать противоправные деяния, но и, напротив, оказывает помощь в избежании «быстрого ареста». Более того, чаще всего сотрудники, привлеченные к уголовной ответственности за совершенные деяния, имеют положительные характеристики с места работы и находятся на хорошем счету у своего руководства как высококлассные специалисты. То есть, исполняя качественно свои обязанности, они не привлекали к себе внимания начальства и могли совершать должностные преступления. Поэтому такой факт, как знание должностных обязанностей или их незнание, не является определяющим фактором в прогнозировании формирования криминального поведения сотрудников ПОО (ФСИН России).

Безусловно, на формирование криминального поведения сотрудников во многом оказывают влияния их личностные качества. Нами были выделены основные профессиональнозначимые качества, необходимые сотрудникам ПОО при исполнении обязанностей по должности, изучение которых позволило нам всесторонне рассмотреть специфику формирования деструктивного поведения сотрудников ПОО.

Умение подчиняться выражено в достаточной мере у 90% сотрудников ПОО, как отнесенных, так и не отнесенных к группе риска, и только 56% осужденных сотрудников ПОО отмечают у себя наличие данного качества.

Большинство обследуемых сотрудников всех трех выделенных групп владеют достаточными профессиональными знаниями по должности, ориентируются на конечные показатели в работе, стремятся довести начатое дело до конца, имеют высокий уровень исполнительской дисциплины и личностной организованности, придерживаются в своей работе указаний руководителя и уставных взаимоотношений с начальником, учитывают в своей работе мнение коллег, умеют взаимодействовать с другими должностными лицами, стремятся к снижению количества ошибок в работе и повышению ее качества, не боятся спрашивать совета у непосредственного руководителя, обращаться к нему с просьбой о помощи в работе.

Стремление к самостоятельности, творчеству и инициативе в выполнении своих функциональных обязанностей значительно выражено у осужденных сотрудников. Умение понять замысел руководителя и провести его в жизнь

наблюдается у сотрудников ПОО, отнесенных к группе риска (80%), и осужденных сотрудников (70%). Осужденные сотрудники заявляют о том, что они редко следовали при исполнении должностных обязанностей нормативным предписаниям, инструкциям и наставлениям в отличие от работающих по настоящий день сотрудников и не всегда придерживались своих функциональных обязанностей.

Отстаивать перед руководителем свою точку зрения способны сотрудники, отнесенные к группе риска (73%), и осужденные (78%), а среди сотрудников, не склонных к деструктивному поведению, на такой шаг способны лишь 55%.

Умение правильно реализовать права и полномочия сформировано у сотрудников, отнесенных к группе риска (82%) и осужденных сотрудников (78%).

Чувство долга, высокая ответственность меньше проявляются: у осужденных сотрудников - 78%, у остальных сотрудников - 90 и 98%.

Следовательно, у большинства сотрудники ПОО хорошо развиты профессиональнозначимые качества, необходимые для исполнения обязанностей по должности. Однако склонные к деструктивному поведению сотрудники не всегда придерживаются нормативных предписаний в своей профессиональной деятельности, они более склонны к самостоятельности при исполнении обязанностей по должности, для них не характерно подчинение. Интересным представляется тот факт, что сотрудники, склонные к деструктивному поведению, лучше ориентируются в нормативных документах, связанных

с реализацией прав и полномочий по должности. Периодический выход за пределы установленных норм по должности заставляет их более подробно изучать возможные санкции, которые будут к ним применены, а также поиск «лазеек» по защите своих интересов на основе имеющейся нормативной регламентации их обязанностей по должности.

Данный факт ни в коей мере не должен наталкивать руководство ПОО на решение о сокрытии документов, определяющих права и обязанности подчиненных, он просто показывает нам, что сотрудники, не склонные к криминальному поведению, менее ориентированы на изучение способов реализации своих прав и полномочий. Вполне возможно, что разработка более четких нормативных документов, определяющих профессиональные обязанности, права, полномочия и ответственность сотрудников ПОО, в которых будут учтены все возможные способы пренебрежения исполнением обязанностей по должности, будет способствовать снижению проявления деструктивного поведения.

Изучая особенности проявления деструктивного поведения сотрудников ПОО, нами было установлено, что оно чаще всего выражается в ненадлежащем исполнении обязанностей по должности, что может выражаться как в регулярном опоздании на работу, злоупотреблении спиртными напитками и средствами ПАВ, злоупотреблении должностными полномочиями, халатности, получении взятки, служебном подлоге и т. д.

Другими словами, деструктивное поведение сотрудников ПОО может спо-

способствовать привлечению их к дисциплинарной ответственности и уголовному наказанию. Рассматриваемая нами выборка была подвергнута сравнительному анализу по применяемым к ним мерам дисциплинарной ответственности со стороны руководства организаций, в которых они несут или несли свою службу. Необходимо отметить, что эти данные были представлены на основе анализа личных дел сотрудников ПОО, но по сотрудникам, отбывающим наказание, эта информация была получена с их слов. Видами дисциплинарной ответственности могут быть нарушения: служебной дисциплины (опоздание на работу, злоупотребление алкоголем и т. д.); исполнительной дисциплины (несоблюдение приказов, распоряжений и т. д.); законности (нарушение пунктов УПК РФ, на пример, превышение сроков исполнения документов и т. д.).

Сравнительный анализ распределения сотрудников ПОО в зависимости от количества привлечений к дисциплинарной ответственности показывает, что чаще всего сотрудники ПОО несут наказания за несоблюдение служебной дисциплины. Кстати, в основном к данному виду дисциплинарной ответственности они были привлечены в годы обучения в вузах Министерства внутренних дел РФ и Федеральной службы исполнения наказаний. Из бесед с сотрудниками следует, что они не всегда согласны с вынесенными им мерами дисциплинарной ответственности и не всегда начальство схожие проступки, совершаемые сотрудниками ПОО, оценивает одинаково. Но многие заявляют о том, что они еще легко отделались. Обращает на себя внимание тот факт, что существенных различий по группам оп-

рошенных в зависимости от дисциплинарной ответственности не выявлено, кроме исполнительной (сотрудники, отнесенные к группе риска, гораздо чаще привлекаются к ней). Однако общий анализ полученных данных свидетельствует о том, что сотрудники из группы риска значительно чаще привлекаются к дисциплинарной ответственности. 52% обследуемых сотрудников данной категории хотя бы один раз были привлечены к дисциплинарной ответственности.

В нашей выборке присутствует также группа сотрудников, отбывающих наказание в исправительных учреждениях за различные преступления.

Преступления, совершенные сотрудниками ПОО, по критерию правового положения можно подразделить на две большие группы:

1. Должностные преступления, например злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), халатность (ст. 293 УК РФ), получение взятки (ст. 290 УК РФ), дача взятки (ст. 291 УК РФ), служебный подлог (ст. 292 УК РФ);

2. Общеуголовные преступления, например убийство (ст. 105 УК РФ), причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111, 112 УК РФ), изнасилование (ст. 131 УК РФ), кража (ст. 158 УК РФ), нарушение Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ), преступления, связанные с наркотическими веществами (ст. 228-230 УК РФ).

Обратим ваше внимание на такой факт, что общеуголовные преступле-

Таблица 1
Распределение сотрудников по количеству привлечений
к дисциплинарной ответственности, %

Виды дисциплинарной ответственности	Количество наказаний	Сотрудники ПОО (ФСИН России) не склонные к деструктивному поведению	Сотрудники ПОО (ФСИН России), отнесенные к группе риска	Осужденные сотрудники ПОО(ФСИН России)
Служебная дисциплина	От 1 до 2	14	18	13
	От 3 до 4	6	8	5
	От 5 и более	0	1	3
Исполнительная дисциплина	От 1 до 2	7	13	9
	От 3 до 4	3	7	7
	От 5 и более	0	0	0
Нарушение законности	От 1 до 2	3	5	2
	От 3 до 4	0	0	0
	От 5 и более	0	0	0
ИТОГО		33	52	39

ния, совершаемые сотрудниками ПОО, можно подразделить на преступления, связанные с исполнением обязанностей по должности (совершаемые на службе; с использованием формы и т. д.), и преступления, не связанные с исполнением обязанностей по должности (совершаемые вне службы, без использования полномочий сотрудника, формы, удостоверения).

Проанализируем постатейный состав преступлений, совершенных сотрудниками ПОО. Полученные данные представлены в таблице 2. Напомним, что большинство сотрудников осуждено сразу по нескольким статьям, поэтому цифры в таблице отличаются.

Постатейный анализ преступлений, совершенных сотрудниками ПОО, позволит нам проследить особенности проявления криминального поведения осужденных. Из таблицы видно, что должностные преступления совершили

35% осужденных (ст. 285, 286, 290 УК РФ), а общеуголовные - 65% (ст. 105, 109, 111, 131, 158, 159, 161, 162, 166, 209, 210, 213, 222, 223 УК РФ).

Наиболее угрожающей представляется цифра в 41% от осужденной категории сотрудников, осужденных по ст. УК РФ 105. Напомним, что по этой статье осуждают за убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку. Получается, что государство само подготовило и обучило людей совершать данный вид преступления. Сотрудники силовых структур являются самыми физически подготовленными людьми, имеющими профессиональный опыт по разрешению экстремальных ситуаций с применением как оружия, так и силовых приемов. То есть, те, кто должен защищать, оберегать, сами совершают бесчеловечные поступки, направленные против мирных граждан, используя полученные в процессе обу-

Таблица 2

**Соотношение числа обследуемых осужденных сотрудников ПОО
по разным статьям, %**

Статья РФ	105	109	111	131	158	159	161	162	166	209	210	213	222	223	285	286	290
%	41	2	2	2	5	7	10	15	2	7	4	2	4	2	7	25	3

чения в силовых структурах навыков для совершения подобных деяний. Разброс вариантов совершения убийств представленной выборкой огромен. Одни убивали в состоянии алкогольного опьянения своих жен, случайных знакомых и т. д., за то, что они не угодили им в тот промежуток времени, другие из мести (привревновал жену, убил предполагаемого любовника). Но наиболее страшные преступления подобного рода совершались сотрудниками, организовавшими собственные бандгруппы с целью завладения имуществом более богатых граждан (11% от обследуемой группы, осужденные по ст. 209-210 УК РФ). Данные сотрудники ПОО принимали участие в убийствах мирных граждан. При этом следует отметить, что на работе они характеризовались только с положительной стороны как одни из самых лучших специалистов в их профессиональной деятельности, некоторые из них были награждены боевыми наградами за участие в боевых действиях в Чеченскую кампанию. Необходимо бы привести один наиболее яркий пример, связанный с организацией сотрудником ПОО преступного сообщества. Так, старший оперуполномоченный Б., юрист-правовед по образованию, сформировал в свои 38 лет группу из 13 человек, среди которых было 8 сотрудников ПОО, с целью хищения чу-

жого имущества. Данная преступная группа действовала в течение 3-х лет. В процессе своей деятельности они, согласно уголовному делу, совершили 12 разбойных нападений; ими были похищены 4 человека с целью оказания физического давления и последующего вымогательства денежных средств; 6 человек убиты. Большинство участников этой группы в последующем были осуждены также и за незаконное приобретение и ношение оружия (ст. 222 УК РФ). Криминальная деятельность сотрудников ПОО из этой группы осуществлялась вне служебного времени. Свои обязанности по должности они выполняли на достаточно высоком профессиональном уровне, со стороны руководства к ним никаких нареканий не было, более того, они считались одними из лучших специалистов в своей области, неоднократно побывавшими на территории Чечни, двое из них даже были награждены за участие в боевых действиях. А после работы они вели криминальную жизнь и тоже на достаточно высоком профессиональном уровне, только преступном. Будучи сотрудниками ПОО, они были хорошо информированы о ходе расследования совершаемых ими преступлений и свидетелях их преступных деяний. В итоге осуществлялось умышленное убийство данных свидетелей с целью сокрытия своих де-

яний. Участие на оперативных совещаниях в обсуждении совершенных ими преступлений позволяло им находить и в последующем устранять свои недочеты и промахи, то есть они осуществляли свой профессиональный криминальный рост. В настоящий момент все участники данной группы осуждены, однако их организатор и еще несколько человек, в основном сотрудники ПОО, свою вину в совершении вышеуказанных преступлений не признали.

Прибавим к указанным подгруппам сотрудников, совершивших преступления с применением насилия за такие преступления, как:

- причинение смерти по неосторожности - 2% (ст. 109 УК РФ);
- умышленное причинение тяжкого вреда здоровью - 2% (ст. 111 УК РФ);
- изнасилование - 2% (ст. 131 УК РФ);
- разбой - 15% (ст. 162 УК РФ).

И как итог получим, что 73% осужденных сотрудников совершили преступления с применением насилия по отношению к мирным гражданам. То есть основной формой деструктивного поведения данной категории обследуемых выступают агрессия и жестокость.

Интерес представляют и такие способы совершения преступлений сотрудниками ПОО, как грабеж (ст. 161 УК РФ), кража (ст. 158 УК РФ) и мошенничество (ст. 159 УК РФ). Для достижения своих преступных замыслов сотрудники ППС на улицах останавливали подвыпивших людей, погружали их в служебный автомобиль, отвозили на соседнюю улицу, забирали деньги у данных граждан, либо при обыске карманом образом обнаруживали в их карманах (подложенные) патроны или

наркотики и требовали крупную сумму денег за отказ в возбуждении уголовного дела. То есть, пользуясь должностным положением и наделенной государством властью, осуществляли свои преступные деяния с целью наживы.

О самоуверенности сотрудников ПОО в том, что их красная корочка (удостоверение) защищает от многих неприятностей и наделяет их правом преимущества над остальными, ярко показывает случай, произошедший с оперуполномоченным уголовного розыска со стажем службы в ПОО 2,5 года. Поужинав в одном из ресторанов г. Москвы и засидевшись сверх времени работы данного учреждения, в ответ на просьбу администрации покинуть заведение данный сотрудник учинил скандал, разбил посуду, сломал стол, нанес несколько ударов официанту. При этом неоднократно заявлял, что он сделает все возможное, чтобы это заведение было закрыто в три дня, оскорблял работников ресторана. Возникает вопрос: неужели все сотрудники через два года службы в ПОО превращаются под влиянием наделенной государством властью в людей «небожителей»? Отвечая на этот вопрос, отметим, что все зависит от индивидуальных особенностей каждого человека в отдельности. Но это ни в коем случае не освобождает сотрудников отдела кадров и психологов от отслеживания такой категории сотрудников и от осуществления профилактической работы, особенно на первых этапах вхождения в должность, направленной на обучение приемам использования власти.

Мы рассмотрели проблему проявления деструктивных установок сотрудниками ПОО, направленных на окружаю-

щих людей. Однако есть и такая сторона деструктивного поведения, как предрасположенность сотрудников ПОО к виктимизации.

Другими словами, деструктивное поведение сотрудников ПОО может проявляться в их предрасположенности не только к совершению дисциплинарных и уголовно наказуемых проступков, но и к наступлению с ними виктимологической (или виктимогенной) ситуации, то есть опасной для жизни и здоровья ситуации служебной деятельности (А. И. Папкиным, 2004).

Согласно материалам ГИАЦ МВД России, в течение года в отношении работников ПОО совершается более 22 тысяч преступлений. Во многом это зависит от повышенного уровня деструктивного поведения сотрудников ПОО, связанного с виктимизацией. В настоящий момент имеют тенденцию роста такие преступления против сотрудников ПОО, как убийства работников ПОО и покушения на убийство, грабеж, разбой, вымогательство, поджог жилых и служебных помещений, преступления экономической направленности и др. Это подтверждается данными о темпах прироста преступлений в отношении работников ПОО за период с 1999 по 2003 г., а именно: уровень преступлений экономической направленности вырос на 47%, убийств и покушений на убийство - на 39,2%, похищений чело-

века - на 62,5%, грабежей - на 50,4%, разбоев - на 30,3%; неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения - на 17,8%; умышленного уничтожения или повреждения имущества, совершаемого путем поджога, - на 63,9%².

Следовательно, деструктивность установок в профессиональной деятельности сотрудников ПОО может проявляться как в нарушении исполнения профессиональных обязанностей по должности, так и в виктимизации поведения. И первый, и второй вариант проявления деструктивности в поведении сотрудников ПОО отрицательно сказывается на качестве выполнения обязанностей по службе. В первом случае урон наносится престижу правоохранительных органов, во втором - личной безопасности сотрудников ПОО. Указанная деструктивность, как уже было сказано, может приводить к преступлениям, а может оставаться скрытой, отражаясь при этом на качестве несения службы.

¹ См.: Труды ВИПК МВД России: Вып. 5: Опыт изучения проблем девиантного поведения сотрудников органов внутренних дел, мер профилактики и борьбы с его проявлениями: Сборник статей/Сост. С. А. Кулик. - Домодедово: ВИПК МВД России. - 82 с. С. 7.

² Использованы материалы ГИАЦ МВД России за период 1999-2003 гг..

Особенности представлений бывших сотрудников правоохранительных органов, отбывающих наказания в виде лишения свободы, о жертвах преступлений

А. В. Молоствов

Подавляющее большинство преступлений возникает при взаимодействии преступника и жертвы¹. Познание механизма взаимодействия людей (преступника и жертвы) возможно на основе понимания содержания и динамики их представлений друг о друге². Представления преступника о жертвах своего преступления зачастую являются ложными, стереотипными, ведущими к деиндивидуализации личности жертв, что способствует самооправданию преступником своего поведения и снижает эффективность исправительного воздействия на него в процессе реализации наказания.

Конфликт преступника и жертвы является ярким следствием неконструктивности представлений преступника о жертве. Учитывая особенности представлений осужденного о жертве своего преступления, мы можем побуждать его к освоению конструктивных образцов взаимодействия с другими людьми, в которых они не рассматривались бы как потенциальные жертвы.

В данном контексте изучение психологических характеристик представлений осужденных бывших сотрудников ПОО о жертвах преступлений, является одним из перспективных направлений изучения психологических причин совершения сотрудниками ПОО преступлений и позволяющим совершенствовать программы психологической

коррекции личности осужденных за счет коррекции их представлений о жертвах преступлений.

Для выяснения специфики содержания представлений бывших сотрудников правоохранительных органов о жертвах преступлений в батарею методик нами была добавлена анкета, составленная на основе интервью с осужденными. Обследование проведено на выборке осужденных мужчин бывших сотрудников ПОО (70 человек, возраст от 21 до 45 лет).

Предложенная нами анкета, состояла из 15 стереотипных утверждений о «жертвах», с униполярными шкалами, имеющими семизначную градацию - от «полностью согласен» (7) до «совершенно не согласен» (1). В инструкции мы просили испытуемых выразить степень своего согласия со стереотипными утверждениями.

- 1. Жертвы преступлений сами виноваты в том, что с ними произошло.*
- 2. Жертвы преступлений сами часто совершают преступления.*
- 3. Женщины чаще мужчин становятся жертвами преступлений.*
- 4. Любой человек может стать жертвой преступления.*
- 5. Жертва и преступник могут примириться.*
- 6. Жертва нуждается в сочувствии.*
- 7. Жертва преступления хочет, чтобы преступник понес наказание.*

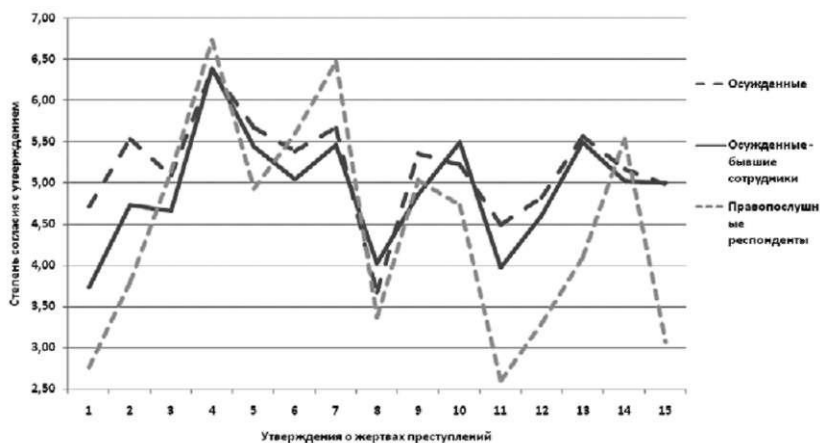

Рис. 1. Различия оценок утверждений о жертвах преступлений осужденными, осужденными - бывшими сотрудниками ПОО и право послушными респондентами.

8. Жертва преступления хочет понять преступника.

9. Потерпевший от кражи страдает меньше, чем потерпевший от ограбления с применением физической силы.

10. Жертва преступления может простить преступника.

11. Кражи с предприятий должны наказываться менее сурово, чем кражи личного имущества.

12. Преступления против женщин должны наказываться более сурово, чем аналогичные преступления против мужчин.

13. Жертва преступления в первую очередь хочет возместить материальный ущерб.

14. Жертва преступления боится преступника.

15. Преступник желает, чтобы потерпевший понял его переживания и раскаяние.

Для изучения особенностей представлений осужденных бывших сотрудников ПОО о жертвах преступлений и их отличия от представлений право-

послушных респондентов и осужденных не являвшихся сотрудниками ПОО мы вычислили средние по оценке респондентами каждого утверждения. Уровнево-му анализу были подвергнуты выборки осужденных - бывших сотрудников ПОО, осужденных, право послушных респондентов.

На графике (рис. 1) видно, что профиль представлений осужденных бывших сотрудников о жертвах преступлений в целом повторяет профиль представлений о жертвах характерный для общей выборки осужденных.

Анализ различий оценок данных утверждениям о жертвах преступлений осужденными и право послушными испытуемыми приведен нами в предыдущих публикациях.

В настоящей статье мы рассмотрим специфику представлений о жертвах преступлениях у осужденных - бывших сотрудников ПОО.

Представления осужденных - бывших сотрудников ПОО и осужденных различаются оценкой утверждений о

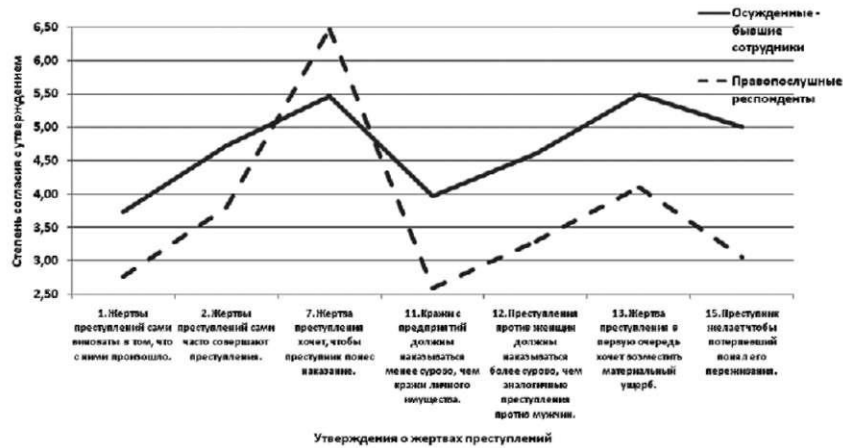

Рис. 2. Различие ($p < 0,01$) оценок утверждений о жертвах преступлений право-послушными респондентами и осужденными - бывшими сотрудниками ПОО.

том, что жертвы преступлений сами виноваты в том, что с ними произошло и о том, что жертвы преступлений сами часто совершают преступления (см. табл. 1, рис. 3).

Меньшая по сравнению с осужденными степень согласия осужденных - бывших сотрудников с утверждениями о том, что жертвы преступлений сами виноваты в том, что с ними произошло, и о том, что жертвы преступлений

сами часто совершают преступления, может говорить о том, что они берут ответственность за преступление на себя либо возлагают на внешние факторы, более того они могут отводить жертвам преступления объектную роль. В работе Д. В. Сочивко развивается идея о том, что для организованной преступности может быть свойственно полное принятие вины за преступление в сочетании с принятием себя и полным отказом из-

Таблица 1

Таблица различий средних значений оценок, отражающих степень согласия осужденных и осужденных бывших сотрудников ПОО с утверждениями о жертвах преступлений

	Осужденные (201 чел)		Осужденные бывшие сотрудники ПОО (41 чел.)		Уровень знач-ти различий
	Среднее значение	Станд. отклон	Среднее значение	Станд. отклон	
1. Жертвы преступлений сами виноваты в том, что с ними произошло.	4,72	2,26	3,73	2,05	0,01
2. Жертвы преступлений сами часто совершают преступления.	5,54	1,90	4,73	1,45	0,0105

Рис. 3. Различие ($p < 0,01$) оценок утверждений о жертвах преступлений осужденными и осужденными - бывшими сотрудниками ПОО.

меняться³. Данная идея позволяет объяснить и наши различия. Для осужденных бывших сотрудников совершение преступления является неким Рубиконном, проходя который, они не видят для себя пути назад.

Это вовсе не означает, что они склонны к повторному совершению преступлений. Но для них уже невозможно возвращение к прежнему образу жизни.

При этом, совершая преступление, они четко осознают его вред и опасные последствия. По сравнению с осужденными бывшие сотрудники скорее не пользуются примитивными защитными механизмами проективного типа, то есть они не обвиняют в произошедшем жертв.

Факторный анализ данных опросника для диагностики представлений осужденных о жертвах преступлений, заполненного осужденными бывшими сотрудниками ПОО выявил специфику структуры их представлений о жертвах преступлений.

Трехфакторная структура представлений осужденных бывших сотрудников

о жертвах преступлений (см. табл. 2) является специфичной и отличается от структур представлений правопослушных респондентов и осужденных.

По нашему мнению представления осужденных - бывших сотрудников о жертвах трансформируются профессиональным опытом и знаниями. Так первый фактор факторной структуры мы назвали **профессиональный взгляд** на проблемы жертв преступлений. Сотрудники, основываясь на профессиональном опыте, оценивают вероятность человека стать жертвой преступления, оценивают степень вины жертв преступления в случившемся, вероятность стать жертвой преступления у женщин и желания преступников и жертв.

Второй фактор состоит из утверждений, которые мы объединяем наличием эмоций. Мы назвали его **эмоциональный отклик жертвам** преступления. Этот фактор характеризуют утверждения, которые в большой степени разделяются испытуемыми. Они согласны с тем, что жертвы нуждаются в сочувс-

Таблица 2

**Факторная структура представлений о жертвах преступлений
в выборке осужденных - бывших сотрудников ПОО**

Factor Loadings (Varimax normalized) (Данные по осужденным - бывшим сотрудникам) Extraction: Principal components (Marked loadings are > ,500000)		
Factor 1	Факторн. нагрузка	Средние
1. Жертвы преступлений сами виноваты в том, что с ними произошло.	0,69	3,73
3. Женщины чаще мужчин становятся жертвами преступлений.	0,64	4,66
4. Любой человек может стать жертвой преступления.	0,63	6,39
13. Жертва преступления в первую очередь хочет возместить материальный ущерб.	0,57	5,49
15. Преступник желает чтобы потерпевший понял его переживания.	0,57	5,00
Factor 2		
5. Жертва и преступник могут примириться.	0,70	5,44
6. Жертва нуждается в сочувствии.	0,69	5,05
7. Жертва преступления хочет, чтобы преступник понес наказание.	0,55	5,46
10. Жертва преступления может простить преступника.	0,63	5,49
14. Жертва преступления боится преступника.	0,66	5,02
Factor 3		
2. Жертвы преступлений сами часто совершают преступления.	0,73	4,73
9. Потерпевший от кражи страдает меньше, чем потерпевший от ограбления с применением физической силы.	0,71	4,85
11. Кражи с предприятий должны наказываться менее сурово, чем кражи личного имущества.	0,61	3,98

твии, могут простить преступника и примириться с ним, но при этом боятся и хотят наказать его.

Третий фактор мы назвали **защитным**. Он объединяет утверждения, которые позволяют рационализировать преступное поведение за счет снижения оценки его вреда для жертв. И приписать им преступный характер жизни, и тем самым расценить преступление как справедливое наказание жертв.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что особенности профес-

сии накладывают отпечаток на представления осужденных - бывших сотрудников о жертвах преступлений.

Они представляют жертв преступлений профессионально шаблонно, при этом эмоционально откликаются на проблемы жертв и защищаются от этих эмоций. То есть можно предположить, что образ жертвы у них двойственен, есть далекая шаблонная жертва, которую они продолжают воспринимать как профессионалы, и есть жертва преступления, которую они воспринимают

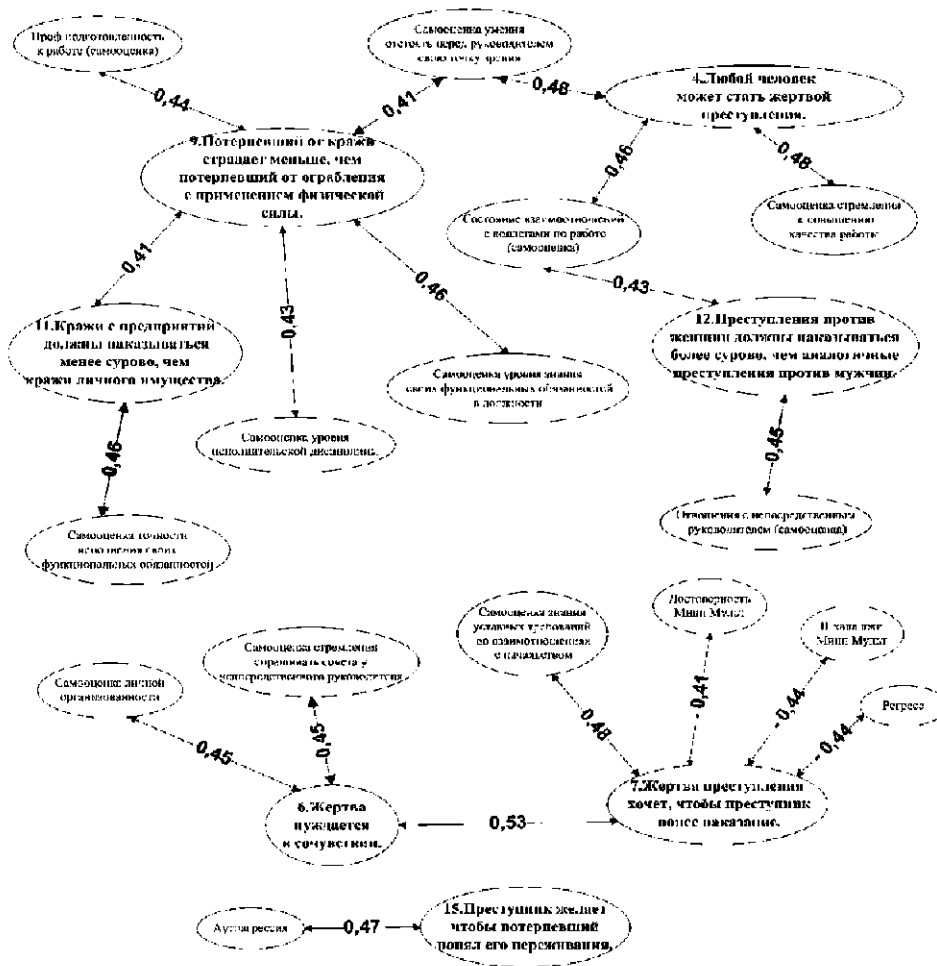

Рис. 4. Корреляционная плеяда утверждений о жертвах преступлений с показателями других опросников (выборка осужденных - бывших сотрудников ПОО).

с эмоциональным откликом и пытаются защищаться от этих эмоций.

Особенности связи профессионального взгляда на мир у осужденных - бывших сотрудников и их представлений о жертвах иллюстрируются данными корреляционного анализа (рис. 4).

Из корреляционной плеяды мы видим, что если осужденный - бывший

сотрудник ПОО высоко оценивает себя как профессионала, обладающего профессиональными знаниями, знанием функциональных обязанностей по должности, умеющего отстаивать свою точку зрения, дисциплинированного, он склонен относиться к жертвам преступлений шаблонно. Он полагает, что жертва кражи страдает меньше, чем жертва

ограбления с применением физической силы. То есть он рассматривает страдания жертвы как реакцию на физическое насилие и не учитывает переживания жертв кражи. В то же время исследования показывают, что интенсивность негативных переживаний у жертв краж так же высока как и у жертв физического насилия⁴.

Таким образом, на основе анализа данных можно утверждать, что если бывший сотрудник высоко оценивает себя как профессионала, то его представления о жертвах шаблонны и носят защитный характер.

Вероятно, что структура профессионального самосознания сотрудников ПОО содержит шаблонные деперсонализированные представления о жертвах преступлений. Данная гипотеза нуждается в дальнейшей проверке на расширенной выборке, включающей действующих сотрудников ПОО.

Обобщая приведенный выше материал, отметим, что по сравнению с осужденными бывшие сотрудники скорее не пользуются примитивными защитны-

ми механизмами проективного типа, то есть они не обвиняют в произошедшем жертв, но как показывает факторный анализ они скорее склонны рационализировать случившееся, возлагая вину за преступление на внешние факторы (общество, обстоятельства и др.). Этот факт проясняет направления исправительной работы с этими осужденными, включающие в себя идентификацию и проработку имеющихся у них сложных защит, построенных по типу рационализаций и реактивных образований.

¹ Шнайдер Г. Криминология: Пер. с нем. / Под общ. ред. и с предисл. Л. О. Иванова. - М.: «Прогресс» - «Универс», 1994. - С. 367.

² Андреева Г. М. Психология социального познания: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Издание второе, перераб. и доп. - М.: Аспект Пресс, 2000. - С. 115-117.

³ Сочивко Д. В. Гендер организованной преступности. // Прикладная юридическая психология. Научно-практ. журн. - 2007. - №1. С. 52-63.

⁴ См. подробнее: Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание: Пер с англ. / Общ. ред. Л. М. Карнозовой. - М., 1998. - 328 с.

Психология молодежных субкультур, или «Хлеба и зрелищ» на современный лад

Д. В. Сочивко

В настоящее время молодежные субкультуры различных слоев Российского общества, а также складывающиеся в различных учебных и иных учреждениях, обретают все большее влияние на развитие современного молодого человека. Это влияние может принимать опасные формы в случаях криминализации или криминоподобности складывающихся в тех или иных субкультурах молодежи отношений, на что, в настоящее время обращают внимание многие авторы. С другой стороны, многие другие авторы внимания на опасность того, что любая молодежная субкультура является по существу проводником в социокультурное пространство криминальных влияний, вовсе не обращают. Чтобы убедиться в таком опасном влиянии, достаточно практически в любом вузе, в любой аудитории посмотреть на надписи на столах. Многие из них по присутствию ненормативной лексики тянут на 15 суток лишения свободы, а некоторые, содержащие призывы «Бей... (возможны варианты), спасай Россию» и на более длительный срок за разжигание национальной или иной какой розни. Интересно, известно ли об этой ответственности авторам надписей - представителям молодежной субкультуры.

С этой точки зрения изучение психологических механизмов формирования мировоззренческих установок и индивидуально-психологических особенностей молодых людей в современных условиях воспитания и развития в

России является чрезвычайно важной исследовательской задачей, решение которой позволит дать ответы на вопрос о тех средовых (семейных, учебных, социальных... др.) и об индивидуально-психологически-личностных детерминантах, которые лежат в основе формирования психологии современного молодого человека в пространстве социокультурных и субкультурных влияний. Только на таких обобщенных представлениях «социально-психологического портрета» молодежи может быть построена научно-обоснованная программа дальнейших исследований формирования и функционирования любой молодежной субкультуры в целом, независимо от той или иной ориентации, степени агрессивности, и, наконец, степени криминализации.

Прежде чем мы перейдем к анализу экспериментальных результатов, позволяющих простроить некоторые существенные компоненты социально-психологического портрета современной молодежи, представляется необходимым дать общее представление о том понимании «молодежной субкультуры», которого мы будем придерживаться в последующем изложении. В рабочем определении мы согласимся с теми авторами, которые рассматривают субкультуру как некоторый набор стереотипов поведения, в той или иной степени обязательный для принятия ее представителями. Однако, важными видовыми отличиями именно субкульту-

турных форм поведения от всех других (социокультурных, религиозных, ритуальных, например) являются, на наш взгляд, следующие особенности этих (именно субкультурных) стереотипов:

- Принципиальная протестность этих поведенческих проявлений, подчеркивающая отличительность представителя субкультуры. Эта протестность может носить более агрессивный (все не сидевшие лохи, их можно грабить, обманывать, даже убивать - тюремная субкультура, или скинхеды, тоже самое говорящие об инородцах, менее агрессивны футбольные хулиганы, они призывают всего лишь бить чужих болельщиков, и т.д.) или менее агрессивный характер, когда неуважительное отношение к представителям других слоев общества или других субкультур сводится всего лишь к выразительному «фи», как у готов или «поэтов». Иногда эта протестность принимает аутоагрессивные формы - суицидальную направленность (ЭМО, редко - готы). Эта протестность, как мы покажем ниже, является «битвой» молодежи за личное пространство, естественно битвой с ветряными мельницами, т.к. никто не ограничивает их личное пространство в области культурных проявлений (учебе, спорте, т.д....).

- Обязательная обостренность ощущений, порождаемая в результате реализации субкультурных стереотипов в поведении. Субкультурное общение направлено именно на обострение ощущений и переживаний. С этой точки зрения можно также ввести простой критерий субкультуры в отличие от культуры. Субкультурные отношения возникают там, где обычные ощущения и переживания гипертрофируются, доводятся до вы-

сокого уровня психического разогрева посредством многих социальных отражений в среде единомышленников.

В данном исследовании использовались методы биографического анкетирования и психодиагностические методы оценки тех или иных личностных проявлений. Что это за методы будет ясно из последующего изложения.

Всего было обследовано 307 человек, вошедших в следующие группы испытуемых

- Школьники сельской школы
- Молодые люди, состоящие на учете в инспекции по делам несовершеннолетних
- Курсанты Академии ФСИН России
- Студенты института Академии ФСИН России
- Осужденные воспитательной (женской) колонии
- Дополнительную выборку составляют осужденные мужчины молодежного возраста (до 25 лет)

Начнем наше описание с анализа результатов опроса о составе семьи обследованных категорий молодых людей приведены на рисунке 1.

Наибольшим неблагополучием, как это можно видеть, отличаются осужденные, они реже всего имеют полную семью (жили до осуждения с мамой и папой) и чаще всего жили только с мамой. Не на много, но все же чаще других категорий, осужденные ранее жили с папой, бабушками, дедушками. Характерным для этой категории является пик «живет только с мамой», который указывает на криминогенную роль безотцовщины (женского, маминого воспитания). У школьников этот пункт также выше, чем у других категорий испытуемых. Однако,

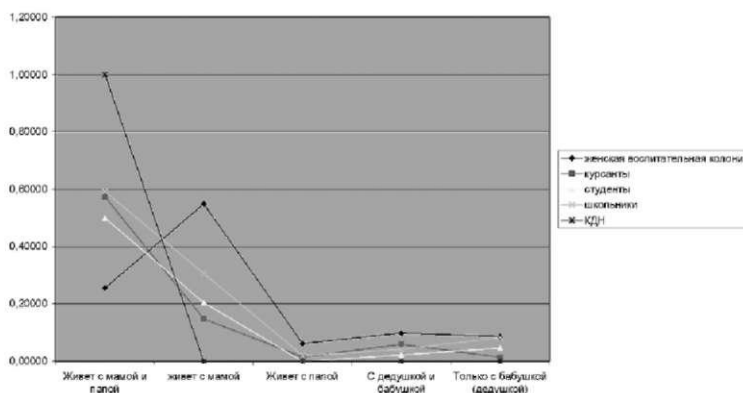

Рис. 1. Средние значения частот встречаемости полных и неполных семей, в которых воспитываются молодые люди.

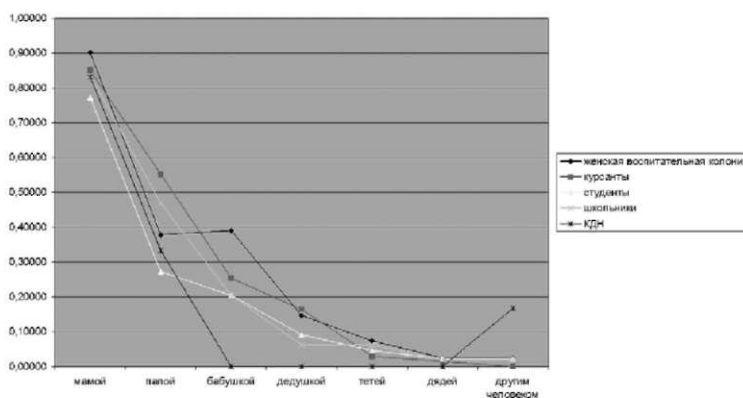

Рис. 2. Средние показатели «Кем преимущественно воспитывался» в разных группах испытуемых.

у них даже чаще встречается проживание в полной семье. Характерно, что представители небольшой группы КДН все живут в полных семьях.

Перейдем теперь к анализу некоторых особенностей процесса воспитания в детстве по собственным представлениям об этом молодых людей.

На рисунке 2 представлены оценки собственных представлений молодых людей о том, кто преимущественно осуществлял в детстве их воспитание.

Характерно, что состоящие на учете в КДН часто указывают на участие в воспитании другого человека, хотя все живут в полных семьях (см. выше). Что это за стороннее влияние еще предстоит выяснить. Также хорошо прослеживается роль бабушки в воспитании преступниц по группе осужденных девушек. А курсанты чаще воспитывались папой, возможно, это и повлияло на выбор ВУЗа.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что особенности семьи, в

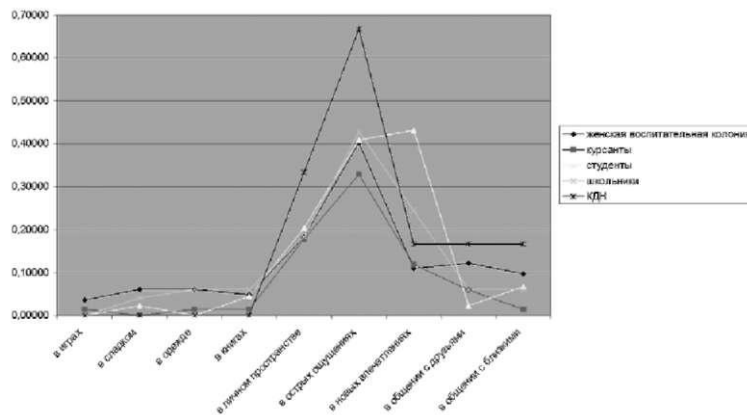

Рис. 3. Оценки дефицитов, испытываемых в детстве, в разных группах испытуемых.

которой вырос молодой человек оказывает несомненное влияние на характер их субкультурных отношений, в частности, и, возможно, в первую очередь, на ориентацию в субкультурном пространстве, выбор привлекательных (культурных - например, выбор вуза; и субкультурных - уличные группировки состоящих на учете в комиссии по делам несовершеннолетних) стереотипов поведения. Каков же механизм этих влияний. Одним из таких важнейших механизмов является **лишение** (наоборот - балование) ребенка в детстве в тех или иных сферах их потребностей.

Приведем результаты по оценке дефицитов, которые испытывал в процессе воспитания в детстве современный молодой человек (см. рис. 3).

Представители всех молодежных субкультур в первую очередь испытывают дефицит острых ощущений. Книжки, игры и даже одежда и сладкое уходят на третий план, на втором плане (по величинам средних оценок) общение с друзьями и близкими. Хорошо просматривается лозунг современной молодежной субкультуры «**Личного про-**

странства для острых ощущений». От языческого Рима отличает только отсутствие заботы о хлебе (кто-нибудь накормит). И только у студентов, видимо, под влиянием высшего образования просматривается некоторая конструктивная потребность также и в новых впечатлениях, т.е. в каком-то развитии.

Гипертрофированная потребность в острых ощущениях ведет подростка прямо в комиссию по делам несовершеннолетних (см. рис. 3).

Итак, выявленная ориентация на острые ощущения является действительно, как это мы и предполагали теоретически, основной специфической характеристикой современной молодежной субкультуры в целом, независимо от ее вида. Тот факт, что у студентов эта потребность соединяется с потребностью в новых впечатлениях, говорит о том, что среди студентов следует ожидать каких-то более интеллектуальных и менее агрессивных субкультурных образований, как, например, «поэты», «готы» или «эмо». В то время как трудный подросток скорее всего окажется под влиянием более агрессивных

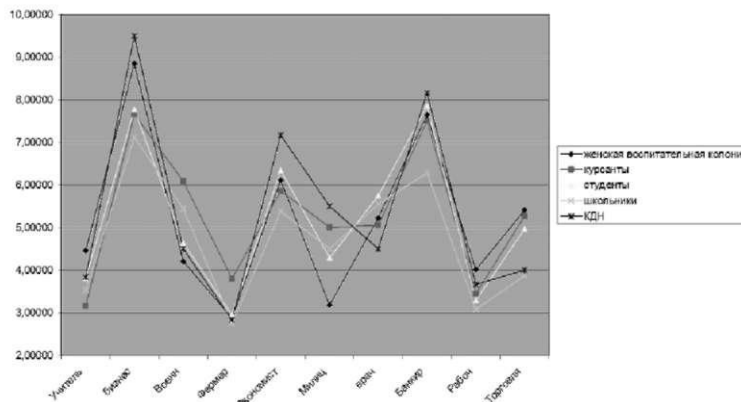

Рис. 4. Средние оценки престижности профессий в разных группах осужденных.

и примитивных субкультур с сильным чувством «мы» (против «они»), скинхедов, например.

Посмотрим теперь, как в этом субкультурном поле «острых ощущений» выстраиваются необходимые культурно-мировоззренческие установки молодых людей.

На рисунке 4 представлены явно субкультурно обусловленные представления испытуемых молодежного возраста о престижности основных профессий, о чем говорит хотя бы самая высокая оценка бизнес-профессий и самая низкая профессии милиционера осужденными. Бизнес обещает массу острых и приятных ощущений, милиционер - это даже уже не страшно. Характерно, что группа, состоящих на учете в «комиссии по делам несовершеннолетних» (КДН) прямо не повторяет осужденных. Эти испытуемые высоко оценивают не только бизнес-профессии, но и профессию экономиста, проявляя, таким образом, определенную серьезность в отношении к профессиональному становлению. Однако, общая ориентация на материальный достаток (для

острых ощущений) остается. Потребность брать, а не давать является ведущей в выборе профессии современной молодежи. Поэтому ниже всего оценки «учителя» и «фермера». При этом несколько выше оценки врача. Власть над человеческим здоровьем привлекает несколько больше, почти также как торговля. Впрочем, этот механизм (выбора профессии врача) известен еще со времен З. Фрейда.

Каковы в субкультурном пространстве острых ощущений представления о «хорошей жизни» в целом.

На рисунке 5 представлены средние оценки (по 10-балльной шкале) необходимых атрибутов хорошей жизни.

Эти представления опять же носят явно субкультурный характер, что подтверждается, например, такими фактами. Для осужденных наибольшей притягательностью, естественно, обладает «воля», скорее всего понятая как свобода, но не только. Воля к выживанию также является важной ценностью тюремной субкультуры. Для курсантов высокие оценки получают «друзья», «удача», «способности», «знакомства», а так-

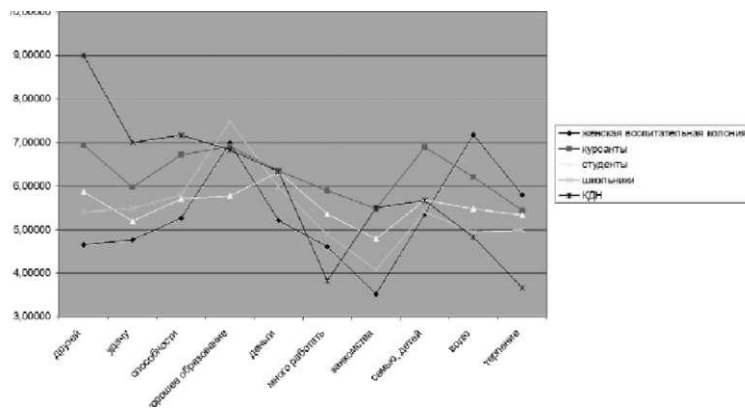

Рис. 5. Средние оценки предпочитаемых атрибутов «хорошей жизни» в разных группах испытуемых.

же наличие семьи и детей, что хорошо отражает именно курсантские субкультурные представления о хорошей жизни. Еще выше оценки наличия друзей и удачи (как атрибутов хорошей жизни) у состоящих на учете в КДН подростков, при этом они меньше всего ценят терпение и необходимость много работать, что представляет их спектр субкультурных представлений о «хорошей жизни». У курсантов эти понятия сформированы, что, видимо, удерживает их в рамках социокультурных представлений.

Интересно сравнить эти предпочтения с не менее субкультурными оценками основных помех «в жизни». Результаты опроса приведены на рисунке 6.

Больше всего помех испытывают, естественно осужденные, причем самыми мешающими факторами являются «ложь», «плохой характер» и «предательство». Это полностью отражает тюремные субкультурные «понятия», которые в первую очередь запрещают именно эти качества. Как ни странно, менее всего эти моменты мешают курсантам, что тоже определенным обра-

зом характеризует их субкультуру, где в частности ложь не такое уж тяжкое деяние, плохой характер и предательство тоже. Интересной представляется субкультура состоящих на учете в КДН. Им больше всего мешает предательство и необходимость принимать решения, а на друзей им почти наплевать.

И, наконец, «главное в жизни». Результаты представлены на рисунке 7.

В субкультуре осужденных утратили ценность «деньги», «карьера», «положение в обществе», «связи», «интересная работа» и, главное, «радость жизни». Характерно, что в группе КДН здоровье, деньги и положение в обществе являются самыми высоко оцениваемыми ценностями, а вот «радость жизни» также низка, как и у осужденных (и у школьников). Создается впечатление, что в субкультурах КДН распространено пустое фантазирование и хвастовство (о невозможной карьере, например). Общение и радость жизни более всего характеризуют курсантов, которые не забывают также о связях и положении в обществе.

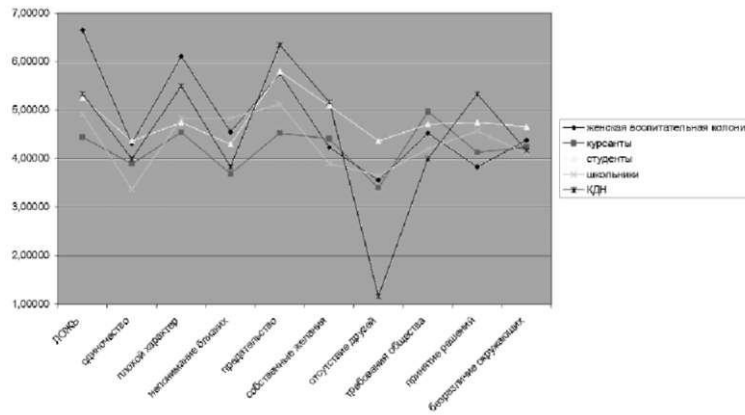

Рис. 6. Средние оценки основных помех в жизни в разных группах испытуемых.

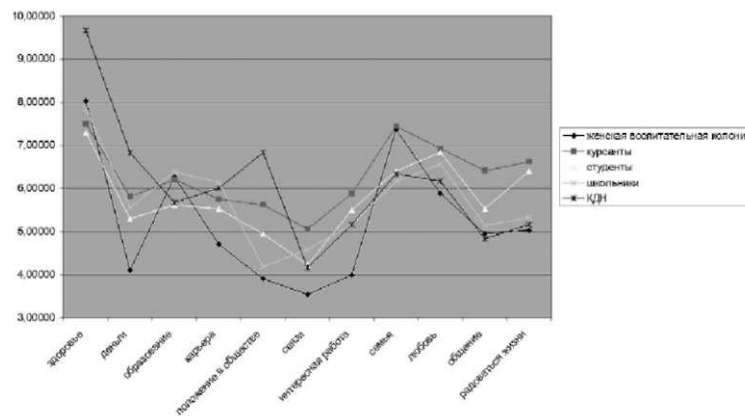

Рис. 7. Средние показатели оценки «Главное в жизни» в разных группах испытуемых.

На рисунке 8 представлены средние представления испытуемых о том, каким нужно быть.

Представленные графики хорошо могут быть проинтерпретированы по ведущим пикам. Так в тюремной субкультуре нужно быть **здоровым и образованным**, в курсантской здоровым и семьянином, для подростков КДН - **здоровым и богатым**, школьники также хотят быть **здоровыми и** (в меньшей степени, чем осужденные) **образован-**

ными. Интересны двухпиковые графики у курсантов и студентов. Первые хотят быть **здоровыми и семьянинами**, а вторые **здоровыми и любимыми**. Для субкультуры курсантов больше важны стабильные социальные ценности, для студентов - индивидуально чувственные, духовные. Поэтому субкультура курсантов более формализована и иерархизована, чем студенческая.

Обратимся теперь к анализу того, какие социально-психологические

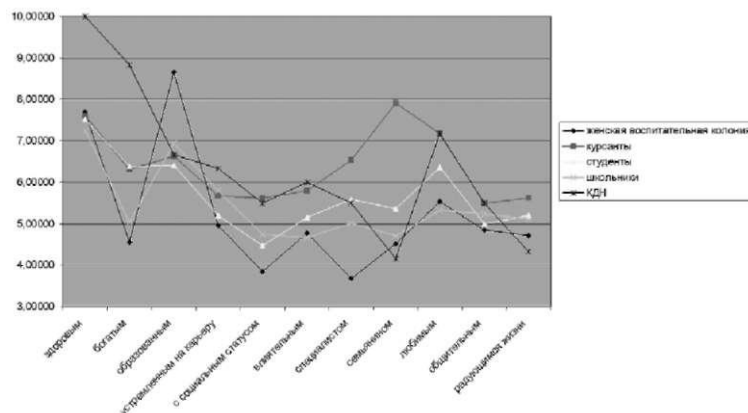

Рис. 8. Средние оценки «Каким нужно быть» в разных группах испытуемых.

особенности отличаются и формируются у представителей различных слоев современной молодежи в субкультурном пространстве.

Социально-психологические особенности поведения и общения

Тест К. Томаса. На рисунке 9 представлены характеристики индивидуально предпочитаемых стратегий поведения молодых людей в конфликтных и конфликтоподобных ситуациях.

Общей особенностью молодежных субкультур является низкий уровень выраженности стратегии сотрудничества, единственной стратегии, которой автор метода К. Томас придавал значение как конструктивной. Все остальные стратегии в той или иной степени ведут ко взаимному или индивидуальному проигрышу в ситуациях конфликта. Ниже всего сотрудничество выражено у студентов, субкультуру которых, видимо, характеризует большой индивидуализм. Достаточно понятно, что противостояние более всего характерно для группы, состоящих на учете в ПДН подростков. При этом именно для этой группы (как и у курсантов) характерен

наиболее высокий уровень выраженности сотрудничества, что, возможно, не достаточно учитывается в комиссиях по делам несовершеннолетних.

Студенты и курсанты более всего склонны к компромиссу. Если это влияние современного высшего образования, то вряд ли это хорошо. Для осужденных девушек характерно повышение уступчивости. Но это, очевидно, влияние именно пола. Для сравнения приводим график оценок по тесту К. Томаса у осужденных мужчин молодежного возраста (до 25 лет). Статистически значимые различия имеются здесь именно по уступчивости (см.рис. 9). Осужденных также отличает низкий уровень компромисса, что явно отражает элементы тюремной субкультуры, которая не отрицает компромисс, но относится к нему очень серьезно, поэтому компромисс рассматривается как нечто трудно достижимое.

Индивидуально-психологические особенности поведения и общения

Мы начинаем с описания самоотношения личности молодого человека в субкультурном пространстве. Окружаю-

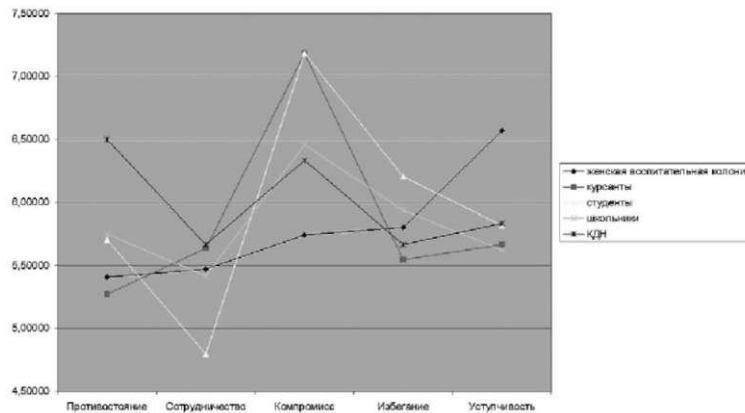

Рис. 9. Средние оценки стратегий поведения по тесту Томаса в разных группах испытуемых.

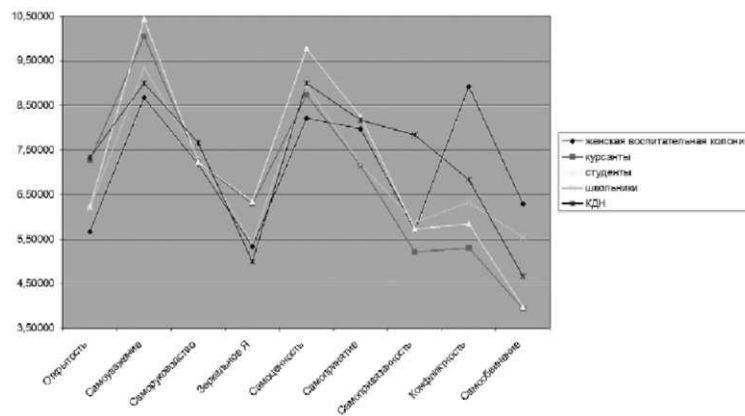

Рис. 10. Средние оценки по тесту «Самоотношение» в разных группах испытуемых.

щие сферы личности, «охраняющие» и «реализующие» самоотношение в субкультуре, это защитная сфера и сфера межличностных отношений. Развитие процессов самоидентификации в такой личностной структуре формирует уже актуальное состояние и настроение молодых людей, их готовность конструктивно (неконструктивно) себя вести. В такой последовательности мы и будем излагать экспериментальный материал.

Тест «самоотношение» Пантелеева. (Описание шкал «МИС» см. Фурманов И. А. Психодиагностика и психокоррекция в воспитательном процессе. Мн., 1992).

Значительное повышение средних оценок по 8-й и 9-й шкале наблюдается в группе осужденных (см. рис. 10), что говорит о высоком уровне дезадаптации, что характерно для мест лишения свободы. При этом в этой группе на-

блюдается самая высокая (низкие показатели) осознанность своего Я. Ниже осознанность своего Я у студентов и школьников, и самая низкая у курсантов и состоящих на учете в КДН.

У курсантов и студентов самое высокое самоуважение и они больше считают, что вызывают уважение у других людей. Кроме того, у студентов самая высокая самооценка. Похоже, что гордыня является некоторой существенной характеристикой этих субкультур, проявляющаяся, видимо, чаще всего в банальном хвастовстве. Наибольшей ригидностью Я-концепции отличаются представители группы КДН, неблагополучные подростки, не желающие меняться.

Возможно, в субкультурах подростков личностное изменение рассматривается как некоторая форма предательства.

Тест Плутчика. Психологические защиты. Психологические защиты достаточно хорошо известны со времен Фрейда, также и тест Плутчика опубликован во многих пособиях.

Из рисунка 11 можно видеть, что более всего защитное поведение выражено у осужденных, причем преобладают такие защиты как «регрессия», «проекция» и «замещение». Характерно, что самой низкой выраженность психологических защит именно по этим направлениям отличаются состоящие на учете в КДН. Эта несформированность защитной сферы (неспособность лукавить, проще говоря по-русски) является, видимо, существенным отличием субкультуры трудных подростков. Для студентов характерна меньшая концептуализация защит, а для курсантов преобладание примитивной защиты «отрицание» («это не я»).

Тест «особенности межличностных отношений». Согласно концепции Шутца этот тест предполагает анализ межличностного общения в трех направлениях: включение в общение, контроль общения, аффективность (эмоциональность) общения. Каждое из направлений представлено двумя видами оценок: я... (включаюсь - Ie, контролирую - CE, аффицирую - AE); я считаю, что другие хотят, чтобы я. (включался - IW, контролировал - Sw, аффицировал - AW).

Из рисунка 12 видно, что более всего включены в общение курсанты, они же более всего испытывают эмоции от общения. Состоящие на учете в КДН склонны к аффективному общению, но испытывают трудности при включении. При этом они больше уверены, что все хотят подчиниться их контролю. Осужденные девушки менее всего предполагают, что их хотят включить в общение, они также не очень настроены кого-то контролировать. Это прерогатива субкультуры курсантов. Студенты проявляют минимальную аффективность в общении, что, видимо, является отличием их субкультурных отношений (не высывайся, сиди тихо).

По всем полученным результатам и предложенным нами интерпретациям мы хотели бы сделать три вывода:

- Основной осью напряженности в субкультурном пространстве молодежи является требование (вторичная потребность): **«личного пространства для острых ощущений»**. Вокруг этой оси выстраивается не только вся психология современного молодого человека, но и вся психология тех, кто его воспитывает, что уже гораздо опаснее

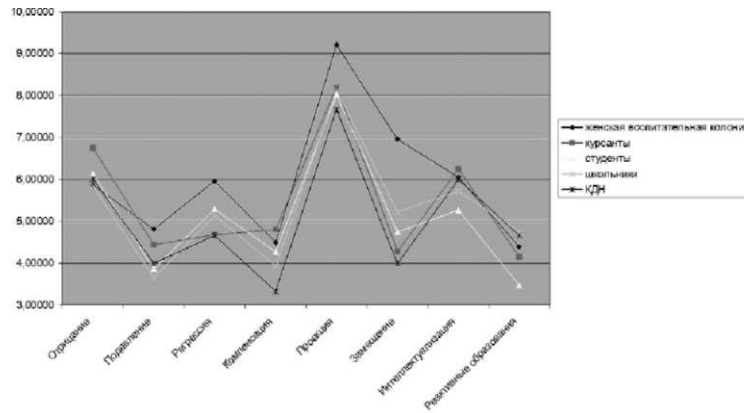

Рис. 11. Средние оценки психологических защит по тесту Плутчека в разных группах испытуемых.

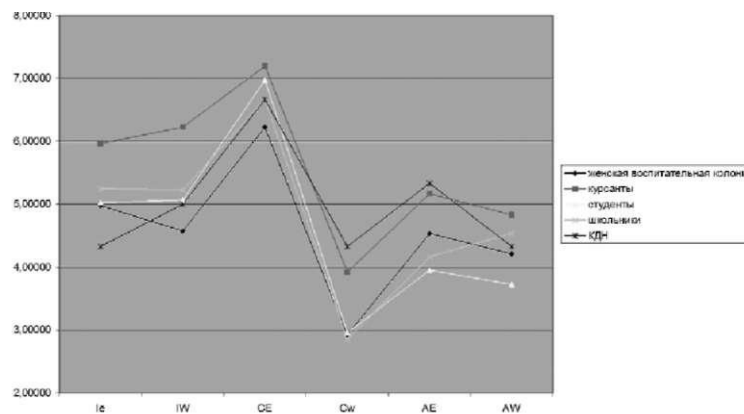

Рис. 12. Средние оценки характеристик межличностного общения в разных группах испытуемых.

и может вести к криминализации молодежной субкультуры. Что и происходит.

- Молодежная субкультура не только хорошо управляема, но она ждет своего управляющего. Факты, приведенные нами, редко когда учитывают педагоги, но уже учитывают криминальные авторитеты, чему свидетельство молодежные бунты в местах лишения свободы.

- Культурные влияния (особенности воспитания, демографические, со-

циально-психологические, социокультурные, средовые и т.д.) значительно сильнее субкультурных. Но этим систематически (на уровне государственной политики) или никто не хочет пользоваться, или пользуются в своих интересах (криминальные влияния). Отсюда и рост субкультурного общения в среде молодежи.

О состоянии и путях повышения качества диссертационных исследований по педагогике и психологии

И. Д. Фельдштейн

*Выступление 23 января 2008 года.
Российская академия образования*

Актуальность и острота рассматриваемой проблемы объективно обусловлены теми противоречиями, которые возникли и в современном образовательном пространстве, и в сфере научных знаний. Они связаны с преобразованиями в обществе, принципиально изменившими историческую ситуацию развития.

При этом особый интерес вызывают те огромные, реально произошедшие *изменения человека*, живущего, действующего в этой новой ситуации, изменения, которые у всех на слуху и в то же время наименее осмыслены.

Речь идет об изменениях восприятия, его структуры, содержания, ритмов и скорости приобретения информации, усиливающих правополушарную мозговую нагрузку, об изменениях потребностно-мотивационной и эмоционально-волевой сфер, пространства деятельности, структуры отношений, в том числе отношений между людьми, между поколениями людей, разрушении многих норм и принципов поведения.

И хотя эти изменения *фиксируются* в системе психологических и педагогических знаний, однако следует признать, что до сих пор не определен их объем и характер, не выявлены все тонкости и особенности развития именно современного человека, возможности оптимизации его образования.

Данное обстоятельство не просто резко повышает ответственность ученых-педагогов, психологов, но настоятельно требует разработки новых теоретических концепций, расширения исследований, выявляющих закономерности психического, психофизиологического, социального, личностного развития человека в ходе состоявшегося выхода его в открытое всемирное пространство, в том числе и через интернет, что изменяет характер и общения, и деятельности, и сознания, и мышления, и речи, а также структуру и характер педагогического взаимодействия, формы и содержание образования - обучения, воспитания, духовного развития как растущих, так и зрелых людей.

Обострилась насущная потребность постоянно-го взаимодействия педагогов и психологов в системной организации научного поиска по приоритетным проблемам, постановке и решению новых тем, новых задач, что предполагает проведение направленных в вышеотмеченном плане фундаментальных теоретических исследований, их сочетания с опытно-экспериментальными разработками, создание новых методик (диагностирующих, проектирующих, формирующих), структурирование на

новом уровне категориального аппарата, при углубленном определении основных педагогических и психологических понятий.

При этом педагогическая и психологическая науки не могут игнорировать своеобразный вызов со стороны других научных направлений и дисциплин, изучающих человека и его развитие - экзистенциализма, социальной антропологии, феноменологии, когнитологии, культурологии, понимающей социологии, семиотики, информатики. Актуализировалась необходимость выработать определенное отношение к полученным в этих научных областях представлениям, более энергичной работы «на стыке» с ними. Важно учитывать и тот факт, что сегодня в самом состоянии научных знаний произошли глубинные изменения, связанные с расшатыванием устоявшихся позиций и принципов классического рационализма, в частности, монологичности подходов, окончательности истин и т.д. Наука, современное научное знание как таковое совершенствуется, расширяет возможности, впитывая наиболее конструктивные способы познания и действительности, и человека, его сознательного и бессознательного, что диктует новые подходы, выработку новых парадигм.

Между тем следует признать, что реальное состояние психолого-педагогических исследований, при разном, разумеется, уровне их проведения, в настоящее время по многим параметрам не соответствует требованиям, предъявляемым современной действительностью.

И хотя, как отметил пленум ВАК Минобрнауки России, состоявшийся 17 декабря 2007 г., несмотря на имевший место тяжелый кадровый кризис в научно-образовательной сфере (когда число исследователей в стране сократилось в 1991 г. более чем в три раза), произошел *ныне* резкий рост числа аспирантов (с 63317 человек в 1995 г. до 146111 человек в 2006 г.), причем, более 50% аспирантов приходится на общественные и гуманитарные науки. Не случайно в последние несколько лет существенно возросло число диссертационных исследований по психолого-педагогическим специальностям.

Показательны статистические данные по докторским диссертациям, утвержденным ВАК России в 1996-2007 гг. (см. табл. 1).

То есть число докторских работ по педагогике возросло со 126 в 1996 г. до 214 в 2007 г., а по психологии - с 27 в 1996 г. до 46 в 2007 г.

Еще более впечатляют статистические данные по кандидатским диссертациям, утвержденным ВАК России в 1996-2007 гг. (см. табл. 2).

Такое резкое увеличение числа диссертационных исследований по педагогике и психологии обус-

Таблица 1

Годы	Отрасли наук		Всего
	Педагогические	Психологические	
	Количество за год		
1996	126	27	153
1997	144	22	166
1998	189	35	224
1999	247	47	294
2000	257	64	321
2001	249	42	291
2002	221	43	264
2003	254	47	301
2004	231	50	281
2005	248	44	292
2006	196	54	250
2007	214	46	260

Таблица 2

Годы	Отрасли наук		Всего
	Педагогические	Психологические	
	Количество за год		
1996	940	213	1153
1997	1063	213	1276
1998	1135	275	1410
1999	1662	416	2078
2000	2167	508	2675
2001	1938	349	2287
2002	2086	537	2623
2003	2295	490	2785
2004	2367	621	2988
2005	2794	730	3524
2006	2746	807	3553
2007	2654	784	3438

ловлено комплексом причин. Среди них, во-первых, демократические преобразования, создавшие известную свободу для научного творчества практических работников системы образования, повысившие их интерес к научному осмыслению своей деятельности; во-вторых, введение в штаты школ, лицеев, гимназий, колледжей должности заместителя директора по научно-методической работе, а

также методиста, и организация во многих из этих учреждений специальных кафедр; в-третьих, материальные стимулы, ибо работник средней школы, защитив диссертацию и приобретя искомую ученую степень, по сути, автоматически получает максимально возможный разряд оплаты труда по единой тарифной сетке; в четвертых, сама престижность ученой степени, получение которой и

равняет педагогов средней школы с преподавателями вуза, и обеспечивает уважительное отношение к школе со стороны местных властей.

Но, к сожалению, наша образовательная система не получает в результате всех многочисленных психолого-педагогических исследований необходимого научного ориентирования, а главное, *рост* числа педагогических и психологических диссертаций сопровождается тревожным *снижением* их научного потенциала.

Это не значит, что нет серьезных исследований. Разумеется, есть. Однако речь идет не просто о наличии при этом известного числа слабых работ. Дело в том, что многие педагогические и психологические исследования, выносимые на защиту сегодня, не выходят из десятилетия назад проложенной колеи традиционных подходов, выполняясь вовсе не на основе глубокого проникновения в сущность явления, не путем тонких и длительных экспериментов, кропотливой штучной работы. В итоге нередко исследование просто имитируется.

Никоим образом не ущемляя права научных работников на творческий поиск и самостоятельность в выборе темы исследования, представляется недопустимым создавшееся положение с бисерностью, удручающим мелкотемьем диссертационных работ. При этом многие важные проблемы не ставятся, не исследуются.

Отсутствуют широкие проблемные пространства, формирующие иерархию тем, которые разорваны, не связаны с общей проблематикой, разрабатываемой научно-исследовательскими институтами и вузами.

При анализе педагогических и психологических исследований эксперты ВАК сталкиваются с надуманностью и банальностью многих диссертационных тем, прикрываемых порой экстравагантностью их формулировок.

Показательны, например, следующие темы докторских диссертаций, которые по научно-теоретической значимости, емкости рассматриваемых проблем не соответствуют искомой ученой степени.

«Библиотечная реклама как компонент информационной культуры» (Московский институт культуры и искусства). Это скорее название статьи, но не тема диссертационного исследования. Или «Теория и практика совершенствования содержания образования и пути повышения качества знаний учащихся». Что имеется в виду: всего образования и всех учащихся независимо от возраста? Перед нами возможная тема доклада на августовском совещании учителей, но не тема исследования, представляемого на соискание ученой степени. Другая тема: «Теория и практика подготовки студентов педагогического вуза к профессиональному самоопределению школьников» (непонятно, как можно готовить студентов к самоопределению детей?). А какое направление в науке могут открыть докторские диссертации на тему - «Образование как средобусловливающее пространство здорового образа жизни субъектов педагогического процесса» (Магнитогорский государственный университет); или «Развитие региональной психоло-

гии - на примере Тверского края» (Ставропольский государственный университет). В этом же университете выполнялось и защищалось диссертационное исследование «Специализированная психологическая помощь подросткам диапазона нормы - акцентуации с индивидуально-типологической органической predisпозицией мозга». Во-первых, Экспертный совет определил, что данная работа и по направленности, и по содержанию не соответствует заявленной специальности 19.00.01 (общая психология, психология личности, история психологии), а должна была быть отнесена к специальности 19.00.04 - медицинская психология. Во-вторых, полученные автором на основе опросника данные не были подкреплены результатами клинико-психологического анализа. В-третьих, в работе содержатся сомнительные рекомендации, сделанные на основе материалов, носящих ситуативный характер и сделанных неспециалистом. Президиум ВАК отменил решение о присвоении данному соискателю искомой ученой степени. Докторская диссертация «Теоретические основы педагогического моделирования в соревновательной деятельности спортсменов в русской лапте», была защищена в Удмуртском государственном университете. Но практически вся эта диссертация свелась к разработке методических рекомендаций по организации тренировочного процесса в русской лапте. Не случайно Президиум ВАК отменил решение диссертационного совета.

Другая работа «Исследовательская деятельность студента колледжа как фактор его личностно-профессионального становления» (защищалась в Дальневосточном государственном гуманитарном университете) содержит общезнаемые, банальные положения, ничем не обоснованные выводы. В этом же диссертационном совете выполнена и докторская диссертация «Тестирование обученности как средство развития обучаемости». Показательно, что после обсуждения этой работы на Экспертном совете ВАК (кстати, научным консультантом данной диссертации выступал доктор *химических наук*) соискатель снял ее с дальнейшего рассмотрения («осознав», после того, как выслушал вопросы экспертов и не нашел на них ответа, что еще не готов к получению искомой ученой степени).

Также «осознав» свою несостоятельность и автор докторской диссертации «Психологические механизмы и педагогические основы патриотического воспитания в системе профессионального образования» (Московский госуниверситет технологий и управления). Экспертам не удалось обнаружить в названном исследовании ни механизмов, ни основ.

Сняли с дальнейшего рассмотрения свои диссертации на тему «Этико-педагогическая система формирования социально-нравственной ориентации подростков» соискатель докторской степени из Адыгейского госуниверситета; на тему «Мотивационная основа развития общих умственных способностей» соискатель из Новосибирского государственного педагогического университета; «Концепция и технология развития обучающихся в

вузе ГПС МЧС России», соискатель из Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России (позднее будут приведены данные о количестве отклоненных ВАК и «снятых» самими соискателями работ за последние два года).

Вызывает, по меньшей мере, недоумение тот факт, что огромное число диссертаций начинается со слов «Теория и практика...», или, еще чаще - «Основы...» (педагогические основы, теоретические основы, теоретико-методологические основы, теоретико-методические основы, научно-методические основы, методологические основы - сплошные основы!). Например, «Теоретические основы педагогического проектирования личностно ориентированных электронных образовательных ресурсов и сред». Сотни основ - свыше 100 докторских с таким названием поступили в ВАК за 2 последние года.

Но если это действительно основы, то их не может быть слишком много по определению.

Характерно, что некоторые темы кандидатских диссертаций, как ни странно, сформулированы значительно лучше, чем диссертаций докторских.

Известно, что в теме диссертации должна отражаться решаемая проблема, должен быть понятен всем ее научный смысл и значимость. Однако как найти его, например, в следующих темах диссертаций: «Современная концепция проектирования и реализации системы социального партнерства на основе программно-целевого педагогического менеджмента» (Тольяттинский государственный университет); «Системная ориентация проектно-творческой деятельности на саморазвитие конкурентоспособности студентов инженеров-технологов» (Казанский государственный университет); «Развитие педагогического кадрового потенциала современного инновационного университета в процессе диверсификации образования» (Институт образования взрослых РАО); «Практико-ориентированный подход в социально-экономической подготовке учащихся как условие обучения предпринимательству» (Южный федеральный университет).

И хотя под «невнятным» названием может порой выступать и достойная работа, но подобные названия (а их список может быть значительно дополнен) свидетельствуют о неумении диссертанта сформулировать, вычленив защищаемую проблему.

Однако тревогу вызывают не только и не столько названия диссертационных исследований.

Экспертиза показывает, что во многих работах отсутствует четко артикулированная авторская концепция. Соискатели не умеют определить предмет, объект исследования. Цель и задачи исследования, гипотеза и положения, выносимые на защиту, недостаточно согласуются. Сделанные по результатам исследования выводы слабо коррелируют с положениями гипотезы и не раскрываются содержательно.

Диссертанты нередко используют нетрадиционные термины и фразеологизмы, новые понятия, которые не считают нужным определять, их смысл и содержание не раскрываются. Например,

вместо «методы», «средства» появляется «многомерный инструментарий педагога». При переводе подобных формулировок «с русского на русский» становится очевидной их банальность по существу. Во многих работах используются громоздкие словосочетания; например - здоровьесберегающие, здоровьесформирующие, здоровьесовосстанавливающие, здоровьесориентированные, здоровьесупрессивные, здоровьесодержательные и т.п. терминологии.

На защиту зачастую выносятся тривиальные положения, которые вовсе не нуждаются в защите.

Например, на защиту выносятся (под номерами): «комплекс педагогических условий», способствующих тому-то и тому-то; «методический комплекс» в контексте такой-то подготовки. Невозможно понять, что тут защищается. Какой комплекс? Какие условия? Или читаем: «в сознании субъекта существуют в различной мере осознаваемые им представления» о том-то и о том-то. Кому не ясно, что представления в сознании могут сосуществовать и осознаваться неодинаково? Другой пример: «.типом взаимодействия, содействующего личностному развитию детей, является помогающее взаимодействие». Что тут защищать, что требует специального исследования? Никто же не станет возражать, что детям надо помогать.

Многие диссертационные работы характеризуют соединение разнородных, лишенных внутренней связи, плохо совмещаемых друг с другом идей и положений, небрежность изложения и цитирования, смысловые ошибки, ссылки на труды, которые не имеют никакого отношения к изучаемой проблематике. Полученные в исследовании факты зачастую не получают содержательной интерпретации.

Имеются случаи, когда соискатель кандидатской степени в первой теоретической главе, исходя из концепции своего научного руководителя, излагает его позиции (что общепринято и правильно), но не разворачивает их в своих построениях. Более того, вторая его глава - экспериментальная - оторвана от теоретической по существу, т.е. логически работа не представляет собой завершенного диссертационного исследования.

Несмотря на появление в последние годы интересных и перспективных исследований по педагогике и психологии, расширение их теоретической и эмпирической базы, повышение внимания к эксперименту, имеет место: узкий научный кругозор и наивный эмпиризм многих соискателей; неспособность последовательно и системно развернуть тему исследования; засилие беспредметного теоретизирования; низкий уровень идентификации выполняемой работы с существующими в науке подходами, традициями (что ведет к «местечковости» и «клановости» самосознания автора); подмена понятий, оторванность исследования и от теории науки, и от практики, порождающие уход от реальной науки в область манипуляций с языком (придумывание, как уже отмечалось, сомнительной терминологии, не отвечающей смыслу научного поиска); экспериментальная слепота, состоящая в слабой прогнозируемости результатов

опытных разработок, их уместности, обоснованности, глубине и эффективности воздействия; недостаточная корректность применяемых методов и методик; элементарная безграмотность как в научном языке, так и в русском языке.

В целом, как ни тяжело это констатировать, наблюдается «разначивание» большого пласта психолого-педагогических диссертационных работ. Разрушаются сами основы диссертации с позиций культуры научного мышления и научного поиска. У немалого числа соискателей ученой степени потеряно и чувство видения проблемной ситуации, и чувство ответственности за собственную научную позицию.

Среди причин создавшегося положения и низкая культура научного труда, и низкий методологический уровень определенного числа исследователей.

В известной мере утеряны и критерии научной работы. Например, еще в недавнем прошлом написание и издание монографии, решающей определенную проблему, не означало однозначной возможности использования ее как диссертации. Ныне же нередко уже после подготовки книги из нее искусственно вытягивается гипотеза. А простой сбор большого материала преподносится порой не как лаборантский, а как исследовательский труд.

Непонимание сути научной деятельности и отсутствие ответственности за нее открывает путь к компиляции.

Это результат, помимо всего прочего, и того, что сейчас практически во многих вузах и НИИ отсутствует процесс специального обучения научной деятельности - умению сформулировать гипотезу, поставить задачи, определить методологические основы. Происходит путаница, например, комплексного метода с комплексным подходом, отсутствует мировоззренческая позиция, видение научного пространства.

Надо ли удивляться, что многие педагогические и психологические исследования страдают эклектикой, иррационализмом, схоластикой, неумением высказать свою точку зрения.

Другая группа причин снижения качества диссертационных исследований связана с ослаблением требовательности тех, кто обеспечивает подготовку научных кадров - руководителей аспирантов, рецензентов, оппонентов.

В том, что выбор и утверждение темы немалого числа диссертаций не определяется актуальными базовыми задачами, носит случайный характер, представляет собой некий локальный вариант, который не подразумевает продолжности исследования и связи с другими, задела на будущее - серьезная вина не только соискателей, но и кафедр, лабораторий, ученых советов вузов, НИИ.

Нельзя снимать вины и с Экспертного совета ВАК, который все еще недостаточно четко выполняет требования, ясно записанные в Положении о присвоении ученых степеней, где однозначно указано, что докторская диссертация должна решать крупную научную проблему, открывать новое направление в науке, то есть это не просто обобщение каких-то материалов, а результат пролонгиро-

ванного научного поиска, творческая постановка и решение важнейшей задачи. Поэтому имя нового доктора наук, как правило, должно быть знакомо научному миру по его многочисленным трудам, или этот исследователь должен совершить действительно научное открытие.

Между тем, на защиту докторских диссертаций, кроме людей, для которых такая работа - итог их научной деятельности, людей, глубоко понимающих и отстаивающих свои научные позиции, свои научные идеи, выходят, к сожалению, иногда и люди, не подготовленные к научной работе.

Остро назрела необходимость повысить ответственность диссертационных советов, принимающих к защите работы, авторы которых не умеют сформулировать проблему, структурно-содержательно оформить ее, показать результативность проведенного исследования. В итоге наблюдается массовое представление диссертационными советами заключений, где так формулируются научная новизна и теоретическая значимость защищаемых работ, что из них совершенно не видно, действительно ли решена в докторской диссертации крупная научная проблема, представлено реальное научное достижение.

Нередко диссертационный совет (понятно, с подачи соискателя) перечисляет объекты или проблемы, которые исследовались. Такое перечисление иногда занимает несколько страниц, но не говорит о результатах исследования, о том, какие новые научные положения, идеи выдвигаются, какие новые факты открыты и т.д. Другой типичный недостаток - завышение достоинств диссертации, которыми она на самом деле не обладает. Часто встречаются и такие бессодержательные шаблоны: «диссертация является первой специальной работой по такой-то тематике» (слово «первый» еще ничего не говорит о научном уровне), «в диссертации применен системный подход к проблеме...» (но в чем заключается эта системность, не говорится). Или «выявлен», «теоретически обоснован» и «экспериментально проверен» комплекс педагогических условий, реализация которых повышает эффективность подготовки человека в образовательной системе. Но ведь это не описание вполне определенного результата, а напоминание об общей схеме почти любого исследования (в любой диссертации «выявляют», «обосновывают», «проверяют» ради улучшения какого-то дела).

Рассмотрим несколько конкретных примеров:

Так, докторская работа «Психологические условия и средства развития пространственного мышления личности». В заключении утверждается, что *«на основе теоретического и экспериментального исследования разработана концепция непрерывного развития пространственного мышления»*. Но что за концепция, в чем ее суть, не указано. Далее: «выявлен комплекс психологических условий и средств, способствующих успешности развития пространственного мышления». *Какие условия, какие средства?* Далее: «разработаны методы активизации познавательной деятельности». *Какие методы* - остается неизвестным.

Другая докторская работа - «Теория и практика формирования профессиональной готовности учителя физической культуры». Каковы научная новизна и теоретическая значимость исследования? «Обоснованы сущность и критерии профессиональной готовности учителя физкультуры». Но в чем сущность, каковы критерии - остается тайной. Далее: «разработана модель профессиональной готовности» (а в чем она состоит - не известно). «Раскрыты содержательные стороны личностно-ориентированной деятельности будущих учителей физкультуры, определяющие технологию формирования их профессиональной готовности». В чем же они состоят - не раскрывается.

Не менее «впечатляет» научная новизна диссертации «Формирование методологической культуры учителя-исследователя». Здесь, оказывается: «разработана концепция формирования, основанная на синтезе культурологического, когнитивного и гуманистического подходов, взаимосвязи и взаимодействии профессиональных знаний, а также ценностей, мотивов, убеждений, идеалов учителя».

Очень хотелось узнать, в чем состоит эта новая концепция, но сделать это не удалось, в том числе и на экспертном совете ВАК. В этой работе, оказывается, «обоснован: «компонентный состав методологической культуры». Но в чем он заключается - не известно. Более того, здесь: «обогащено содержание формирования методологической культуры на 4-х уровнях - философском, общенаучном, конкретно-научном, технологическом». И, наконец, «*обосновано* методологическое обеспечение инновационных преобразований школы». В результате анализа данного околонучного творения экспертный совет ВАК не рекомендовал присваивать соискателю ученую степень, и Президиум ВАК отменил решение диссертационного совета.

Возьмем другую работу - «Педагогические основы подготовки юношей старшеклассников к военной службе». Безусловно, тема очень важная, актуальная и нужная. Тем более что известно отношение немалой части молодежи к военной службе. Так как же предлагается изменить эту ситуацию? Оказывается, диссертантом «разработаны пути обучения педагогов к решению актуальных задач воспитания в целом и подготовки к военной службе в частности». И это вся «новизна», которая указана в заключении диссертационного совета.

Или докторская диссертация: «Теория и практика развития образования в сельском районе в новых социально-экономических условиях». В чем же состоит, по мнению Диссертационного совета, теоретическая значимость данного нового крупного научного достижения: «определена теоретическая сущность концепции развития образования в сельском районе, составляющими которой являются - структурная модель методической службы, структурная модель технологии повышения педагогического мастерства и модель педагогического менеджмента». Но где эти модели? Может быть, действительно сделано открытие, а его скрывают? Читаем далее: «*теоретическая сущность* концепции содействует (на каком языке это написано?

Что не по-русски - точно!) углублению и обогащению современного понимания развития образования в сельской местности».

Можно ли требовать после таких заключений - уважительного отношения к педагогической науке?!

Напомним, что составление заключения по диссертации - это ответственность и компетенция не соискателя, а именно диссертационного совета.

Между тем, сегодня сложилось стойкое и постоянно подкрепляемое поступающими в ВАК Минобразования России документами впечатление, что диссертационные советы сплошь и рядом бесприлично относятся к формулировке заключений. Тревожно, что это стало своеобразной традицией, которую необходимо срочно преодолеть.

Содержащиеся в заключениях диссертационных советов оценочные суждения (о том, что исследование «глубокое», «разностороннее», «скрупулезное» и пр.) мало что сообщают по существу. Необходимо конкретное содержательное описание результативного вклада соискателя в контекст науки. Какое знание произведено в отличие от имеющегося, в чем его новизна и полезность? - вот вопрос, на который должен содержаться ответ в заключении Совета. Если при этом иметь в виду полезность произведенного научного продукта, то здесь надо признать значимыми не только нужды обслуживания практики, но и нужды внутринаучные. А именно, например, теоретическое упорядочение понятийного строя науки, разработка новых методов исследования и тому подобное очень важны для поддержания и развития внутрипрофессиональной культуры в области педагогики и психологии.

Нужно, что называется, «не жалея бумаги», конкретно раскрывать специфику, смысл, функциональную нагрузку произведенного нового научного продукта, не злоупотребляя при этом словами, понятными лишь узким специалистам, не зашифровывая известные вещи новыми «сверхнаучными» словечками, но пользуясь, повторим, общепонятным языком. Разумеется, это не снимает необходимости употребления профессиональных терминов.

Не менее важное требование к диссертационным советам связано с числом публикаций соискателей. Напомним вновь, что по Положению диссертант должен либо открыть новое направление в науке, либо решить крупную научную проблему. И речь здесь идет не о краткой формуле Альберта Эйнштейна, а о сфере гуманитарно-общественных наук - педагогики, психологии, где объем публикаций свидетельствует о подготовленности соискателя, достаточности его научного потенциала, его «вписанности» в научную деятельность. К нашему общему стыду (хотя категория «стыд» в психолого-педагогической науке проработана слабо) многие соискатели не владеют литературой по своей теме, включая и те труды, которые значатся в библиографии их диссертаций, «вырывая» цитаты из контекста работ других авторов.

При этом не только качество, но даже количество публикаций определенного числа людей, выхо-

дующих на защиту, вызывает серьезные вопросы. Один из них связан с тем, что у ряда будущих докторов наук из 25-30 публикаций 40-50% составляют тезисы, причем, опубликованные по месту жительства соискателя.

Имеются случаи, когда в качестве основного научного продукта представляется докторантом книга тиражом в одну сотню экземпляров, громко именуемая научной монографией. Видимо в ряде Советов не вполне ясно понимают, для чего существуют публикации. Ведь они должны делать автора известным научной общественности. А сто экземпляров книги - это для кого? Презентовать оппонентам и нескольким членам диссертационного совета.

Рассмотрим для иллюстрации ряд примеров. По работе «Специфика изучения произведений русской литературы в старших классах гуманитарного профиля»: имеется 20 работ, в т.ч. два практикума для студентов, 2-е методических рекомендаций по 0,6 п.л. и 8 тезисов (выполнена в Ульяновском государственном университете). По диссертации «Краеведческая библиография в системе российской библиографии»: из 30 работ имеется одна *депонированная монография* и 12 тезисов. Это подарок науке и стране от Краснодарского государственного университета. По докторской работе «Типология школьного анализа эпических произведений в старших классах»: 26 работ, в т.ч. обзорный анализ художественного текста, два практикума, обозначенные как монографии и 12 тезисов. По исследованию - «Теория и практика педагогической поддержки саморазвития жизнеустойчивости студентов технического вуза» имеется 22 публикации, в т.ч. 12 тезисов (Хабаровский государственный педагогический университет).

Нельзя не указать и на существующие риски фальсификации публикаций в журналах, рекомендованных ВАК. Практика работы Экспертного Совета показала, что в авторефератах иногда называются несуществующие номера журналов, приводятся статьи, которые только планируются к изданию. При этом эксперт не имеет возможности проверить даже этот формальный момент, не говоря уже о содержании статей. А содержание тоже не всегда отражает основные результаты, полученные соискателем ученой степени, тем более не информативным является название статьи. Например, в статье Федорова С. Н. «Профессиональная культура педагога», опубликованной в ж. «Педагогика», № 2, за 2006 год, автор ведет речь о вопросах профессиональной деградации учителей, рассматривает негативные факты в системе управления образованием и в деятельности педагогического корпуса. И хотя статья публицистическая, не отражающая содержания диссертационной работы, но формально диссертант имеет требуемую ВАК публикацию. Поэтому эксперт ВАКа должен иметь в аттестационном деле не просто наименование, а копии статей, опубликованных в рекомендованных ВАК журналах.

Очень важно обратить внимание диссертационных советов и на организацию самой защиты, ее

характер. Необходимы научные дискуссии, порождающие новые идеи, открывающие новые перспективные линии исследования. Ведь защита диссертации - это особый тип научной деятельности - апробация, сопоставление разных мнений и т.д.

К сожалению, сегодня нередко процедура защиты проходит формально - задается 2-3 вопроса, в том числе и не по существу исследования, кроме официальных оппонентов выступают один-два человека, а затем начинается процедура голосования. В этом плане нас не может не тревожить практика работы ряда диссертационных советов. Например, при Вятском государственном гуманитарном университете, Адыгейском государственном университете, Институте образования взрослых РАО, Магнитогорском государственном университете, Московском государственном областном университете, Сочинском государственном университете туризма и курортного дела, Ставропольском государственном университете, Тамбовском государственном университете, Челябинском государственном педагогическом университете, Чувашском государственном педагогическом университете, Сибирском и Волгоградском государственных университетах физической культуры и ряде других. Обратимся для примера к Совету (Д.212.208.18) по педагогическим наукам при Южном федеральном университете. Здесь с 30 октября по 9 ноября 2007 г. было проведено подряд восемь заседаний, на которых состоялись 24 защиты, в том числе восьми докторских и 16 кандидатских диссертаций, причем, с удивительно обширным диапазоном - свидетельством либо необычной, буквально энциклопедической эрудиции членов этого Совета, либо их недостаточно ответственного отношения к экспертизе. Темы, защищенных здесь диссертаций простираются: от методологии социальной защиты детства - до истории архитектурного образования; от трансформации теорий и содержания биологического образования учителей - до педагогического проектирования учебного информационного веб-ресурса; от развития физической культуры детей 4-7 лет - до подготовки преподавателя к реализации здоровьесберегающего образования в вузе; от жизнетворческой среды как фактора развития студентов экономического колледжа - до воспитания правового сознания студентов в процессе изучения иностранного языка; от организации системы кредитного обучения в техническом вузе - до ценностно-смыслового развития студентов средствами художественного текста; от практико-ориентированного подхода в социально-экономической подготовке учащихся как условия обучения предпринимательству - до стратегического управления развитием регионального университета как исследовательско-ориентированного вуза; от воспитания толерантности студентов в процессе межкультурной профессиональной коммуникации - до теоретических основ педагогического проектирования личностно-ориентированных электронных образовательных ресурсов и сред.

При этом вызывает сомнение соответствие содержания некоторых диссертаций заявленной спе-

циальности. Например, работа по практико-ориентированному подходу в социально-экономической подготовке учащихся как условия обучения предпринимательству защищалась по специальности 13.00.01 - общая педагогика, история педагогики и образования (?!). А не относится ли она к специальности 13.00.08 - теория и методика профессионального образования?

Следует заметить, что Экспертный совет ВАК уже делал замечания данному диссертационному совету, более того, приглашал на свое заседание его председателя академика РАО А. А. Грекова, но это не привело к адекватной реакции.

Не случайно сегодня ВАК Минобрнауки РФ исключительно внимательно подходит к утверждению диссертационных советов, а в случае присвоения диссертационным советом ученой степени за работу, которая не отвечает требованиям ВАК, делает не более одного замечания, после чего приостанавливает деятельность такого совета.

Особо критически ВАК относится ныне к открытию докторских советов по педагогике в технических ВУЗах. Ибо, как правило, предлагаемый в них состав ученых бывает разнопрофильный и не создает необходимый научный потенциал для рассмотрения докторских исследований в области педагогики. Например, Ижевский технический университет представил состав докторского совета по педагогике, в который рекомендованы специалисты по политологии, физкультуре, техническим и физическим наукам.

Настоятельно необходимо усилить ответственность не только диссертационных советов, но и научных руководителей, консультантов, оппонентов диссертантов.

Следует признать, что институт официальных оппонентов в настоящее время функционирует далеко не лучшим образом. И хотя именно официальные оппоненты «по идее» должны говорить решающее слово в процедуре оценки качества диссертаций, но ни для кого не секрет, что кандидатуры официальных оппонентов подбираются по соображениям весьма далеким от научной принципиальности. Для диссертационных советов, а также руководителей будущих кандидатов и консультантов будущих докторов важно по сути одно: «подведет» оппонент или «не подведет». При таком подходе многие отзывы на диссертации дают, мягко говоря, необъективную, искаженную оценку последним. Отрицательные отзывы стали исключением из правила, хотя известно, что есть, к сожалению, немало исследований, которые дают для этого все основания.

Что может изменить подобную ситуацию? Только одно - если официальные оппоненты и ведущие организации будут отбираться и назначаться в условиях беспристрастности и научной целесообразности; иными словами, если от участия в этом процессе будут отстранены «заинтересованные стороны».

Возможно ли это? Да, если хватит решимости положить конец порочной практике подбора оппонентов, сложившейся в последние десятилетия.

Представляется необходимым, чтобы в случае, если оппонент дал положительный отзыв на работу, не отвечающую требованиям ВАК (когда ВАК отменяет решение диссертационного совета о присвоении искомой ученой степени), он должен лишаться права выступать в дальнейшем оппонентом, о чем публиковать сообщение в Бюллетене ВАК.

Кроме того, наступило время утвердить перечень вузов и НИИ, имеющих право выступать ведущими организациями по защите докторских диссертаций - чтобы прекратить практику «я - тебе, ты - мне».

Важно создать нетерпимую к околонучной деятельности обстановку в научной среде, не допускающей профанации, борясь за честь научного работника. На защиту своих диссертаций абсолютное большинство российских ученых выходило состоявшимися научными работниками. Почему же повольительно сегодня принижать науку, оскорблять научное сообщество тем, что ныне стало возможным относиться к защите диссертации, в том числе докторской, как к проходному моменту, необходимому лишь для утверждения амбиций или получения определенных благ?

Пленум ВАК Минобрнауки РФ 17 декабря 2007 года справедливо отметил, что самым принципиальным вопросом всей работы по аттестации научно-педагогических кадров высшей квалификации является серьезное повышение уровня требований к кандидатским и докторским диссертациям.

Это отразилось, в частности, и в том, что Экспертный совет ВАК Минобрнауки РФ по педагогике и психологии, руководствуясь указаниями Президиума ВАК и Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, существенно повысил требования, предъявляемые не только к докторским, но и к кандидатским диссертациям.

Показательно, что резко возросло число диссертаций, поставленных на контроль, то есть тех, по рассмотрению которых Экспертный совет: а) возвращает на доработку заключения диссертационных советов; б) создает специальные комиссии экспертов; в) запрашивает опубликованные работы диссертантов, тексты кандидатских исследований; г) вызывает самих соискателей, их научных консультантов и руководителей, председателей диссертационных советов на заседания Экспертного Совета ВАК.

Разумеется, все это сопряжено с серьезными трудностями для руководителей и членов Экспертного совета. Дело доходит до их оскорблений, угроз, клеветнических наветов, судебных исков, третиования семей, шантажа.

Имеется и немало случаев, когда маститые, уважаемые ученые, в том числе члены РАО, публично громогласно ратуют за повышение требований к аспирантам и докторантам, на деле руководствуясь чувствами симпатии-антипатии к конкретным лицам, не стесняются оказывать прямое давление на экспертов ВАК.

Но несмотря на все это, в 2006 г. на контроль было поставлено 36 докторских и 75 кандидатских

работ, то есть 112 диссертаций; в 2007 г. - 42 докторских и 83 кандидатских диссертаций, то есть 125 работ (для сравнения в 2000 г. из рассмотренных 321 докторской и 2675 кандидатских на контроль была поставлена всего 21 работа).

В результате, по рекомендации Экспертного совета, Президиум ВАК отклонил в 2006 г. 5 докторских и отменил решение диссертационных советов по 8 кандидатским работам. Но еще до Президиума ВАК, после обсуждения на Экспертном совете, сами сняли свои работы соискатели 6 докторских и 15 кандидатских работ, осознав их несостоятельность.

В 2007 г. Президиум ВАК по рекомендации Экспертного совета отклонил 3 докторских и отменил решение диссертационных советов по 7 кандидатским работам. При этом еще до Президиума ВАК, после обсуждения на Экспертном совете, сами сняли с рассмотрения свои работы соискатели 15 докторских и 14 кандидатских диссертаций, осознав их несостоятельность.

Таким образом, если в 2006 г. было «остановлено» прохождение в науку 11 докторских работ, не отвечающих требованиям ВАК, то в 2007 г. было «остановлено» прохождение 18 докторских работ, не отвечающих требованиям ВАК, и, кроме того, отменено в 2006 г. решение диссертационных советов по 23 кандидатским диссертациям и 21 кандидатской диссертации в 2007 г.

Но эти цифры приводятся вовсе не как показатели неких достижений Экспертного совета.

Хотя все его члены, делегированные ведущими ВУЗами и государственной академией наук - Российской академией образования, отличаются высоким профессионализмом, повышенным чувством ответственности, а также вежливостью и доброжелательностью по отношению к соискателям, вызываемым на заседания Совета. Однако речь идет не о каких-то успехах экспертов, а о тревожном сигнале - в психолого-педагогической сфере научных знаний только за последние два года «пустоцветами» оказались 29 докторских и 44 кандидатских работы. Это - не только личные беды данных десятков людей, но и общая беда учебного сообщества педагогов и психологов.

Поэтому, одновременно с ростом требовательности к качеству диссертационных исследований Экспертный совет по педагогике и психологии ВАК Минобрнауки РФ ведет специальную работу по поиску новых критериев оценки педагогического и психологического исследования, результатом которого в современных условиях выступает не только теоретическое знание или теоретическое описание определенного явления, но и различного рода прикладные разработки, конституирование новых практик (в аспекте их интеллектуально-

го обеспечения). При этом Совет исходит из того, что экспертная оценка диссертационного труда должна быть опосредована, помимо всего прочего, и тем, насколько он входит в зону ближайшего развития науки.

Именно для осуществления данной задачи регулярно проводятся всероссийские и региональные семинары, круглые столы, совещания председателей и членов диссертационных советов, ведущих кафедрами педагогики, частных методик, психологии, дефектологии, на которых все участники получают не просто богатый материал, касающийся перспективной проблематики исследований, но и четкий сигнал - околонуковая продукция не пройдет!

Общепонятно, что диссертации должны выполняться не только с учетом личных научных интересов авторов, но и с учетом проблем государственного масштаба, на что целенаправлена и деятельность специально организованного Президиумом РАО в 2007 г. Координационного совета, ориентирующего НИИ и вузы страны, например, на разработку и реализацию государственных образовательных стандартов на разных ступенях системы непрерывного образования, проблем определения и освоения новых образовательных технологий, модернизации системы образования, развитие духовности и нравственного потенциала учащихся и др. Еще в № 6 Бюллетеня ВАК за 2005 г. Экспертный совет по педагогике и психологии опубликовал рекомендации по наиболее приоритетным направлениям педагогической и психологической наук, ждущих, требующих своего углубленного исследования. Председатель Совета только за последние два года дал 11 развернутых интервью еженедельнику «Аргументы и факты», «Учительской газете», «Комсомольской правде», «Независимой газете», газете «Газета», ряду научных и научно-методических журналов, четко обозначив главную задачу Совета, которая состоит в том, чтобы всемерно содействовать людям науки, их работе, но при этом не допускать в нее авторов псевдонаучных творений.

Всемерно укрепляя научный потенциал педагогики и психологии, Президиум российской академии образования стремится к активизации как существующих кадров ученых, так и к пополнению исторически сложившейся общности научных работников новыми, в том числе и особенно молодыми людьми, способными к творческому развитию системы психолого-педагогических знаний, что определяет необходимость установления более прочных связей членов Президиума РАО и Бюро отраслевых отделений Академии с Экспертным советом по педагогике и психологии ВАК Минобрнауки РФ.

Стабилизация позитивных психических состояний личности как критерий эффективности гештальтоориентированной арт-коррекции сотрудников ФСИН

С. А. Красненкова

По данным имеющихся исследований, среди сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС) растет количество лиц, у которых отмечают психогенные потери личности, включая деструктивное поведение, психоневротические проявления, агрессивность и т.д. Потребность персонала в решении личных проблем психологического характера и обращении к психологам актуализировала необходимость совершенствования деятельности этих специалистов, повышения уровня их компетентности в оказании реальной помощи как сотрудникам УИС, относящимся к категории лиц с высоким уровнем эмоционально-стрессовых нагрузок, так и членам их семей. С этой точки зрения весьма актуальным является исследование возможностей расширения арсенала психокоррекционных методов, пригодных для использования психологом-практиком в пенитенциарной системе.

Коллективом специалистов в области юридической психологии под руководством М. В. Леви (2002) среди методов регуляции психического состояния выделены психотерапия, психологическое консультирование, физиотерапия, цветолечение, ароматерапия, фитотерапия, рефлексотерапия, психологический тренинг (телесно-ориентированные методы; медитативные техники и т.д.). В качестве музыкотерапии предлагался метод музыкальной графики - рисование под музыку, активизирующий самостоятельность, улучшающий внимание, успокаивающий, расковывающий.

Эту идею мы попытались реализовать в авторском варианте одной из форм гештальтоориентированного арт-метода «Реституция рисованием» («реституция» - от лат. *restitutio* - восстановление). Понятие «Реституция рисованием» означает «восстановление поврежденного организма рисованием...». Оно раскрывает содержание и механизм арт-коррекционной работы посредством рисуночных техник. «Реституция рисованием» как форма гештальтоориентированной арт-коррекции - это специально организованная система приемов психокоррекционного воздействия и одновременно психодиагностическое и психокоррекционное средство анализа и управления развитием психических состояний сотрудников УИС и членов их семей.

Объектом исследования выступила гештальтоориентированная арт-коррекция, предметом, - психические состояния личности сотрудников УИС и членов их семей и их коррекция реституцией рисованием.

Предпочтение было отдано гештальтоориентированной парадигме арт-метода, как наиболее соответствующей арт-терапевтической цели гар-

монизации личности через развитие способности самовыражения и самопознания. Используемые невербальные арт-методики «Медитативный рисунок» А. Будза (2002), «Медитативный рисуночный тест» В. И. Серова (2005), «Осознай и нарисуй» Д. Н. Хломова (2002), рассматривались в качестве способов мобилизации возбуждения и создания ясной фокусировки, способствующей осознанию, что соответствовало трем уровням, или направлениям работы в гештальттерапии, обозначенным как «мобилизация возбуждения», «создание фокусировки» и «возложение ответственности». Психокоррекционный процесс заключался в выполнении испытуемыми медитации, с последующим рисованием.

В исследовании приняло участие 600 человек, из них 200 мужчин в возрасте 18-50 лет, являющихся сотрудниками Управления федеральной службы исполнения наказаний (УФСИН), Отряда специального назначения УФСИН «Скиф», Управления по конвоированию УФСИН, а также исправительных учреждений УИС Воронежской области, 200 женщин в возрасте 18-50 лет, состоящих в супружеских отношениях с сотрудниками УИС, и 200 детей сотрудников УИС в возрасте 13-15 лет женского и мужского пола. Специфический психологический эксперимент проводился в виде семи психокоррекционных встреч. В экспериментальные группы вошли 450 человек, из них 150 мужчин, 150 женщин и 150 детей. Было сформировано 9 экспериментальных групп испытуемых по 50 человек каждая.

При изучении психических состояний сотрудников УИС и членов их семей были использованы следующие психодиагностические методы: стандартизированный многофакторный метод исследования личности - СМЛЛ (Л. Н. Собчик, 2000) - 566 вопросов, мужской, женский, подростковый варианты - модификация Minnesota Multiphasic Personality Inventory (MMPI), предложенного Hathaway и McKinley; методика «Оценка эффективности реституции рисованием» (ОЭРР) - модификация теста Т. Dembo (Т. Дембо) - С. Я. Рубинштейн «Исследование самооценки» (1998) и метода диагностики социально-психологического климата коллектива и личности Б. Д. Парыгина (2003). Однако, помимо отслеживания общей (масштабной) динамики психических состояний до и после психокоррекции, проводилось ежедневное изучение микродинамики психических состояний в процессе каждой из психокоррекционных встреч.

Анализ полученных данных позволил, во-первых, проследить динамику психических состояний личности сотрудников пенитенциарной системы и членов их семей под воздействием арт-коррекции,

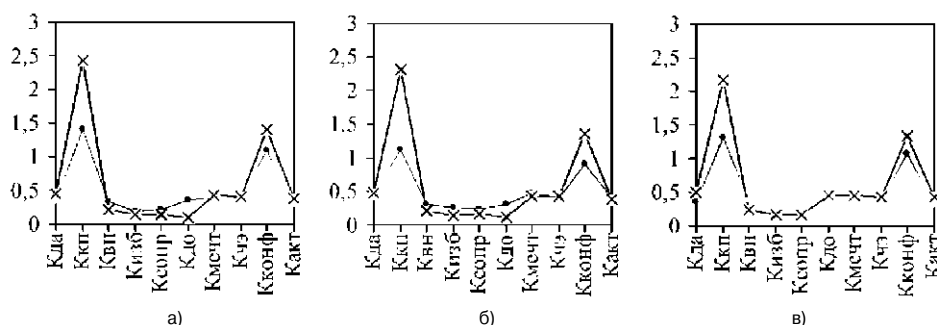

Рис. 1. Изменение средних значений психодинамических коэффициентов у мужчин (до психокоррекции (---) и после психокоррекции (-x-)): а) в экспериментальной группе мужчин, участвовавших в арт-коррекционных встречах по методике А. Будза, б) в экспериментальной группе мужчин, участвовавших в арт-коррекционных встречах по методике В. И. Серова, в) в экспериментальной группе мужчин, участвовавших в арт-коррекционных встречах по методике Д. Н. Хломова.

во-вторых, оценить целесообразность использования гештальтоориентированного арт-метода в психокоррекционной практике психических состояний, в-третьих, дать сравнительную оценку степени эффективности арт-методик, обладающих, на первый взгляд, сходным спектром направленности воздействия. Проведение мониторинга было необходимо, чтобы понять, каким образом происходит процесс стабилизации психических состояний.

Для мониторинга гештальтоориентированной арт-коррекции психических состояний сотрудников УИС и членов их семей использовался психодиагностический Метод цветочных выборов - МЦВ (Л. Н. Собчик, 2000) - модификация восьмичетового теста М. Lüscher (М. Люшера), позволяющий выявлять индивидуально-личностный паттерн испытуемого, его типологические свойства, тип реагирования, эмоциональное состояние на момент обследования.

На каждой из семи психокоррекционных встреч, до и после арт-коррекции, осуществлялось двойное предъявление испытуемым восьми цветочных таблиц Люшера. Процедура обследования протекала стандартно, функция цвета, отражающая субъективное отношение испытуемого к выбранным цветам, определялась и кодировалась стандартно. Отмечались явное предпочтение, предпочтение, безразличие, неприятие цветов. При обработке результатов использовался метод расчета психодинамических коэффициентов соотношения цветов в выборе Д. В. Сочивко (2003). Соответственно рассчитывались десять психодинамических коэффициентов: коэффициент дезадаптированности (Кда), коэффициент конструктивности поведения (Ккп), коэффициент волевой напряженности (Квн), коэффициент избирательности или избегания общения (Кизб), коэффициент сопротивляемости (Ксопр), коэффициент дистантности общения (Кдо), коэффициент мечтательности (Кмечт), коэффициент чувственно-эстетического отношения к действительности (Кчэ), коэффициент конфликтивности (Кконф), коэффициент активности (Какт).

Во избежание получения статистического арте-

факта в исследовании использовались методы вероятностного статистического анализа, позволившие оценить количественную взаимозависимость исследуемых психологических явлений и степень достоверности результатов, обосновать статистические закономерности полученных данных. Из способов математико-статистической обработки были выбраны методы параметрической статистики.

Получили значимые множественные различия практически по всем коэффициентам, свидетельствующие о стабилизации психического состояния сотрудников и членов их семей, прошедших гештальтоориентированную арт-коррекцию.

Изменение психического состояния респондентов мужчин в процессе гештальтоориентированной арт-коррекции, изучаемое с помощью психодинамических коэффициентов, рассчитанных для цветочных выборов по методу Д. В. Сочивко, представлено на рис. 1.

Как видно на рис. 1а, в экспериментальной группе мужчин, участвовавших в арт-коррекционных встречах по методике А. Будза, в результате психокоррекции отмечались повышение значения по психодинамическому коэффициенту Ккп, и понижение по Кдо, при $p < 0,01$, а также повышения значений Кда, Кконф, Какт, и понижения Квн, Кизб, Ксопр, при $p < 0,01$. По психодинамическим коэффициентам Кмечт, Кчэ изменений не происходило. Отсюда, логично говорить, что у испытуемых данной группы, психокоррекция способствовала повышению конструктивности разрешения проблем, готовности к общению, избеганию конфликтов.

Как видно на рис. 1б, в экспериментальной группе мужчин, участвовавших в арт-коррекционных встречах по методике В. И. Серова, в результате психокоррекции отмечался ряд изменений, выражающихся в повышении значений по таким психодинамическим коэффициентам, как Ккп, Кконф, понижению значения Кдо, а также понижению значений Квн, Кизб, Ксопр, при $p < 0,01$. Изменений по психодинамическим коэффициентам Кда, Кмечт, Кчэ, Какт не отмечалось. Это свидетельствовало

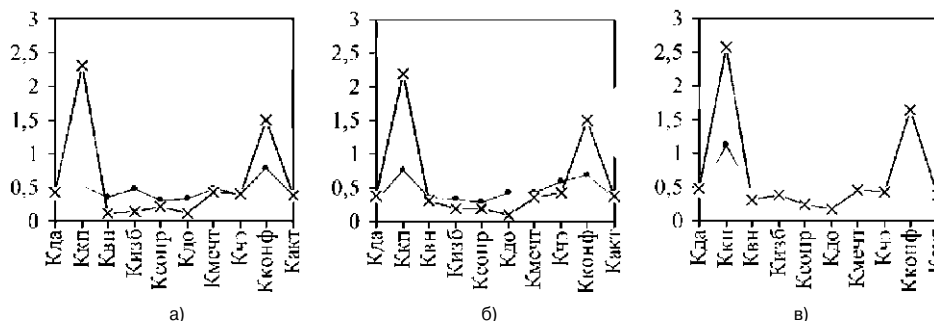

Рис. 2. Изменение средних значений психодинамических коэффициентов у женщин (до психокоррекции (—•—) и после психокоррекции (—х—)): а) в экспериментальной группе женщин, участвовавших в арт-коррекционных встречах по методике А. Будза, б) в экспериментальной группе женщин, участвовавших в арт-коррекционных встречах по методике В. И. Серова, в) в экспериментальной группе женщин, участвовавших в арт-коррекционных встречах по методике Д. Н. Хломова.

о повышении у испытуемых конструктивности разрешения проблем, стремления к саморазвитию, избеганию конфликтов, готовности к общению.

Как видно на рис. 1в, в экспериментальной группе мужчин, участвовавших в арт-коррекционных встречах по методике Д.Н.Хломова, в результате психокоррекции, прослеживались следующие изменения: повышение Ккп, при $p < 0,01$; повышения Кда, Кдо, Кконф, понижения Квн, Ксопр, при $p < 0,01$, а также тенденция к понижению Кизб, при $p < 0,05$. По психодинамическим коэффициентам Кмечт, Кчз изменений не наблюдалось. Таким образом, испытуемые на момент окончания исследования отличались склонностью к мирному, конструктивному разрешению проблем с помощью осторожных действий, стремлением к саморазвитию.

Изменение психического состояния респондентов женщин в процессе гештальтоориентированной арт-коррекции представлено на рис.2.

Как видно на рис.2а, под воздействием психокоррекции в экспериментальной группе женщин, участвовавших в арт-коррекционных встречах по методике А. Будза, выявлялись повышения Ккп и Кконф, понижение Кдо, повышение Кда, понижение Квн и Ксопр, при $p < 0,01$. Изменений по психодинамическим коэффициентам Кизб, Кмечт, Кчз, Какт не наблюдалось. Можно говорить, что у испытуемых данной подгруппы, в результате психокоррекции отмечалось повышение конструктивности разрешения проблем, стремления к саморазвитию, избеганию конфликтов, готовности к общению.

Как видно на рис.2б, в результате психокоррекции, в экспериментальной группе женщин, участвовавших в арт-коррекционных встречах по методике В. И. Серова, отмечались повышение Ккп и Кконф, понижение Кдо, понижение Кизб, Ксопр, Кчз, при $p < 0,01$, а также тенденция к незначительному повышению значения Кда, $p < 0,05$. Изменения значений по психодинамическим коэффициентам Квн, Кмечт, Какт не прослеживались. Следовательно, у испытуемых женщин, участвовавших в арт-коррекционных встречах по методике В. И. Серова, по-

добно испытуемым женщинам, участвовавшим в арт-коррекционных встречах по методике А. Будза, под воздействием психокоррекции, отмечалось повышение конструктивности разрешения проблем, стремления к саморазвитию, избеганию конфликтов, готовности к общению.

Как видно на рис.2в, в результате психокоррекции, в экспериментальной группе женщин, участвовавших в арт-коррекционных встречах по методике Д. Н. Хломова, выявлялись повышения Ккп и Кконф, понижение Кдо, повышение Кда, понижение Ксопр, при $p < 0,01$, а также отсутствие изменений значений Квн, Кизб, Кмечт, Кчз, Какт. Это свидетельствовало о повышении у испытуемых женщин, участвовавших в арт-коррекционных встречах по методике Д. Н. Хломова, подобно испытуемым женщинам, участвовавшим в арт-коррекционных встречах по методикам А. Будза и В. И. Серова, конструктивности разрешения проблем, стремления к саморазвитию, избеганию конфликтов, готовности к общению.

Изменение психического состояния респондентов детей в процессе гештальтоориентированной арт-коррекции представлено на рис.3.

Как видно на рис.3а, в результате психокоррекции у испытуемых детей, участвовавших в арт-коррекционных встречах по методике А. Будза отмечались повышения значений по Ккп, Кконф, понижение Кдо, при $p < 0,01$, понижение Кизб, Ксопр, Кмечт, при $p < 0,01$, а также тенденция к незначительным понижениям Квн и Кчз, при $p < 0,05$. Изменений по психодинамическим коэффициентам Кда и Какт не отмечалось. У испытуемых наблюдалось повышение конструктивности разрешения проблем, стремления к саморазвитию, избеганию конфликтов, готовности к общению.

Как видно на рис.3б, в результате психокоррекции у испытуемых детей, участвовавших в арт-коррекционных встречах по методике В. И. Серова, были выявлены повышения Ккп, Кдо, понижение Кизб, а также повышение Кконф и понижение Ксопр, Кмечт, Кчз, при $p < 0,01$. По Кда, Квн, Какт из-

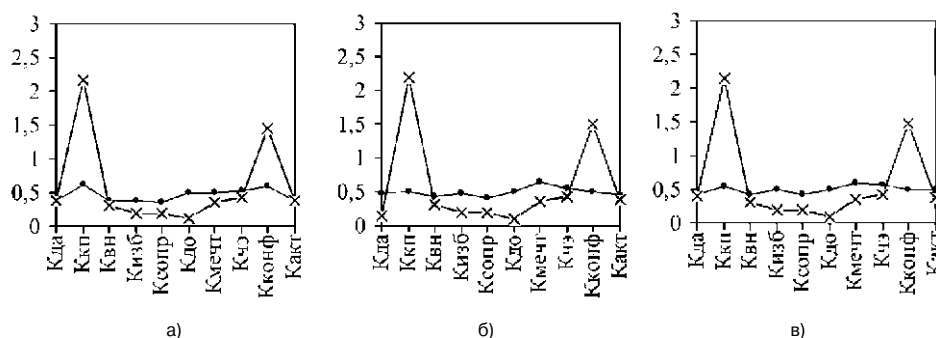

Рис. 3. Изменение средних значений психодинамических коэффициентов у детей (до психокоррекции (-•-) и после психокоррекции (-x-)): а) в экспериментальной группе детей, участвовавших в арт-коррекционных встречах по методике А. Будза, б) в экспериментальной группе детей, участвовавших в арт-коррекционных встречах по методике В. И. Серова, в) в экспериментальной группе детей, участвовавших в арт-коррекционных встречах по методике Д. Н. Хломова.

менений не отмечалось. Это свидетельствовало о повышении у испытуемых конструктивности разрешения проблем, стремления к саморазвитию, самостоятельному принятию решений, при стремлении к замкнутости, покою, и в тоже время, сопротивлению внешним воздействиям.

Как видно на рис.3в, в результате психокоррекции у испытуемых детей, участвовавших в арт-коррекционных встречах по методике Д. Н. Хломова, отмечались повышение по Ккп, понижение по Кдо, повышение по Кконф, понижение по Квн, Кизб, Ксопр, Кмечт, Кчэ при $p < 0,01$, а также наличие тенденции к незначительному понижению Какт, при $p < 0,05$. Изменений по Кда не наблюдалось. Отмеченное свидетельствовало, что в данной подростковой группе в результате психокоррекции испытуемые отличались стремлением к конструктивности разрешения проблем, стремлением к саморазвитию, при готовности к общению.

Полученные данные позволили сделать вывод об изменениях психических состояний личности испытуемых, произошедших в результате гештальтоориентированной арт-коррекционной работы. Проведенный анализ показал, что вследствие психокоррекции у испытуемых всех групп, участвовавших в исследовании, повысились конструктивность разрешения проблем, стремление к само-

развитию, тем самым, подтвердив эффективность данного психокоррекционного метода.

В рамках исследования была выявлена стабилизация психического состояния сотрудников УИС и членов их семей, прошедших гештальтоориентированную арт-коррекцию, а также определено, что стабилизация психического состояния способствует повышению конструктивности поведения, снижению конфликтности. Наиболее позитивные результаты отмечались во всех группах женщин, а также в группе мужчин, участвовавших в арт-коррекционных встречах по методике В. И. Серова и группе детей, участвовавших в арт-коррекционных встречах по методике А. Будза.

Полученные результаты позволили не просто заявить об эффективности реституции рисованием, но и обозначить сферу и пределы эффективности применения гештальтоориентированной арт-коррекции в зависимости от объекта воздействия, что обязательно при обосновании любой психотехнологии.

Литература

- Собчик Л. Н. Введение в психологию индивидуальности. - М.: ИПП-ИСП, 2000. С. 202-237.
 Сочивко Д. В. Психодинамика. - М.: ПЕР СЭ, 2003. С. 178-182.
 (Lusher M.) Люшер М. Цветовой тест Люшера. / Пер. с англ. А. Никоновой. - М.: Изд-во Эксмо, 2004. С. 52-74.

Организация реабилитации жертв террористического акта в Беслане

И. В. Добряков, Ж. Ч. Цуциева, Л. И. Яхьяева

Трагические события в г. Беслан стали причиной не только гибели сотен детей и взрослых, но и спровоцировали появление посттравматических стрессовых расстройств (ПТСР) у детей, их родителей, находившихся в заложниках, а также у их родных и близких. С целью их реабилитации была разра-

ботана программа длительной реабилитации пострадавших детей и их родственников. Программа включала комплексные мероприятия, осуществляемые командой специалистов, позволяющие пострадавшим получить поддержку, адаптироваться к новой ситуации, выразить свои эмоции, почтить

память погибших, мобилизовать ресурс и осознать перспективу. Работа по этой программе была начата с октября 2004 года в г. Владикавказе на базе Республиканского центра психолого-педагогической медико-социальной помощи детям. При этом центр оказывает помощь не только детям и взрослым, непосредственно бывшим в заложниках, но и людям со вторичным посттравматическим стрессовым расстройством.

Стремление помочь жертвам теракта выразили многие как отечественные, так и зарубежные организации, однако далеко не всегда эта помощь была организована оптимальным образом. К сожалению, это нередко, негативно влияло на состояние пострадавших. Так многим из них были предложены бесплатные путёвки для прохождения санаторно-курортного лечения, отдыха, как в нашей стране, так и за рубежом. Опыт показал, что осуществлять преемственность реабилитации при этом очень сложно, поэтому последствия таких поездок оказались неоднозначными. Дети и взрослые, начавшие реабилитационный процесс в месте проживания, уезжая в другие города и страны, нередко испытывали трудности адаптации к новым условиям, тяжело переносили необходимость расстаться с членами семьи. В новом месте им, как правило, не предоставлялась возможность работать с командой специалистов, способных осуществлять преемственность и продолжить начатые реабилитационные мероприятия в том же русле и объёме. Если работа с пострадавшими и продолжалась, то их культурные и религиозные особенности учитывались недостаточно. Нередко они вообще были лишены какой бы то ни было психологической поддержки и психотерапевтической помощи. Однако, оказавшись изолированными от напоминающей о происшедшем травмирующей обстановки, многим удавалось восстановить или компенсировать утраченные социальные связи, вернуться к привычным формам жизнедеятельности. К сожалению, при возвращении в Беслан большинство пострадавших, как правило, испытывали повторное воздействие психотравмирующих факторов, отвечали на них острой реакцией. Это можно проиллюстрировать следующим примером.

Зарина А., 1993 года рождения, оказалась среди заложников в школе №1 г. Беслана. Находилась там 3 дня. При освобождении погибла её младшая сестра, а сама Зарина получила осколочные ранения.

В Центр была приведена матерью. С её слов, после выписки из больницы, Зарина старалась уединяться, неохотно вступала в контакт, старалась не выходить на улицу, часто плакала, пугалась посторонних звуков, фон настроения был снижен. Девочка боялась спать без мамы, испытывала трудности засыпания. Её беспокоили кошмарные сновидения, от которых она несколько раз за ночь просыпалась в слезах. О пережитом говорить отказывалась, но по некоторым признакам мать догадывалась, что у дочери спонтанно возникают травмирующие воспоминания.

При первом осмотре в Центре Зарина была тревожна, скованна, медлительна, на вопросы отвеча-

ла не сразу, односложно.

В результате проведения комплексных мероприятий, у девочки наблюдалось улучшение. Удалось снизить уровень тревожности, напряжения. Нормализовался процесс засыпания. Хотя кошмарные повторяющиеся сновидения продолжали беспокоить, ночные пробуждения стали отмечаться реже. Потребность в уединении несколько снизилась. Возросла коммуникативная активность, девочка стала принимать участие в коллективных играх, охотно рисовала.

На 28 дне реабилитационный процесс был прерван, так как Зарина вошла в состав группы, выехавшей в г. Сочи на отдых в течение 30 дней.

Специалисты, работавшие с Зариной в санатории г. Сочи, отмечали повышенную тревожность и сниженное настроение девочки. Она боялась охранников в камуфляжной форме, не хотела выходить из здания, возобновились диссомнии. Однако, к концу отдыха отмечалась положительная динамика. После возвращения домой, её состояние значительно ухудшилось: снова снизился фон настроения, появились головные боли. Зарина не вставала с кровати на протяжении нескольких дней, требовала, чтобы никто не входил в её комнату, категорически отказывалась от любого общения с окружающими. На попытки родных поговорить с ней не реагировала или отвечала вспышками гнева.

Психолог и психотерапевт, занимавшиеся с девочкой в Центре до поездки в Сочи, посетили её дома, смогли установить контакт и замотивировать ее на продолжение реабилитационного процесса, который практически пришлось начинать сначала.

К сожалению, нет гарантий того, что террористических актов в нашей стране больше не будет. Поэтому так важно учесть опыт Беслана и при организации реабилитации больных с ПТСР руководствоваться следующими принципами:

- реабилитация должна проводиться в том месте, где проживают и будут продолжать проживать потерпевшие;
- реабилитация должна носить семейный характер;
- необходимо сотрудничество и преемственность в работе всех специалистов (врачей, психологов, социальных работников, педагогов и др.), занимающихся пострадавшими;
- среди специалистов, участвующих в реабилитации пострадавших, не должны находиться их родственники и близкие знакомые;
- для повышения качества проводимой реабилитационной работы целесообразна организация супервизии;
- специалисты, работающие с пострадавшими; сами нуждаются в психологической помощи, направленной на профилактику развития синдрома сгорания, вторичного ПТСР;
- при необходимости лечения пациента в другом городе, желательно, чтобы члены семьи могли сопровождать его, важно обеспечивать преемственность в реабилитационном процессе, позволяющую не прерывать его и не менять резко его характер.

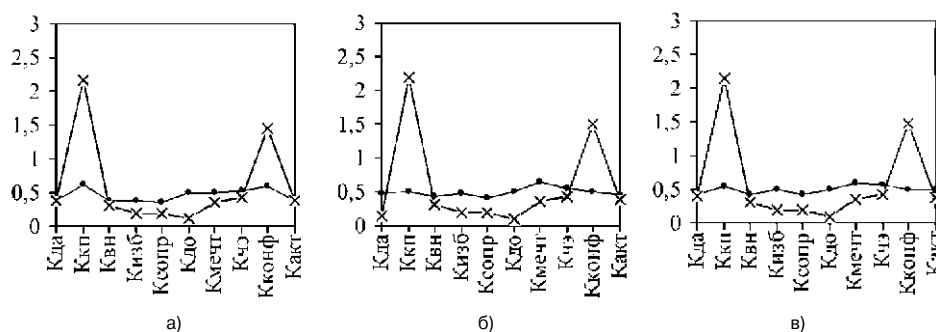

Рис. 3. Изменение средних значений психодинамических коэффициентов у детей (до психокоррекции (-•-) и после психокоррекции (-x-)): а) в экспериментальной группе детей, участвовавших в арт-коррекционных встречах по методике А. Будза, б) в экспериментальной группе детей, участвовавших в арт-коррекционных встречах по методике В. И. Серова, в) в экспериментальной группе детей, участвовавших в арт-коррекционных встречах по методике Д. Н. Хломова.

менений не отмечалось. Это свидетельствовало о повышении у испытуемых конструктивности разрешения проблем, стремления к саморазвитию, самостоятельному принятию решений, при стремлении к замкнутости, покою, и в тоже время, сопротивлению внешним воздействиям.

Как видно на рис.3в, в результате психокоррекции у испытуемых детей, участвовавших в арт-коррекционных встречах по методике Д. Н. Хломова, отмечались повышение по Ккп, понижение по Кдо, повышение по Кконф, понижение по Квн, Кизб, Ксопр, Кмечт, Кчз при $p < 0,01$, а также наличие тенденции к незначительному понижению Какт, при $p < 0,05$. Изменений по Кда не наблюдалось. Отмеченное свидетельствовало, что в данной подростковой группе в результате психокоррекции испытуемые отличались стремлением к конструктивности разрешения проблем, стремлением к саморазвитию, при готовности к общению.

Полученные данные позволили сделать вывод об изменениях психических состояний личности испытуемых, произошедших в результате гештальтоориентированной арт-коррекционной работы. Проведенный анализ показал, что вследствие психокоррекции у испытуемых всех групп, участвовавших в исследовании, повысились конструктивность разрешения проблем, стремление к само-

развитию, тем самым, подтвердив эффективность данного психокоррекционного метода.

В рамках исследования была выявлена стабилизация психического состояния сотрудников УИС и членов их семей, прошедших гештальтоориентированную арт-коррекцию, а также определено, что стабилизация психического состояния способствует повышению конструктивности поведения, снижению конфликтности. Наиболее позитивные результаты отмечались во всех группах женщин, а также в группе мужчин, участвовавших в арт-коррекционных встречах по методике В. И. Серова и группе детей, участвовавших в арт-коррекционных встречах по методике А. Будза.

Полученные результаты позволили не просто заявить об эффективности реституции рисованием, но и обозначить сферу и пределы эффективности применения гештальтоориентированной арт-коррекции в зависимости от объекта воздействия, что обязательно при обосновании любой психотехнологии.

Литература

- Собчик Л. Н. Введение в психологию индивидуальности. - М.: ИПП-ИСП, 2000. С. 202-237.
 Сочивко Д. В. Психодинамика. - М.: ПЕР СЭ, 2003. С. 178-182.
 (Lusher M.) Люшер М. Цветовой тест Люшера. / Пер. с англ. А. Никоновой. - М.: Изд-во Эксмо, 2004. С. 52-74.

Организация реабилитации жертв террористического акта в Беслане

И. В. Добряков, Ж. Ч. Цуциева, Л. И. Яхьяева

Трагические события в г. Беслан стали причиной не только гибели сотен детей и взрослых, но и спровоцировали появление посттравматических стрессовых расстройств (ПТСР) у детей, их родителей, находившихся в заложниках, а также у их родных и близких. С целью их реабилитации была разра-

ботана программа длительной реабилитации пострадавших детей и их родственников. Программа включала комплексные мероприятия, осуществляемые командой специалистов, позволяющие пострадавшим получить поддержку, адаптироваться к новой ситуации, выразить свои эмоции, почтить

память погибших, мобилизовать ресурс и осознать перспективу. Работа по этой программе была начата с октября 2004 года в г. Владикавказе на базе Республиканского центра психолого-педагогической медико-социальной помощи детям. При этом центр оказывает помощь не только детям и взрослым, непосредственно бывшим в заложниках, но и людям со вторичным посттравматическим стрессовым расстройством.

Стремление помочь жертвам теракта выразили многие как отечественные, так и зарубежные организации, однако далеко не всегда эта помощь была организована оптимальным образом. К сожалению, это нередко, негативно влияло на состояние пострадавших. Так многим из них были предложены бесплатные путёвки для прохождения санаторно-курортного лечения, отдыха, как в нашей стране, так и за рубежом. Опыт показал, что осуществлять преимущество реабилитации при этом очень сложно, поэтому последствия таких поездок оказались неоднозначными. Дети и взрослые, начавшие реабилитационный процесс в месте проживания, уезжая в другие города и страны, нередко испытывали трудности адаптации к новым условиям, тяжело переносили необходимость расстаться с членами семьи. В новом месте им, как правило, не предоставлялась возможность работать с командой специалистов, способных осуществлять преимущество и продолжить начатые реабилитационные мероприятия в том же русле и объёме. Если работа с пострадавшими и продолжалась, то их культурные и религиозные особенности учитывались недостаточно. Нередко они вообще были лишены какой бы то ни было психологической поддержки и психотерапевтической помощи. Однако, оказавшись изолированными от напоминающей о происшедшем травмирующей обстановки, многим удавалось восстановить или компенсировать утраченные социальные связи, вернуться к привычным формам жизнедеятельности. К сожалению, при возвращении в Беслан большинство пострадавших, как правило, испытывали повторное воздействие психотравмирующих факторов, отвечали на них острой реакцией. Это можно проиллюстрировать следующим примером.

Зарина А., 1993 года рождения, оказалась среди заложников в школе №1 г. Беслана. Находилась там 3 дня. При освобождении погибла её младшая сестра, а сама Зарина получила осколочные ранения.

В Центр была приведена матерью. С её слов, после выписки из больницы, Зарина старалась уединяться, неохотно вступала в контакт, старалась не выходить на улицу, часто плакала, пугалась посторонних звуков, фон настроения был снижен. Девочка боялась спать без мамы, испытывала трудности засыпания. Её беспокоили кошмарные сновидения, от которых она несколько раз за ночь просыпалась в слезах. О пережитом говорить отказывалась, но по некоторым признакам мать догадывалась, что у дочери спонтанно возникают травмирующие воспоминания.

При первом осмотре в Центре Зарина была тревожна, скованна, медлительна, на вопросы отвеча-

ла не сразу, односложно.

В результате проведения комплексных мероприятий, у девочки наблюдалось улучшение. Удалось снизить уровень тревожности, напряжения. Нормализовался процесс засыпания. Хотя кошмарные повторяющиеся сновидения продолжали беспокоить, ночные пробуждения стали отмечаться реже. Потребность в уединении несколько снизилась. Возросла коммуникативная активность, девочка стала принимать участие в коллективных играх, охотно рисовала.

На 28 дне реабилитационный процесс был прерван, так как Зарина вошла в состав группы, выехавшей в г. Сочи на отдых в течение 30 дней.

Специалисты, работавшие с Зариной в санатории г. Сочи, отмечали повышенную тревожность и сниженное настроение девочки. Она боялась охранников в камуфляжной форме, не хотела выходить из здания, возобновились диссомнии. Однако, к концу отдыха отмечалась положительная динамика. После возвращения домой, её состояние значительно ухудшилось: снова снизился фон настроения, появились головные боли. Зарина не вставала с кровати на протяжении нескольких дней, требовала, чтобы никто не входил в её комнату, категорически отказывалась от любого общения с окружающими. На попытки родных поговорить с ней не реагировала или отвечала вспышками гнева.

Психолог и психотерапевт, занимавшиеся с девочкой в Центре до поездки в Сочи, посетили её дома, смогли установить контакт и замотивировать ее на продолжение реабилитационного процесса, который практически пришлось начинать сначала.

К сожалению, нет гарантий того, что террористических актов в нашей стране больше не будет. Поэтому так важно учесть опыт Беслана и при организации реабилитации больных с ПТСР руководствоваться следующими принципами:

- реабилитация должна проводиться в том месте, где проживают и будут продолжать проживать потерпевшие;
- реабилитация должна носить семейный характер;
- необходимо сотрудничество и преимущество в работе всех специалистов (врачей, психологов, социальных работников, педагогов и др.), занимающихся пострадавшими;
- среди специалистов, участвующих в реабилитации пострадавших, не должны находиться их родственники и близкие знакомые;
- для повышения качества проводимой реабилитационной работы целесообразна организация супервизии;
- специалисты, работающие с пострадавшими; сами нуждаются в психологической помощи, направленной на профилактику развития синдрома сгорания, вторичного ПТСР;
- при необходимости лечения пациента в другом городе, желательно, чтобы члены семьи могли сопровождать его, важно обеспечивать преимущество в реабилитационном процессе, позволяющую не прерывать его и не менять резко его характер.

Новые книги по психологии

постоянный ведущий рубрики А. И. Фролов

Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / Ред.-сост. Л.А. Карпенко. Под. Общ. Ред. А.В. Петровского. - М.: ПЕР СЭ, 2005.

«Психологический Лексикон» первое в России справочно-энциклопедическое издание, состоящее из серии словарей по основным направлениям психологической науки. Серия включает в себя тома: «Общая психология»/Редактор - академик РАО, докт. психол. наук, А.В. Петровский;

«Социальная психология» /Редактор - чл.-кор. РАО, докт. психол. наук, М.Ю. Кондратьев; «Психология развития» /Редактор - докт. псих. наук, А.Л. Венгер; «Психофизиология» /Редакторы и авторы - академик РАО, докт. биол. наук, М.М. Безруких; академик РАО, докт. биол. наук, Д.А. Фабер; «Клиническая психология» /Редактор - докт. психол. наук, Н.Д. Творогова; «История психологии в лицах. Персоналии» /Редактор - канд. психол. наук, Л.А. Карпенко.

В создании словарей, содержащих около 2500 статей приняло участие более четырехсот ведущих специалистов. Психологический лексикон рассчитан на широкий круг читателей, интересующихся проблематикой психологии, но особое значение имеет для тех преподавателей психологии, кто изучает психологию и кто работает психологом.

Фундаментальный учебник Общая психология: в 7т. / Под ред. Б.С. Братуся

В издательском центре «Академия» в 2007 г. издано первых 4 тома фундаментального коллективного труда - учебника по общей психологии, подготовленного кафедрой общей психологии психологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Главная задача учебника повысить уровень профессиональной подготовки психологов в учебных заведениях России при изучении курса Общая психология.

Том 1. Е.Е. Соколова Введение в общую психологию 352 с.

Том 2. А.Н. Гусев Ощущение и восприятие 416 с.

Том 3. В.В. Нуркова Память 320 с.

Том 4. М.В. Фаликман Внимание 480 с.

Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание человека / 3-е изд., испр. и доп. М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2007. - 528 с.

В учебнике психология личности предстает как история развития изменяющейся личности в изменяющемся мире. С привлечением разрозненных ранее фактов из эволюционной биологии, культурной антропологии, истории. Социологии, физиологии и медицины обсуждаются вопросы о происхождении человека, норме и патологии личности, социальных программах поведения, роли конфликтов и взаимопомощи в развитии личности, мотивации лич-

ности и поиске человеком смысла существования.

Книга полезна всем психологам, так как в настоящее время в России психология личности стала одной из интегрирующих дисциплин и востребованных направлений психологической науки.

Грановская Р.М. Психологическая защита. СПб.: Речь, 2007. - 476 с.

Главная цель книги - помочь человеку понять, что с ним происходит, когда он в тяжелой ситуации, когда им владеют тревога, страх и отчаяние. Материал книги организован так, чтобы каждый человек, не обладающий специальными знаниями в области психологии, мог бы заглянуть в свой внутренний мир и попытаться организовать его иначе, более эффективно. Используя предложенную автором систему защиты, он сможет направить свои усилия на повышения самооценки и развития адекватного образа «Я».

Специалистов-психологов может заинтересовать организация систем психологической защиты предложенная автором. В рамках служебной подготовки, психологам правоохранительных органов, материал книги поможет обучению сотрудников приемам самоуправления, позволяющим самостоятельно снизить воздействие защиты, преодолевать тяжелые ситуации и использовать способы совладания, для успешной организации служебной деятельности.

Руководство по аддиктологии / Под ред. Проф. В.Д. Менделевича. СПб.: Речь, 2007. - 768 с.

Руководство предназначено для врачей-наркологов, психиатров, медицинских (клинических) психологов, оказывающих медико-психологическую помощь людям с различными формами зависимостей.

Аддиктология - наука о химических и нехимических зависимостях, изучающая механизмы их формирования, развития, диагностики, профилактики, лечения и реабилитации.

В руководстве представлены как теоретические разделы, описывающие современное понимание этиопатогенеза аддитивных расстройств. Их диагностические и дифференциально-диагностические критерии, так и частные вопросы клиники, терапии и реабилитации различных зависимостей - алкогольной, наркотической, никотиновой, игровой, пищевой, сексуальной, «Социально приемлемые» формы нехимических зависимостей, коммуникативные зависимости, зависимое воровство (клептомания и делинквентные кражи).

Руководство написано научным коллективом ведущих российских психиатров, наркологов, психологов под общей редакцией проф. В.Д. Менделевича.

Познышев С.В. Криминальная психология: Преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в

частности / Сост. и предисл. В.С. Овчинского, А.В. Федорова. - М.: ИНФРА-М, 2007. - IX, 302 с. - (Библиотека криминолога).

В предлагаемом сборнике трудов выдающегося русского юриста и психолога Сергея Викторовича Познышева (1870-1942) рассматриваются проблемы изучения и типологии преступников, не потерявшие своей актуальности в начале XXI в.

Работа печатается с оригиналов книг, изданных в конце 20-х гг. прошлого века и до настоящего времени не переиздававшихся.

Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических и психологических вузов и факультетов, а также широкого круга читателей, интересующихся проблемами борьбы с преступностью.

Старшенбаум Г.В. Тренинг навыков практического психолога: Интерактивный учебник: Игры, тесты, упражнения. - М.: Издательство Института психотерапии, 2006. - 416 с.

В учебнике собраны многочисленные упражнения и тесты для тренировки профессиональных навыков, нужных для успешной индивидуальной и семейной терапии и для проведения тренинговых и терапевтических групп различной направленности. С помощью тестов, заданий для самостоятельной работы над собой и психологических игр с соучениками или коллегами это учебник поможет объективно оценить и развить необходимые для психологической работы качества личности.

Учебник адресован психологам и психотерапевтам. Психологи правоохранительных органов найдут в данном учебнике много интересного и полезного для развития своих профессиональных навыков.

18 программ тренингов: Руководство для профессионалов / Под науч. Ред. В.А. Чикер. - СПб. Речь, 2007. - 368 с.

В книге представлены 18 программ тренингов разной проблематики и для разной аудитории; изложена авторская концепция каждого из тренингов и общая структура их построения.

Книга предназначена для профессионалов, которые уже ведут тренинги, но тем не менее испытывают потребность в обращении к опыту своих и новом осмыслении уже известного в области тренинга, а также поиске идей по построению собственных модифицированных авторских программ.

Практические психологи в данной книге найдут концептуальные схемы построения тренингов таких как: социально-психологический тренинг для руководителя, тренинг разрешения конфликтов, тренинг организационного развития, тренинг управления агрессией, когнитивно-ориентированный тренинг толерантности и др.

Бурлачук Л.Ф. Словарь-справочник по психодиагностике. 3-е изд. - СПб Питер. 2007. - 688 с.

Третье, переработанное и дополненное издание справочника (предыдущие вышли в 1988, 1999 гг.) содержит наиболее полный обзор всех существующих и используемых профессиональными пси-

хологами психодиагностических методик. В книге вы найдете информацию об авторах того или иного теста, его структуре и характеристиках. Сведения о сфере и задачах его применения; получите представления о многообразии стимульного материала, образцы которого приведены в книге, о математико-статистическом аппарате, применяемом в психодиагностике.

Издание предназначено для практических психологов и психотерапевтов.

Сочивко Д.В., Гаврина Е.Е., Боковиков А.К., Белокуров Г.И. Подсознание террориста / Под ред. Д.В.Сочивко - М.; ПЕР СЭ, 2006 - 192 с.

Авторский коллектив данной работы предложил и апробировал основные приемы и методы проведения социально-психологического обследования участников террористической деятельности, изложил результаты исследования личности осужденного за террористическую деятельность, предложил рекомендации и предложения по организации психолого-воспитательной работы федеральных государственных учреждениях с данной категорией осужденных.

Предлагаемое научное издание предназначено для специалистов в области юридической и прикладной психологии, обществоведения, социологии и всем интересующимся проблемами современного общества.

Психология здоровья: Учебник для вузов / Под ред. Г.С. Никофорова. - СПб.: Питер, 2006. - 607 с.

Первый в России учебник «Психология здоровья» посвящен новому, интенсивно развивающемуся направлению исследований. Обсуждаются основные этапы становления психологии здоровья и ее предметная область. Само понятие здоровья трактуется как системный феномен. В книге рассматриваются слабо разработанные в зарубежной и отечественной психологии здоровья проблемы: критерии психологического и социального здоровья, вопросы психологического обеспечения профессионального здоровья и долголетия человека. Учебник полезен всем психологам правоохранительных органов при решении задач по сохранению психологического здоровья сотрудников и персонала организаций.

Сочивко Д.В., Литвишков В.М. Пенитенциарная антропология. Опыт систематизации психолого-педагогической теории и практики в местах лишения свободы. - М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. - 320 с.

Предметом пенитенциарной антропологии как науки являются синтетические психологические новообразования личности, основанные как на психологическом, так и на воспитательном (педагогическом) воздействии в период отбывания наказания. В книге определены основные направления антропологии в условиях отбывания наказания, а также в условиях службы в уголовно-исполнительной системе.

Информация с заседаний Центрального Координационного совета по психологическому обеспечению учреждений и органов ФСИН России

М. Г. Дебольский, И. В. Михалева

С 30 сентября по 13 октября 2007 года на базе УФСИН России по Тульской области состоялось очередное заседание Центрального Координационного совета по психологическому обеспечению учреждений и органов ФСИН России.

На заседаниях Координационного совета присутствовали: члены совета, начальники психологических служб территориальных органов ФСИН России, начальники межрегиональных психологических лабораторий, представители научных и образовательных учреждений ФСИН России и общественных организаций. Всего 50 представителей из 45 регионов России.

В повестку дня заседаний Центрального Координационного совета входило рассмотрение следующих вопросов:

1. Научно-методические и организационные предпосылки совершенствование деятельности психологической службы УИС.

2. Опыт проведения мониторинга социально-психологической обстановки в среде осужденных и психологической работы с лицами, состоящими на профучете.

3. Отчет начальников психологических служб территориальных органов со сложной оперативной обстановкой и допустившими чрезвычайные происшествия (УФСИН России по Алтайскому краю, УФСИН России по Республике Саха (Якутия), УФСИН России по Чувашской Республике, УФСИН России по Ярославской области).

4. Опыт использования современных психотехнологий в психокоррекционной работе с осужденными.

В процессе заседания использовались следующие формы работы: пленарные заседания; практические занятия (социально-психологические тренинги); знакомство с опытом психологической работы учреждений ФСИН России по Тульской области; просмотр учебных видеofilмов о практической деятельности пенитенциарных психологов.

С приветственным словом к участникам Координационного совета обратился начальник УСПВРО ФСИН России, полковник внутренней службы Полозюк Виталий Леонидович, который ещё раз поздравил всех участников совета и психологов ФСИН России с 15-летием психологической службы, пожелал успешной работы и наметил дальнейшие перспективы взаимодействия психологов с сотрудниками других подразделений ФСИН России.

Также, слова приветствия высказал начальник УФСИН России по Тульской области, полковник внутренней службы Брант Виктор Адольфович. В своём выступлении он рассказал о Тульской земле и её традициях, об истории становления и развития пенитенциарных учреждений Тульской области.

Далее слово было представлено председателю Общественного совета при УФСИН России по Тульской области Воронцову Александру Васильевичу. Речь в его выступлении шла о тесном взаимодействии персонала исправительных учреждений Тульской области с общественными организациями, о совместном конструктивном общении и решении проблем, связанных с исправлением и реабилитацией осужденных.

О новых перспективах взаимодействия было посвящено выступление Регионального директора по Российской Федерации «СПИД Фонда Восток-Запад» Ходакевич Наталии Львовны.

Доклад «15 лет психологической службе УИС: состояние, проблемы, перспективы развития» сделал заместитель начальника УСПВРО - начальник отдела психологической службы ФСИН России, полковник внутренней службы Дебольский Михаил Георгиевич.

В своем докладе М. Г. Дебольский выделил этапы становления психологической службы ФСИН России, обозначил перспективы развития, проанализировал причины имеющихся недостатков и поставил задачи перед психологами:

- Совершенствование нормативно-правового обеспечения деятельности психологической службы УИС.
- Совершенствование организационной структуры и увеличение численности психологов УИС.
- Повышение эффективности профилактики правонарушений (мониторинг социально-психологической обстановки в среде осужденных).
- Повышение профессиональной компетентности персонала психологической службы УИС и другие.

Одним из приятных моментов заседания было награждение лучших специалистов-психологов медалями за добросовестный труд.

Затем состоялось обсуждение вопросов повестки дня, в котором приняли участие Степанова Н. А. - заведующая кафедрой специальной психологии ТГПУ им. Л. Н. Толстого, кандидат психологических наук, доцент; Сазанова Н. А. - начальник отдела обработки и анализа статистической информации по воспитательной работе с осужденными и психологической службе ФГУ НИИИПТ ФСИН России (г. Тверь); начальники психологических служб; представители образовательных учреждений.

Особое место в работе Координационного совета было отведено отчетам начальников психологических служб регионов со сложной оперативной обстановкой. Выступающие анализировали причины конкретных негативных ситуаций и докладывали о мероприятиях, проведенных в регионе с целью недопущения рецидива.

Кроме плотного рабочего графика участникам Координационного совета была предложена насыщенная познавательная программа: экскурсия по Кремлю г.Тулы, знакомство с городом-героем, экскурсия по усадьбе Л. Н. Толстого с посещением литературного музея и собственно дома-музея великого писателя.

Закончилась работа Координационного совета выездом участников в исправительное учреждение, где был представлен опыт работы сотрудников психологической лаборатории этого учреждения с осужденными, содержащимися на строгом режиме. После чего были подведены итоги работы и принято решение Координационного совета.

Ежегодная научно-практическая конференция Деевские чтения-2008

С. В. Горностаев, А. Н. Третьяков

4-5 марта 2008 года в Рязани состоялась ежегодная научно-практическая конференция Деевские чтения-2008 «Проблемы мотивации и направленности личности».

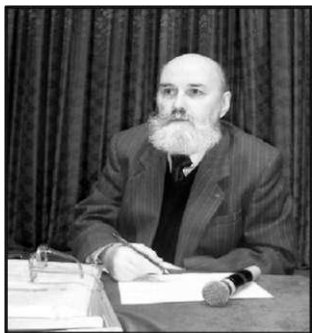
В первый день в работе конференции в Академии ФСИН России приняли участие специалисты из четырнадцати городов России и Казахстана. Конференция, традиционно, предусматривала как очное, так и «заочное» участие в виде статей и обзорных докладов. По итогам работы конференции издан сборник статей и тезисов выступлений.

Во второй день на базе Рязанского филиала Московской Бизнес Школы (Мbf) в рамках конференции прошел научно-практический семинар «Трудовая мотивация: проблемы и решения» с участием специалистов по работе с персоналом организаций.

Отдельную благодарность организаторы конференции выражают депутату Рязанского городского совета Александру Антоновичу Чайке.

И. П. Башкатов - подвиг, продолжавшийся целую жизнь

Н. И. Махиборода

Башкатов Иван Павлович - упоминание этого имени связано с хорошим настроением, веселой шуткой, душевной беседой за чашкой чая. Такому тонкому умению общаться с коллегами и учениками нельзя обучиться ни в каких университетах. Сжимается болью сердце, на глазах появляются слезы, когда из воспоминаний возвращаешься в реальность, понимая, что этого великого человека уже нет рядом с нами. А ему бы исполнилось только 65. Сколько планов и сколько дел могло быть еще впереди... В тот теплый октябрьский день он не очень хорошо себя чувствовал, но продолжал читать лекции и в последние часы своей жизни, общался с учениками, которым предстояло в ближайшие дни защищать диссертации, готовился в командировку. Да и что означало для Ивана Пав-

ловича какое-то недомогание, когда он многие годы будучи прикованным к инвалидной коляске плодотворно занимался наукой, успешно руководил кафедрой и научной школой, очень много преподавал и даже писал стихи.

Родился Иван Павлович 21 декабря 1942 года в селе Солдатка, Красногвардейского района, Белгородской области.

Свою трудовую деятельность И. П. Башкатов начал рабочим бондарного цеха Красногвардейского плодокомбината (1960 г.), затем работал учителем в Филькинской начальной школе (1961-1962 г.), далее студент Белгородского государственного педагогического института (1962-1966 г.), учитель, методист Валуйской и психолог Новооскольской воспитательных колоний (1966-1975 гг.). С 1975 года - старший преподаватель, доцент, профессор, академик, заведующий кафедрой социальной психологии и педагогики Коломенского государственного педагогического института.

И. П. Башкатов видный учёный в области юридической и социальной психологии, социальной и пенитенциарной педагогики, профилактики безнадзорности и правонарушений, исправления и перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей, психолого-педагогической коррекции, реабилитации и ресоциализации детей и подростков социального неблагополучия, находящихся в специальных учреждениях интернатного типа. В его научно-педагогической деятельнос-

Информация с заседаний Центрального Координационного совета по психологическому обеспечению учреждений и органов ФСИН России

М. Г. Дебольский, И. В. Михалева

С 30 сентября по 13 октября 2007 года на базе УФСИН России по Тульской области состоялось очередное заседание Центрального Координационного совета по психологическому обеспечению учреждений и органов ФСИН России.

На заседаниях Координационного совета присутствовали: члены совета, начальники психологических служб территориальных органов ФСИН России, начальники межрегиональных психологических лабораторий, представители научных и образовательных учреждений ФСИН России и общественных организаций. Всего 50 представителей из 45 регионов России.

В повестку дня заседаний Центрального Координационного совета входило рассмотрение следующих вопросов:

1. Научно-методические и организационные предпосылки совершенствование деятельности психологической службы УИС.
2. Опыт проведения мониторинга социально-психологической обстановки в среде осужденных и психологической работы с лицами, состоящими на профучете.
3. Отчет начальников психологических служб территориальных органов со сложной оперативной обстановкой и допустившими чрезвычайные происшествия (УФСИН России по Алтайскому краю, УФСИН России по Республике Саха (Якутия), УФСИН России по Чувашской Республике, УФСИН России по Ярославской области).
4. Опыт использования современных психотехнологий в психокоррекционной работе с осужденными.

В процессе заседания использовались следующие формы работы: пленарные заседания; практические занятия (социально-психологические тренинги); знакомство с опытом психологической работы учреждений ФСИН России по Тульской области; просмотр учебных видеofilмов о практической деятельности пенитенциарных психологов.

С приветственным словом к участникам Координационного совета обратился начальник УСПВРО ФСИН России, полковник внутренней службы Полозюк Виталий Леонидович, который ещё раз поздравил всех участников совета и психологов ФСИН России с 15-летием психологической службы, пожелал успешной работы и наметил дальнейшие перспективы взаимодействия психологов с сотрудниками других подразделений ФСИН России.

Также, слова приветствия высказал начальник УФСИН России по Тульской области, полковник внутренней службы Брант Виктор Адольфович. В своём выступлении он рассказал о Тульской земле и её традициях, об истории становления и развития пенитенциарных учреждений Тульской области.

Далее слово было представлено председателю Общественного совета при УФСИН России по Тульской области Воронцову Александру Васильевичу. Речь в его выступлении шла о тесном взаимодействии персонала исправительных учреждений Тульской области с общественными организациями, о совместном конструктивном общении и решении проблем, связанных с исправлением и реабилитацией осужденных.

О новых перспективах взаимодействия было посвящено выступление Регионального директора по Российской Федерации «СПИД Фонда Восток-Запад» Ходакевич Наталии Львовны.

Доклад «15 лет психологической службе УИС: состояние, проблемы, перспективы развития» сделал заместитель начальника УСПВРО - начальник отдела психологической службы ФСИН России, полковник внутренней службы Дебольский Михаил Георгиевич.

В своем докладе М. Г. Дебольский выделил этапы становления психологической службы ФСИН России, обозначил перспективы развития, проанализировал причины имеющихся недостатков и поставил задачи перед психологами:

- Совершенствование нормативно-правового обеспечения деятельности психологической службы УИС.
- Совершенствование организационной структуры и увеличение численности психологов УИС.
- Повышение эффективности профилактики правонарушений (мониторинг социально-психологической обстановки в среде осужденных).
- Повышение профессиональной компетентности персонала психологической службы УИС и другие.

Одним из приятных моментов заседания было награждение лучших специалистов-психологов медалями за добросовестный труд.

Затем состоялось обсуждение вопросов повестки дня, в котором приняли участие Степанова Н. А. - заведующая кафедрой специальной психологии ТГПУ им. Л. Н. Толстого, кандидат психологических наук, доцент; Сазанова Н. А. - начальник отдела обработки и анализа статистической информации по воспитательной работе с осужденными и психологической службе ФГУ НИИИПТ ФСИН России (г. Тверь); начальники психологических служб; представители образовательных учреждений.

Особое место в работе Координационного совета было отведено отчетам начальников психологических служб регионов со сложной оперативной обстановкой. Выступающие анализировали причины конкретных негативных ситуаций и докладывали о мероприятиях, проведенных в регионе с целью недопущения рецидива.

Кроме плотного рабочего графика участникам Координационного совета была предложена насыщенная познавательная программа: экскурсия по Кремлю г.Тулы, знакомство с городом-героем, экскурсия по усадьбе Л. Н. Толстого с посещением литературного музея и собственно дома-музея великого писателя.

Закончилась работа Координационного совета выездом участников в исправительное учреждение, где был представлен опыт работы сотрудников психологической лаборатории этого учреждения с осужденными, содержащимися на строгом режиме. После чего были подведены итоги работы и принято решение Координационного совета.

Ежегодная научно-практическая конференция Деевские чтения-2008

С. В. Горностаев, А. Н. Третьяков

4-5 марта 2008 года в Рязани состоялась ежегодная научно-практическая конференция Деевские чтения-2008 «Проблемы мотивации и направленности личности».

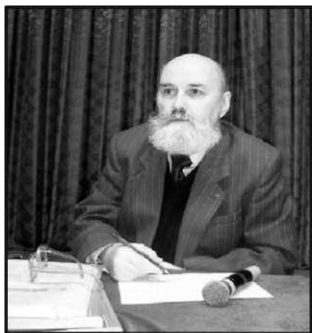
В первый день в работе конференции в Академии ФСИН России приняли участие специалисты из четырнадцати городов России и Казахстана. Конференция, традиционно, предусматривала как очное, так и «заочное» участие в виде статей и обзорных докладов. По итогам работы конференции издан сборник статей и тезисов выступлений.

Во второй день на базе Рязанского филиала Московской Бизнес Школы (Мbf) в рамках конференции прошел научно-практический семинар «Трудовая мотивация: проблемы и решения» с участием специалистов по работе с персоналом организаций.

Отдельную благодарность организаторы конференции выражают депутату Рязанского городского совета Александру Антоновичу Чайке.

И. П. Башкатов - подвиг, продолжавшийся целую жизнь

Н. И. Махиборода

Башкатов Иван Павлович - упоминание этого имени связано с хорошим настроением, веселой шуткой, душевной беседой за чашкой чая. Такому тонкому умению общаться с коллегами и учениками нельзя обучиться ни в каких университетах. Сжимается болью сердце, на глазах появляются слезы, когда из воспоминаний возвращаешься в реальность, понимая, что этого великого человека уже нет рядом с нами. А ему бы исполнилось только 65. Сколько планов и сколько дел могло быть еще впереди... В тот теплый октябрьский день он не очень хорошо себя чувствовал, но продолжал читать лекции и в последние часы своей жизни, общался с учениками, которым предстояло в ближайшие дни защищать диссертации, готовился в командировку. Да и что означало для Ивана Пав-

ловича какое-то недомогание, когда он многие годы будучи прикованным к инвалидной коляске плодотворно занимался наукой, успешно руководил кафедрой и научной школой, очень много преподавал и даже писал стихи.

Родился Иван Павлович 21 декабря 1942 года в селе Солдатка, Красногвардейского района, Белгородской области.

Свою трудовую деятельность И. П. Башкатов начал рабочим бондарного цеха Красногвардейского плодокombината (1960 г.), затем работал учителем в Филькинской начальной школе (1961-1962 г.), далее студент Белгородского государственного педагогического института (1962-1966 г.), учитель, методист Валуйской и психолог Новооскольской воспитательных колоний (1966-1975 гг.). С 1975 года - старший преподаватель, доцент, профессор, академик, заведующий кафедрой социальной психологии и педагогики Коломенского государственного педагогического института.

И. П. Башкатов видный учёный в области юридической и социальной психологии, социальной и пенитенциарной педагогики, профилактики безнадзорности и правонарушений, исправления и перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей, психолого-педагогической коррекции, реабилитации и ресоциализации детей и подростков социального неблагополучия, находящихся в специальных учреждениях интернатного типа. В его научно-педагогической деятельнос-

Кроме плотного рабочего графика участникам Координационного совета была предложена насыщенная познавательная программа: экскурсия по Кремлю г.Тулы, знакомство с городом-героем, экскурсия по усадьбе Л. Н. Толстого с посещением литературного музея и собственно дома-музея великого писателя.

Закончилась работа Координационного совета выездом участников в исправительное учреждение, где был представлен опыт работы сотрудников психологической лаборатории этого учреждения с осужденными, содержащимися на строгом режиме. После чего были подведены итоги работы и принято решение Координационного совета.

Ежегодная научно-практическая конференция Деевские чтения-2008

С. В. Горностаев, А. Н. Третьяков

4-5 марта 2008 года в Рязани состоялась ежегодная научно-практическая конференция Деевские чтения-2008 «Проблемы мотивации и направленности личности».

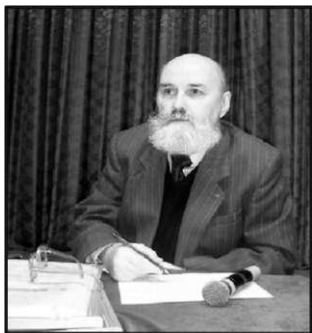
В первый день в работе конференции в Академии ФСИН России приняли участие специалисты из четырнадцати городов России и Казахстана. Конференция, традиционно, предусматривала как очное, так и «заочное» участие в виде статей и обзорных докладов. По итогам работы конференции издан сборник статей и тезисов выступлений.

Во второй день на базе Рязанского филиала Московской Бизнес Школы (Мbf) в рамках конференции прошел научно-практический семинар «Трудовая мотивация: проблемы и решения» с участием специалистов по работе с персоналом организаций.

Отдельную благодарность организаторы конференции выражают депутату Рязанского городского совета Александру Антоновичу Чайке.

И. П. Башкатов - подвиг, продолжавшийся целую жизнь

Н. И. Махиборода

Башкатов Иван Павлович - упоминание этого имени связано с хорошим настроением, веселой шуткой, душевной беседой за чашкой чая. Такому тонкому умению общаться с коллегами и учениками нельзя обучиться ни в каких университетах. Сжимается болью сердце, на глазах появляются слезы, когда из воспоминаний возвращаешься в реальность, понимая, что этого великого человека уже нет рядом с нами. А ему бы исполнилось только 65. Сколько планов и сколько дел могло быть еще впереди... В тот теплый октябрьский день он не очень хорошо себя чувствовал, но продолжал читать лекции и в последние часы своей жизни, общался с учениками, которым предстояло в ближайшие дни защищать диссертации, готовился в командировку. Да и что означало для Ивана Пав-

ловича какое-то недомогание, когда он многие годы будучи прикованным к инвалидной коляске плодотворно занимался наукой, успешно руководил кафедрой и научной школой, очень много преподавал и даже писал стихи.

Родился Иван Павлович 21 декабря 1942 года в селе Солдатка, Красногвардейского района, Белгородской области.

Свою трудовую деятельность И. П. Башкатов начал рабочим бондарного цеха Красногвардейского плодокомбината (1960 г.), затем работал учителем в Филькинской начальной школе (1961-1962 г.), далее студент Белгородского государственного педагогического института (1962-1966 г.), учитель, методист Валуйской и психолог Новооскольской воспитательных колоний (1966-1975 гг.). С 1975 года - старший преподаватель, доцент, профессор, академик, заведующий кафедрой социальной психологии и педагогики Коломенского государственного педагогического института.

И. П. Башкатов видный учёный в области юридической и социальной психологии, социальной и пенитенциарной педагогики, профилактики безнадзорности и правонарушений, исправления и перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей, психолого-педагогической коррекции, реабилитации и ресоциализации детей и подростков социального неблагополучия, находящихся в специальных учреждениях интернатного типа. В его научно-педагогической деятельнос-

ти удачно сочетались глубокие знания в области психологии, педагогики и юриспруденции.

В 1973 году в Научно-исследовательском институте теории и методов воспитания Академии педагогических наук СССР под руководством М. А. Алемаскина была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук на тему: «Малые группы и межличностные отношения в колониях для несовершеннолетних осужденных», в январе 1992 года в том же институте Иван Павлович Башкатов защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора педагогических наук на тему: «Психолого-педагогические особенности возникновения, развития и функционирования групп несовершеннолетних правонарушителей».

И. П. Башкатов - автор и руководитель научной школы, утвержденной Министерством образования России в 1993 году. Ведущим направлением научной школы является разработка концепции психологии притеснения, социальной психологии и криминогенного развития групп, форм и методов психолого-педагогической коррекции, социализации, реабилитации и ресоциализации несовершеннолетних с различными видами отклонений в развитии и поведении. Разработка проблем осуществляется на базе междисциплинарного подхода, который включает в себя философское, психолого-педагогическое, социально-психологическое и криминологическое направления.

Новизна исследований профессора И. П. Башкатова состоит в том, что в результате многолетней научной - исследовательской работы, анализа и обобщения передового опыта ему удалось теоретически обосновать и практически разработать новый концептуальный подход к изучению психологии притеснения и неформальных подростково-молодежных групп, раскрыть понятие притеснения и криминогенного развития групп, определить основополагающие принципы их изучения, дать определение, структуру и виды притеснения, типологию неформальных подростково-молодежных групп, обозначить их место в общей системе психологии групп и коллективов. Им экспериментально выявлены и теоретически обоснованы количественно - качественные показатели неформальных подростково-молодежных групп, и на основе их анализа дана психолого-педагогическая классификация таких групп, раскрыты их характеристики. Данная концепция является дальнейшей разработкой коррекционно-реабилитационной, социально - психологической и педагогической теории личности, групп и коллективов, осуществляемой в отечественной психологии и педагогике.

Среди приоритетных направлений исследований И. П. Башкатова важное место занимала проблема подготовки высококвалифицированных специалистов в области воспитательно-профилактической и коррекционно-реабилитационной деятельности. При его непосредственном участии в институте создана система подготовки учителей-воспитателей истории, физической культуры и общетехнических дисциплин для учебной и

воспитательно-коррекционной работы с детьми социального неблагополучия, педагогически запущенными подростками и несовершеннолетними правонарушителями, находящимися в детских домах, школах - интернатах, спецшколах, спецПУ и воспитательных колониях.

Опытно - экспериментальная работа И. П. Башкатова в качестве одного из первых практических психологов в воспитательно-трудовых колониях и впервые разработанные им функциональные права и обязанности психолога, позволили МВД СССР в 1975 году ввести в штаты воспитательных колоний страны эту должность, а в дальнейшем в практику образовательных и специальных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей внедрить большое количество практических рекомендаций и методик по изучению психологических особенностей детей и подростков, профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

В 1979 году в Коломенском государственном педагогическом институте была открыта кафедра социальной педагогики, реорганизованная в кафедру социальной психологии и педагогики, которой он руководил 28 лет, на психологическом факультете введена специальность «Социальная педагогика и психология», где ведется профессиональная ювенологическая подготовка специалистов.

При непосредственном участии И. П. Башкатова в опытно-экспериментальной работе, помощи и консультировании 28 соискателей и аспирантов написали и защитили 3 докторских и 25 кандидатских диссертаций. Защиты завершённых диссертаций, подготовленных под его руководством, продолжаются...

Его ученики работают во многих регионах России и добиваются неплохих результатов в своей деятельности.

Им опубликовано более 150 работ (из них 130 научного и 20 учебно-методического характера) общим объемом около 300 печатных листов. В том числе 5 монографий, 1 учебник и 8 учебных пособий, 14 статей в Российской педагогической энциклопедии, ряд статей в Энциклопедическом словаре по юридической психологии и многие другие. Под его редакцией издано 12 сборников научных работ.

И. П. Башкатов был награжден медалями: «Лучший наставник МВД СССР» (1983 г.), «Заслуженный деятель науки РФ» (1996 г.), «В память 850-летия Москвы» (1997 г.), медалью К. Д. Ушинского (2000 г.), серебряной медалью «За укрепление уголовно-исполнительной системы» (2002 г.), знаком «Лучшие люди России» (2003 г.), Лауреат премии Губернатора Московской области - 2001 год.

Основными личными качествами Ивана Павловича были честность и в жизни, и в науке, скромность, душевная чистота, способность помочь человеку в неординарных сложных ситуациях, умение любить даже самых трудных детей. Все это позволило ему посвятить всю свою не очень долгую, но плодотворную жизнь служению Отечеству в деле воспитания и образования молодого поколения.

В последнее время по разным социальным и социально-психологическим причинам вопросы авторства научных работ приобретают порой очень острое (для тех же авторов) значение. Иногда ситуация доходит до абсурда, как это случилось, например, с одним руководителем диссертационного исследования, которому в качестве заготовки для будущей диссертации предложили часть... его же собственной диссертации. Но это крайний случай. Существует ряд гораздо более тонких вопросов, возникших возможно и в связи с постоянно увеличивающимся объемом научных работ и публикаций, что в свою очередь потребовало и изменений законодательства, некоторые из которых освещены в этой рубрике ее постоянным ведущим.

Авторские права на произведения науки, литературы и искусства в свете IV части Гражданского кодекса Российской Федерации

С. А. Гаранжа

1 января 2008 г. вступила в силу четвертая часть Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ), объединившая в себе ранее разрозненные нормы о правах на результаты интеллектуальной деятельности. (ст. 1255 ГК РФ):

1) исключительное право на произведение;

2) право авторства, т.е. право признаваться автором произведения;

3) право автора на имя, т.е. право использовать или разрешать использование произведения под своим именем, под вымышленным именем (псевдонимом) или без указания имени (анонимно);

4) право на неприкосновенность произведения, т.е. возможность внесения в произведение изменений, сокращений и дополнений, снабжение произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями или какими бы то ни было пояснениями только с согласия автора;

5) право на обнародование произведения, т.е. право осуществить действие или дать согласие на осуществление действия, которое впервые делает произведение доступным для всеобщего сведения путем его опубликования, публичного показа, публичного исполнения, сообщения в эфир или по кабелю либо любым другим способом.

Исключительное право является имущественным правом и предоставляет его обладателю возможность использовать по своему усмотрению результат интеллектуальной деятельности любым не противоречащим законом способом.

Большой интерес, в частности, для профессорско-преподавательского состава вузов представляет такое понятие как «служебное произведение». Это произведение, созданное в пределах установленных для работника (автора) трудовых обязанностей (ст. 1295 ГК РФ). Исключительное право на такое произведение принадлежит работодателю (в частности, высшему учебному заведению), если трудовым или иным договором между работодателем и автором не предусмотрено иное.

Согласно ст. 1271 ГК РФ правообладатель для оповещения о принадлежащем ему исключительном праве на произведение вправе использовать знак охраны авторского права, который помещается на каждом экземпляре произведения и состоит из следующих элементов:

- 1) латинской буквы "С" в окружности;
- 2) имени или наименования правообладателя;

3) года первого опубликования произведения.

Актуальным является вопрос о том, в каких случаях допускается использование произведения без согласия правообладателя и без выплаты вознаграждения. К таким случаям относятся:

- воспроизведение гражданином исключительно в личных целях (ст. 1273 ГК РФ);

- использование произведения в информационных, научных, учебных или культурных целях (ст. 1274 ГК РФ). В числе основных требований здесь - указание имени автора и источника заимствования, объем заимствования должен быть оправдан целями произведения;

- использование путем репродуцирования в единственном экземпляре без извлечения прибыли (ст. 1275 ГК РФ);

- использование произведения, постоянно находящегося в месте, открытом для свободного посещения (ст. 1276 ГК РФ);

- воспроизведение произведения для целей правоприменения (ст. 1278 ГК РФ).

Защита исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и на средства индивидуализации осуществляется, в частности, путем предъявления требования (ст. 1252 ГК РФ):

1) о признании права - к лицу, которое отрицает или иным образом не признает право, нарушая тем самым интересы правообладателя;

2) о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, - к лицу, совершающему такие действия или осуществляющему необходимые приготовления к ним;

3) о возмещении убытков - к лицу, неправомерно использовавшему результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации без заключения соглашения с правообладателем (бездоговорное использование) либо иным образом нарушившему его исключительное право и причинившему ему ущерб;

4) о публикации решения суда о допущенном нарушении с указанием действительного правообладателя - к нарушителю исключительного права.

В заключении следует отметить, что нарушение авторских прав опасно даже не столько крупными штрафными санкциями, сколько утратой намного более значимой ценности, а именно деловой репутации. Ведь кто захочет впредь сотрудничать с таким «автором»?

ти удачно сочетались глубокие знания в области психологии, педагогики и юриспруденции.

В 1973 году в Научно-исследовательском институте теории и методов воспитания Академии педагогических наук СССР под руководством М. А. Алемаскина была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук на тему: «Малые группы и межличностные отношения в колониях для несовершеннолетних осужденных», в январе 1992 года в том же институте Иван Павлович Башкатов защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора педагогических наук на тему: «Психолого-педагогические особенности возникновения, развития и функционирования групп несовершеннолетних правонарушителей».

И. П. Башкатов - автор и руководитель научной школы, утвержденной Министерством образования России в 1993 году. Ведущим направлением научной школы является разработка концепции психологии притеснения, социальной психологии и криминогенного развития групп, форм и методов психолого-педагогической коррекции, социализации, реабилитации и ресоциализации несовершеннолетних с различными видами отклонений в развитии и поведении. Разработка проблем осуществляется на базе междисциплинарного подхода, который включает в себя философское, психолого-педагогическое, социально-психологическое и криминологическое направления.

Новизна исследований профессора И. П. Башкатова состоит в том, что в результате многолетней научной - исследовательской работы, анализа и обобщения передового опыта ему удалось теоретически обосновать и практически разработать новый концептуальный подход к изучению психологии притеснения и неформальных подростково-молодежных групп, раскрыть понятие притеснения и криминогенного развития групп, определить основополагающие принципы их изучения, дать определение, структуру и виды притеснения, типологию неформальных подростково-молодежных групп, обозначить их место в общей системе психологии групп и коллективов. Им экспериментально выявлены и теоретически обоснованы количественно - качественные показатели неформальных подростково-молодежных групп, и на основе их анализа дана психолого-педагогическая классификация таких групп, раскрыты их характеристики. Данная концепция является дальнейшей разработкой коррекционно-реабилитационной, социально - психологической и педагогической теории личности, групп и коллективов, осуществляемой в отечественной психологии и педагогике.

Среди приоритетных направлений исследований И. П. Башкатова важное место занимала проблема подготовки высококвалифицированных специалистов в области воспитательно-профилактической и коррекционно-реабилитационной деятельности. При его непосредственном участии в институте создана система подготовки учителей-воспитателей истории, физической культуры и общетехнических дисциплин для учебной и

воспитательно-коррекционной работы с детьми социального неблагополучия, педагогически запущенными подростками и несовершеннолетними правонарушителями, находящимися в детских домах, школах - интернатах, спецшколах, спецПУ и воспитательных колониях.

Опытно - экспериментальная работа И. П. Башкатова в качестве одного из первых практических психологов в воспитательно-трудовых колониях и впервые разработанные им функциональные права и обязанности психолога, позволили МВД СССР в 1975 году ввести в штаты воспитательных колоний страны эту должность, а в дальнейшем в практику образовательных и специальных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей внедрить большое количество практических рекомендаций и методик по изучению психологических особенностей детей и подростков, профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

В 1979 году в Коломенском государственном педагогическом институте была открыта кафедра социальной педагогики, реорганизованная в кафедру социальной психологии и педагогики, которой он руководил 28 лет, на психологическом факультете введена специальность «Социальная педагогика и психология», где ведется профессиональная ювенологическая подготовка специалистов.

При непосредственном участии И. П. Башкатова в опытно-экспериментальной работе, помощи и консультировании 28 соискателей и аспирантов написали и защитили 3 докторских и 25 кандидатских диссертаций. Защиты завершённых диссертаций, подготовленных под его руководством, продолжаются...

Его ученики работают во многих регионах России и добиваются неплохих результатов в своей деятельности.

Им опубликовано более 150 работ (из них 130 научного и 20 учебно-методического характера) общим объемом около 300 печатных листов. В том числе 5 монографий, 1 учебник и 8 учебных пособий, 14 статей в Российской педагогической энциклопедии, ряд статей в Энциклопедическом словаре по юридической психологии и многие другие. Под его редакцией издано 12 сборников научных работ.

И. П. Башкатов был награжден медалями: «Лучший наставник МВД СССР» (1983 г.), «Заслуженный деятель науки РФ» (1996 г.), «В память 850-летия Москвы» (1997 г.), медалью К. Д. Ушинского (2000 г.), серебряной медалью «За укрепление уголовно-исполнительной системы» (2002 г.), знаком «Лучшие люди России» (2003 г.), Лауреат премии Губернатора Московской области - 2001 год.

Основными личными качествами Ивана Павловича были честность и в жизни, и в науке, скромность, душевная чистота, способность помочь человеку в неординарных сложных ситуациях, умение любить даже самых трудных детей. Все это позволило ему посвятить всю свою не очень долгую, но плодотворную жизнь служению Отечеству в деле воспитания и образования молодого поколения.